

На правах рукописи

Киркинская Татьяна Ивановна

**ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКИХ РЕПРОДУЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ
(СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И
ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Николай Данилович Голев

Барнаул – 2004

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Изучение вариативности репродуцированных текстов с помощью метода маркёров	
1.1 Предварительные замечания.....	19
1.2 Содержание эксперимента, отражающего процесс репродукции художественного текста	22
1.3 Функционально-типологические особенности исходного текста	
1.3.1 Сюжетно-композиционная организация	25
1.3.2 Лексико-семантические и синтаксические текстообразующие языковые средства.....	29
1.4 Понятие «маркёр», его роль в изучении вариативности.....	32
1.5 Квантитативные характеристики репродуцированных текстов	
1.5.1 Логические маркёры	40
1.5.2 Художественные маркёры	42
1.5.3 Репродуцированные тексты в свете трансформаций маркёров.....	44
1.6 Выводы по первой главе	52
Глава 2. Деривационная вариативность репродуцированных текстов на уровне фрагментов	
2.1 Фрагментный анализ как способ изучения деривационной вариативности текста.....	55
2.2 Деривационные области и элементы деривации	57
2.3 Описание массива репродуцированных текстов с помощью методики фрагментного анализа (на материале эксперимента)	
2.3.1 Фрагменты исходного текста	64
2.3.2 Карты деривационных областей фрагментов	68
2.3.3 Численные характеристики репродуцированных фрагментов	71

2.4	Потенциал вариативности фрагментов исходного текста	
2.4.1	Распределение вариантов фрагментов по основным параметрам деривации	77
2.4.2	Общий и креативный деривационные потенциалы фрагментов исходного текста.....	79
2.5	Качественный анализ деривационных преобразований	
2.5.1	Основные типы деривационных преобразований	81
2.5.2	Системно-текстовые и антропо-текстовые стимулы деривационных преобразований	85
2.5.3	Опыт построения и анализа карт вариативных замен	89
2.6	От деривационного варьирования фрагментов к деривационному варьированию текста	94
2.7	Выводы по второй главе.....	98
Глава 3. Лингвоперсонологический аспект вариативности репродуцированных текстов и проблема «портретирования языковой личности по тексту» (опыт реконструкции)		
3.1	Параметры лингвоперсонологических различий антропотекстов и варианты языковой способности.....	101
3.2	Комплексное описание репродуцированных текстов.....	106
3.3	Классификация антропотекстов при других способах репродуцирования.....	128
3.3.1	Озаглавливание текста как вариант его сжатия	128
3.3.2	Варианты репродуцированных текстов при клоуз-тестировании	135
3.4	Выводы по третьей главе	142
Заключение		144
Литература		148
Приложение		168

Введение

Данная работа посвящена проблеме вариативности текста, возникающей в процессе репродуцирования текста человеком. Под репродуцированием понимается создание вторичного текста на базе некоторого исходного в результате его переложения в той или иной форме. Сюда относятся обзоры, рефераты, записи устных сообщений, адаптированные тексты, изложения, вторичные инструкции и толкования законов и др. На один и тот же исходный текст разными людьми создаётся множество различных по объёму и качеству вариантов текстов. Отношения между «исходным» и «производным» (вторичным) текстами являются **деривационными** (понятие деривации рассмотрено в работах: [Голев, 1994, 1995а, 1998а; Мурзин, 1974, 1982, 1984, 1998; Сахарный, 1982; Трубникова, 1997; Чувакин, 1998 и др.]).

Для описания процесса перехода от исходного текста (ИТ) к репродуцированному (РТ) в работе используется понятие вариативности, наблюдения за которой становятся основанием для реконструкции лингвоперсонологических особенностей авторов репродуцированных текстов.

В исследовании термин «вариативность» используется в двух смыслах. Во-первых, как номинация свойства исходного текста, которое позволяет ему быть прообразом для некоторых новых текстов. Это потенциальная вариативность (системно-функциональный аспект исследования; ср.: структурно-семантический и структурно-функциональный планы в разграничении единиц русского языка [Пастушенков, 1995]). Во-вторых, рассматривается вариативность репродуцированных текстов, являющаяся результатом деривационных трансформаций исходного текста. Это реализованная, совершённая вариативность (её изучению посвящены главы 1, 2 диссертации). Исследователь, наблюдающий текстовую деривацию, фактически наблюдает «диалог» между исходным и производным текстом – диалог, разворачивающийся на фоне лингвоперсонологического функционирования языка, самого «события жизни текста» [Бахтин, 1997: 229],

и актуализирующий в тексте «прежде скрытые аспекты своей кодирующей системы» [Лотман, 2002: 161].

Термин «лингвоперсонологическое функционирование языка» введён профессором Н.Д. Голевым при работе над гипотезой об антропологическом измерении системообразующих признаков языка: «Данная гипотеза предполагает для её развития введение таких понятий, как **лингвоперсонологическое функционирование языка** и в связи с этим - его лингвоперсонологическое варьирование (имеется в виду функционирование языка в пространстве качественного разнообразия языковых способностей и вариативность результатов такого функционирования) и **антропотекст** как речевое произведение, рассматриваемое в антропологическом аспекте» [Голев, 2004а: 4].

Двумя важнейшими источниками вариативности – лингво-типологическими особенностями исходного текста и особенностями языковой способности автора РТ – обусловлено изучение вариативности, опирающееся как на результаты, полученные в рамках текстоцентрического направления, так и на успехи антропоцентрического направления в лингвистике текста. Взаимодействие этих факторов (как причин вариативности текстов) изучено недостаточно. Обоснованность такой постановки проблемы вариативности вытекает из природы текста как феномена культуры [Лосев, 1982; Лотман, 2002], а также из идеи о «регулярной соотносимости системно- и антропоцентристского описания текста и языка» [Голев, 2004б: 16]. Анализируя условия текстообразования, профессор Л. Н. Мурзин отмечает базовую роль системных качеств текста: «... язык на высшем уровне – в тексте – открывает перед говорящим огромные возможности выбора. ... При этом ограничения, накладываемые системой языка, ...служат некоторой устойчивой базой, на которую носитель языка опирается, производя и воспроизводя тексты» [Мурзин, Штерн, 1991: 39-40].

Среди различных пониманий явления «текст» его собственно

лингвистическая трактовка связана с пониманием текста как особой, развёрнутой формы осуществления речемыслительного произведения. При таком подходе наиболее значимо то, что текст понимается как форма, что разрабатывается понятие «норма текстовости» и выявляется «существование иерархии определённых текстовых норм, на которые данная форма ориентирована» [Дымарский, 1999]. Понятие текста входит в понятийную триаду «язык - речь - текст». При этом важна «как противопоставленность речи и текста, возникающая в результате первоначально нерасчленённого представления о речетекстовом единстве, так и непосредственная их взаимосвязанность: порождение речью текста, вырастание текста на речевой основе» [Дымарский, 1993].

Многие исследователи подчёркивают многофакторность феномена текста: «В тексте реализуется антиномия системность / индивидуальность. В нём совмещаются типолого-генетические и индивидуальные черты» [Тураева, 1994: 106]. Текст рассматривается «как комплекс языковых, речевых и интеллектуальных факторов» [Новиков, 1983: 4]. Текст, как продукт письменной–речевой деятельности, соединяет обе стороны жизни языка – знаковую, структурно–организованную, и смысловую, отражающую эстетическую реальность индивида и социума. Другими словами, «текст как целостная система существует в единстве двух форм: объективной, внешней, языковой и субъективной, внутренней, смысловой» [Губарева, 1997: 22]. В продолжение традиций мировой и отечественной лингвокультуры текст, как продукт словесного творчества, стал предметом теории словесности [Нерознак, 1997; Тюпа, 2002, 2003; Тюпа, Фуксон, Дарвин, 1997 и др.]. В нашей работе данное направление изучения феномена текста является значимым для исследования лингвоэстетической стороны текста.

Вариативность языковых единиц (как феноменологический аспект существования языка) была исследована на фонематическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях [Немченко, 1990; Солнцев, 1984;

Тимофеев, 1986; Шведова, 1984 и др.]. Важнейшие достижения в изучении вариативности получены в дериватологическом направлении лингвистики, развивающемся в последовательном движении от деривационной вариативности слова, словосочетания к более крупным единицам языка и речи [Голев, 1994, 1995, 1998; Мурзин, 1974, 1984, 1994, 1998; Трубникова, 1997 и др.]. Предметом дериватологии становится и текст [Доронина, 2003; Мурзин, 1982; Сайкова, 2002 и др.], появляется термин «текстовая дериватология» или «деривационная текстология» [Чувакин, 1998, 2004; Чувакин, Бровкина, Волкова, Никонова, 2000]. Вариативность рассматривается как проявление деривационного механизма в языке. Можно говорить о том, что деривационный подход является универсальным способом лингвистической интерпретации в тех случаях, когда есть исходные и производные языковые явления с проявленными вариативными свойствами (ср: случаи, когда деривационная вариативность ослаблена; это возможно на разных уровнях языка, например, на лексическом уровне – в акцентологической паре *творог* / *творог*, или на текстовом уровне – в репродуцированных текстах с минимальной деривационной областью – см. главу 2). Однако текстовый уровень изучения деривационной вариативности пока не обеспечен в полной мере необходимым научно-понятийным аппаратом и конкретными исследованиями, и первые результаты здесь получены Н.Д. Голевым и его учениками [Голев, 1998, 2004а; Голев, Сайкова, 2001; Голев, Чернышова, 2002].

Феномен вариативности отражает динамическую природу самой языко-речевой материи и сопровождает функционально-динамический аспект изучения языка. Вариативность имеет различные формы проявления в языке и рассматривается в современной лингвистике не только в русле варьирования основных единиц и их объединений на всех уровнях структуры языка, но и как составляющая психолингвистического, социолингвистического, этнолингвистического и других антропологических аспектов изучения языка. Ставится, например, вопрос о наличии вариативных, индивидуальных

признаков текста, обусловленных субъективным характером текстовой деятельности [Губарева, 1997].

В данном исследовании на первый план выдвигается деривационная и лингвоперсонологическая вариативность языка, обусловленные его антропологическим функционированием в плоскости психо-коммуникативного разнообразия языковых личностей (см., например, [Кабардов, 1985]). Подобный же параметр варьирования «представлен в гендерной лингвистике, которая выявляет и описывает качественное разнообразие мужского и женского варианта языковой способности (через разнообразие речевого поведения и речевых произведений мужчин и женщин). Несомненно, что «гендер» – отличный полигон для проверки гипотезы о лингвоперсонологической дифференциации языка» [Голев, 2004a]. Однако лингвоперсонологическое варьирование языка не исчерпывается гендерным аспектом. В диссертации предлагаются подходы к изучению текстовой деривации как одного из важнейших «полигонов» для проверки указанной гипотезы о лингвоперсонологической дифференциации языка.

Такой подход к вариативности в цепочке ИТ – РТ позволяет объективно сравнивать между собой различные производные тексты, а также оценивать то, в какой степени конкретный РТ отличается от исходного текста. Подобная задача ставилась и решалась в исследованиях формально-структурным способом [Новиков, 1983; Новиков, Ярославцева, 1990]. Была разработана система формальных правил нахождения номинативных групп и их ядер для определения степени семантической близости текстов. Однако без внимания авторов остались причины вариативного разнообразия текстов и способы описания этого разнообразия.

Превалирование отношений системности в традиционной лингвистике затрудняет осмысление и объективацию индивидуального в языке. Требуется выход на новую дисциплину **«лингвистическая персонология»**, обозначенную в работах [Нерознак, 1996, 1997; Голев, 2004a]. Базовыми здесь

являются понятия «тип языковой личности» («языковый тип»), «тип языковой способности», «языковая деятельность», «языковое чувство», заложенные в трудах классиков филологии [Бахтин, 1994; Буслаев, 1992; Виноградов, 1930; Гумбольдт, 1984; Потебня, 1993] и разрабатываемые представителями современных направлений языкознания [Богин, 1984, 1989, 1999; Бутакова, 2004; Васильева, 1994; Гамалей, 2001; Голев, 1998а, 2001, 2004, 2004а; Кабардов, 1985; Караулов, 1987, 1994 и др.]. В аспекте нашего исследования интерес представляет линия реконструкции языковой личности как носителя языковой способности и языкового чувства, которые проявляются в разных видах языковой деятельности и сопровождаются явлением вариативности языкового материала (см., например, [Максимова, 1995, 2003]).

Речь идёт о языковом пространстве, образуемом разнообразными типами языковых личностей. Языковую личность, вслед за профессором Н.Д. Голевым, мы трактуем как «носителя языковой способности определенного типового качества, данного ей изначально». В этой парадигме «текст предстаёт как проявление свойств языковой личности», это понятие обозначается термином «антропотекст» [Голев, 2004а: 15]. Важное место в структуре языковой способности занимает деривационный компонент, демонстрирующий комплексную способность индивида к восприятию, пониманию и преобразованию текстов.

Для нашего исследования принципиален тезис об онтологически тройственной природе языкового самостояния (способности) человека. Языковая личность имеет как минимум две ипостаси: носитель языка и пользователь языка. Носитель языка — онтологическая категория, указывающая на «родовую способность человека быть языковой личностью» (Г. И. Богин). Позиция языкопользователя развивается в образовательно-коммуникативной сфере жизнедеятельности. Есть ещё одно проявление языковой личности, которое каждый раз рождается в процессе взаимодействия с текстами как образцами культуры. Эта третья ипостась – возможность для

языковой личности раскрытия своих внутренних культурных смыслов. Такое разноплановое (тройное) существование языковой личности базируется на природосообразных основаниях. Так называемое «языковое чутьё носителей языка» (А. А. Потебня), «чувство языка» (В. Гумбольдт), «дар слова» (К. Д. Ушинский) присутствуют в человеке в качестве активного исходного начала языка как деятельности. Имеющиеся у каждого здорового индивида «потенциальные языковые представления» (Л.В.Щерба) участвуют в формировании языковой способности человека. Все три указанные природные составляющие языковой способности человека были обнаружены в ходе проведённого исследования.

Таким образом, лингвоперсонологический аспект исследования возникает из собственно лингвистической и внемлингвистической детерминант. Последняя связана с различными реалиями индивидуального существования человека (социальными, психологическими, гендерными, возрастными, профессиональными и т.п.), содержание которых в идеале может быть «расшифровано» через призму языкового портретирования.

Вариативность текстов в лингвоперсонологическом аспекте создаётся естественными внешними особенностями «того пространства, в котором языковая личность осуществляет себя как таковая» [Снитко, 1995] – национальными, социально-гендерными, узусно-территориальными, а также собственными внутренними особенностями – психологическими (темперамент, память, внимание, психокоммуникация) и физиологическими (доминирование одного из полушарий головного мозга, скорость протекания процессов возбуждения и торможения и т.п.). Неизбежно возникающая при данных обстоятельствах вариативность типов языковых личностей становится объектом интегральных лингвистических исследований на стыке с другими сферами знаний о человеке – философией [Гадамер, 1991; Гаспаров, 1996 и др.], психологией [Горелов, 2003; Жинкин, 1998; Карташёва, 1997; Клычникова, 1975; Лейтес, 1997; Пищальникова, 2001; Трипольская, 2002; Тугушев, 1998 и

др.], социологией [Крысин, 2003; Шахнарович, Лендел, 1999], соционикой [Комиссарова, 2002 и др.]. Языковая личность с точки зрения ее способности обучаться языку (языкам) рассматривается в лингводидактическом направлении её исследования [Афанасьев, 1930; Богин, 1999; Волокитина, Киркинская, 2002; Голев, 1998а; Заика, 2004; Киркинская, 2001, 2002, 2003 и др.]. Проблема влияния типов языковых личностей на форму и содержание создаваемых ими текстов представлена в работах [Белянин, 2000; Голев, 1998в, 2004б; Комиссарова, 2002; Сайкова, 2002; Чернышова, 1998, 2002], а также авторов, изучающих идиостилии [Болотнова, 1994, 2004; Пищальникова, 1992б и др.]. Активно формируется концепция гендерной языковой личности [Горошко, 1996; Кирилина, 1999; Нерознак, 1999; Фомин, 2003 и др.]. Однако, несмотря на широкий спектр внимания лингвистов к интегральной природе текста, к проблемам взаимодействия человека, языка, текста и текстовой культуры в целом, пока отсутствует системный анализ деривационной вариативности текстов. **Данным обстоятельством обеспечивается актуальность** предъявляемого исследования и сфера его научного вклада.

Таким образом, данное диссертационное исследование находится на возникающем при изучении феномена вариативности текстов стыке научных парадигм: 1) дериватологической парадигмы соотношения исходного и производного языкового материала, в частности её текстодериватологического варианта; 2) онтологической вариативности языковых единиц всех уровней; 3) лингвоперсонологической парадигмы, связанной с вариативной природой языковой личности как носителя языковой способности определённого качества; 4) эстетической парадигмы, выраженной в специфике художественного текста и обнаруживаемой через разнообразие персональных интерпретаций.

Объектом исследования являются деривационные трансформации текстов как результат тексто-репродуктивной деятельности человека. **Предмет** исследования – вариативность текстов, возникающая в процессе текстовой

деривации, способы её наблюдения (измерения) и описания.

Цель работы состоит в теоретическом осмыслении и поиске системных факторов явления деривационной вариативности текстов с учётом взаимодействия системно-функциональных и лингвоперсонологических текстовых параметров в паре «исходный текст – репродуцированный текст». В соответствии с данной целью **задачами** исследования являются:

1) проведение ряда экспериментов по разным способам репродуцирования текстов, эмпирическая систематизация полученного массива текстов;

2) разработка теоретического аппарата для описания вариативного текстопорождения;

3) построение карт деривационных областей репродуцированных текстов;

4) разработка методов квалиметрического анализа репродуцированных текстов, позволяющих определять параметры РТ; применение этих методов к материалам эксперимента;

5) описание типов деривационных преобразований в цепочке «ИТ – РТ», а также их причин и стимулов;

б) комплексное описание РТ с целью языкового портретирования их авторов.

Материалом основной части исследования послужили тексты-репродукции художественного текста, выполненные учащимися 6 – 11 классов из 5 барнаульских школ в режиме спонтанной письменной вербализации (изложение после самостоятельного прочтения ИТ испытуемыми). Выбор художественного текста в качестве исходного был сделан по нескольким причинам, среди которых важной является его эстетическая природа, пробуждающая в читающих их собственный эстетический языковой потенциал: «художественный текст создаёт вокруг себя поле возможных интерпретаций, порой очень широкое» [Лотман, 2002]. В работах многих исследователей отмечается, что при обращении к художественной литературе читатель

выступает не только как носитель знания, но и как личность со своей структурой ценностей и динамических смысловых систем. Происходит не пассивная передача информации, а возникает диалоговая система отношений, при которой «разнообразие текстов и разнообразие личностей обеспечивают информационную ёмкость культуры как интеллектуального текстопорождающего устройства» [Лотман, 2002: 168].

Выбор именно данной формы репродукции (изложение) объясняется её относительной доступностью для исследователя и привычностью исполнения для репродуциента, а главное – тем, что данный языковой материал позволяет «ухватить» саму динамику механизмов текстообразования. Изложение как «письменный документ» часто не удовлетворяет определённым текстовым нормам. Соотношение речи и текста – исконно связанных категорий – является здесь актуальным и позволяет наблюдать процесс становления текстовых категорий и форм на их «речевой» основе [Дымарский, 1999].

Всего в ходе исследования было получено 336 производных текстов, из них – 223 изложения по одному исходному тексту и 113 работ по четырём разным текстам (из них – 20 репродукций-схем, 67 вариантов текстов заголовков к одному тексту, 26 клоуз-тестов по восстановлению пропущенных частей текста). Фрагментному анализу подвергнуто 120 текстов (этим РТ в тексте диссертации присвоены номера, от 1 до 120), маркёрному анализу – 20 репродуцированных текстов из основного массива. Созданная картотека деривационных областей фрагментов РТ содержит 960 единиц. Разнообразие материала связано с поиском наиболее содержательных и разносторонних аспектов проявления вариативного потенциала текстов, с подбором заданий, позволяющих максимально естественным образом проявиться спектру лингвоперсонологических различий носителей русского языка. Показательными в этом отношении оказались РТ изложений по одному ИТ. Они и вошли в центральную часть исследования, связанную с разработкой способов измерения деривационной вариативности текстов. Анализ остальных

типов заданий (озаглавливание и клоуз-тестирование) носит иллюстративно-расширяющий характер, позволяющий видеть возможный набор текстовых трансформаций рефлексивно-деятельностного типа. В любом случае, направленный эксперимент необходим и полезен в русле заданной темы.

Образовательный и возрастной статус испытуемых позволяет рассматривать полученный языковой материал с точки зрения становления языковой способности человека. Фактор естественной среды способствовал чистоте эксперимента и возможности наблюдать внутреннюю динамику процесса текстообразования.

В данном исследовании любой РТ рассматривается как результат восприятия и последующего воспроизведения (декодирования и вторичного кодирования) исходного текста. Следовательно, с антропоцентрической точки зрения, все РТ, рассматриваемые в диссертации, выступают в качестве деривационных трансформаций исходного текста.

Методы исследования соответствуют его цели и задачам: наблюдение, структурно-семантический анализ, деривационный текстологический анализ, приёмы квантитативного анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вариативность РТ определяется взаимодействием двух факторов: с одной стороны, внутриязыкового фактора, отражающего такие особенности текста или его фрагмента, которые можно рассматривать в качестве своеобразного источника потенциальной вариативности, с другой стороны – лингвоперсонологического фактора, вытекающего из разнообразия качеств языковой способности носителей языка.
2. Наибольшим количеством вариантов обладают компоненты ИТ, имеющие определённые типологические и лингвистические характеристики (сюжетно-композиционные и языковые импликации; пассивные глагольные конструкции, осложненные причастными и деепричастными оборотами предложения и др.).

3. Репродукционная модель текста зависит от типа языковой деятельности репродуцирующего и определяется, в частности, его актуализированным вниманием к различным составляющим текста (например, художественным или логическим), а также способом языковой репродукции (копиальным либо креативным).
4. Вариативность репродуцированных текстов может быть измерена с помощью определенных аналитико-статистических процедур, в основу которых положены понятия «деривационная область репродуцированного текста», «элемент деривации текста», «текстовый маркёр».
5. Изучая вариативность репродуцированных текстов, можно реконструировать потенциальную деривационную вариативность исходного текста, установить ее связь с типологическими характеристиками данного текста и его элементов.
6. В репродуцированном тексте отражаются особенности языковой личности автора, текст выступает как антропотекст. Предложенные методики маркёрного и фрагментного анализа позволяют осуществлять лингвоперсонологическую типологию антропотекстов.

Представим логику диссертационного исследования по главам.

Первая глава посвящена разработке метода изучения РТ с помощью маркёров. Маркёр есть ключевая единица исходного текста (знаковая или незнаковая), наблюдение за трансформациями которой позволяет классифицировать производные тексты. Маркёрами могут быть не только слова или словосочетания, но и сюжетно-композиционные, семантико-синтаксические и другие особенности текста.

В исходном тексте (фрагмент из рассказа А.С.Грина «Остров Рено») выделены маркёры двух типов – художественные и логические, что соответствует природе художественного текста и задаче изучения репродукционных моделей текста.

Выбираемые маркёры, как правило, имеют неодинаковую значимость для всего текста как целостного образования. Поэтому каждому маркёру назначается вес. Вес – это число, отражающее важность (значимость) маркёра для всего текста. Вес маркёра устанавливается эмпирически, необходимые пояснения имеются в разделе 1.5. Далее проводится двухэтапная экспертиза – оценка сохранения маркёра и оценка его изменения. Суммируя параметры изменений, можно получить численные характеристики трансформаций художественных и логических маркёров.

Сравнение параметров различных РТ позволяет выделить группы текстов, *копирующих ИТ, развивающих и деформирующих ИТ*, сделать выводы о типах языковых личностей авторов РТ. Оказалось возможным также выявить и более тонкие различия текстов внутри этих групп и рассматривать их на лингвистическом уровне.

Анализируя массив полученных результатов для всех РТ, можно сделать выводы о потенциале вариативности каждого маркёра в исходном тексте. Интерес представляют лингвистические причины, обеспечивающие наибольший потенциал вариативности.

Во второй главе разрабатывается ещё один подход к изучению вариативности – метод фрагментного анализа. Уточнение понятия «фрагмент» проведено с точки зрения деривационной структуры антропотекста. Показано, что с помощью фрагментов можно исследовать деривационные изменения связности, изменения синтаксической структуры, другие атрибуты, присущие тексту как целому. Таким образом, метод фрагментов дополняет метод маркёров.

В процедуру исследования вариативности на уровне фрагментов вводятся основные теоретические понятия: «элемент деривации» и «деривационная область» (фрагмента) репродуцированного текста. Дается схема алгоритма, позволяющего построить деривационную область фрагмента. Проводится количественный анализ деривационной области каждого фрагмента каждого

РТ. На основе наблюдаемых количественных и качественных изменений репродуцированных фрагментов реконструируется деривационный потенциал исходного текста.

Все шаги описанного алгоритма были выполнены для РТ, полученных в ходе эксперимента и подвергнутых ранее анализу методом маркёров. Это дало возможность сравнить результаты двух подходов. Большое количество РТ (120 текстов) позволило для обработки данных применить статистические методы.

Значительное внимание в рассматриваемой главе уделяется качественному, лингвистическому анализу деривационных преобразований. Определены и описаны типы преобразований. Реконструированы стимулы (причины) преобразований. С целью наглядного представления поля вариативности для каждого фрагмента ИТ построена карта замен. В завершение главы осуществлён переход от изучения вариативности фрагментов к изучению вариативности целого текста.

Третья глава содержит подходы к описанию психо-языковых категорий лингвистики антропотекстов. С опорой на эти категории и результаты первых глав диссертации сделан комплексный анализ вариативности ряда репродуцированных текстов.

Описываются результаты эксперимента, проведённого в разных режимах репродуцирования (озаглавливание текста и клоуз-тестирование). При анализе текстов заголовков и клоуз-тестов опорой послужили основные оппозиции «художественный – логический» (в плане текствосприятия), «креативный – копиальный» (в плане текстопорождения). На базе этих оппозиций разработана детальная типологизация текстов заголовков, описаны языковые типы авторов производных текстов.

При изучении деривационного компонента языковой способности установлена корреляция креативного потенциала языковой личности и языковой реакции на имплицированные фрагменты текста.

Научная новизна. В исследовании впервые представлено

лингвоперсонологическое описание деривационной вариативности текстов применительно к репродуцированным текстам. Для этого введены теоретические понятия: «элемент деривации», «деривационная область», «креативное поле деривационной области» и другие. Описан алгоритм двух методов анализа вариативности текстов. Определены типы деривационных преобразований и соответствующие им типы репродуцированных текстов.

Теоретическая значимость. Результаты диссертации имеют значение для исследования проблем текстовой деривации, вносят вклад в научное описание лингвоперсонологического функционирования русского языка. Предложенный подход к изучению языковой способности авторов РТ и построению типологии языковых личностей может быть применён при развитии теоретической базы лингводидактики.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при диагностике языковой способности человека. Учёт фактора вариативности языковой способности позволяет разработать новые критерии оценки школьных письменных работ. Знание психо-языковых параметров языковой личности создаёт реальную возможность индивидуализации обучения. Детские антропотексты являются потенциальным диагностическим средством, инструментом развивающего обучения. Разработанные в диссертации подходы к сравнительному анализу текстов могут быть использованы в ситуациях, требующих лингвистической экспертизы.

Апробация результатов. Основные результаты диссертации опубликованы в 10 научных статьях. Материалы исследования докладывались на научных семинарах ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», ГОУ ВПО «Барнаульский государственный педагогический университет», ГОУ ВПО «Бийский педагогический государственный университет», а также на конференциях: Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития речи и лингвистического образования детей»

(Орёл, 2002); Международной научной конференции «Языковая ситуация в России начала XXI века» (Кемерово, 2002); Всероссийской научно-практической конференции «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты» (Барнаул, 2003); научно-практической конференции «Коммуникативная педагогика: от «школы знания» к «школе понимания» (Новосибирск, 2004); II Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 2004).

ГЛАВА 1

ИЗУЧЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ РЕПРОДУЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ С ПОМОЩЬЮ МАРКЁРОВ

1.1 Предварительные замечания

Предметом исследования является вариативность текстов, возникающая в процессе репродукции одного исходного текста разными людьми. Простейшая процедура репродуцирования вполне иллюстрирует, на наш взгляд, механизм взаимодействия «относительно самостоятельных смыслогенерирующих образований типа «текст» и «личность» [Лотман, 2002: 168]. Этот факт позволяет рассматривать репродуцированные тексты как адекватный языко-речевой материал для наблюдения и лингвоперсонологического описания разных типов текствосприятия и текстопостроения.

Текстовая репродукция является в современном обществе наиболее востребованным видом языко-речевого поведения индивидуума. Она распространена в научной, образовательной, производственной сферах жизни: обзоры, реферирование, письменная передача устных сообщений, пересказы, выполнение инструкций с предварительным восстановлением и пониманием их сути; составление приказов «сверху-вниз», дублирующих информацию на

разных уровнях её функционирования и т. п. Даже журналистские сообщения о событиях имеют «следы» репродуктивной речемыслительной деятельности.

Репродукция текста, имеющая результатом его воспроизведение с определённой целью, включает в себя следующие действия: 1) восприятие текста через его индивидуальное прочтение; 2) понимание как следствие восприятия; 3) воспроизводство текста по памяти или по «внутреннему образу» [Мусхелишвили, Шрейдер, 1997: 79]. Исследователи отмечают сложный характер взаимодействия частей и целого в процессе восприятия, причём обе стратегии восприятия – от части к целому и от целого к части – действуют одновременно. «Репродукция может стать отражением закономерностей не просто восприятия, но направленного восприятия особо важных для реципиента черт текста» [Мурзин, Штерн, 1991: 105]. Известно также, что восприятие зависит от предшествующего опыта индивида: «Усваивается лишь то, к чему есть посылка в сознании, во внутренних требованиях духа» [Веселовский, 1989: 64].

Факт присутствия и функционального взаимодействия при репродуцировании двух процессов – текстовосприятия и текстопорождения – и качественные характеристики этих процессов можно наблюдать, соответственно, по двум косвенным признакам: по тому, **что** выделяет репродуциент в ИТ (например, доминирование логических либо художественных его элементов в РТ) и **как** он строит свой текст (преобладание копиальных либо креативных способов текстопорождения). *Логические* элементы относятся к событийно-смысловому аспекту текста, *художественные* – к образно-описательному аспекту. Эти же термины характеризуют типы восприятия, ориентированные на преобладающее внимание к соответствующим элементам текста. При *копиальном* способе репродуцирования автор РТ концентрирует внимание на формально-поверхностных составляющих текста и не склонен расширять арсенал языковых средств при воспроизведении. *Креативное* репродуцирование

характеризуется вниманием автора к содержанию и свободным выбором языковых средств.

При репродуцировании возможны различные преобразования ИТ: восстановление пропущенных элементов или фрагментов текста, развёртывание текста по редуцированным остаткам, свёртывание текста до одного предложения, до заголовка и т. п. Можно сказать, что в процессе таких преобразований проявляется деривационный компонент языковой способности человека. Деривационный компонент, по утверждению Н.Д. Голева, является ядерным: «Для него характерны оппозиции: производство – воспроизводство, немотивированное – мотивированное использование слов, выучивание языка в детстве – повседневное речеупотребление» [Голев, 2004а].

Наблюдения за трансформациями языковой ткани текста в вариативном пространстве репродуцированных текстов позволяют видеть, наряду с лексико-синтаксическими преобразованиями, преобразования смысла, смысловой структуры текста. Постановка исследовательской задачи в этой связи определяется практической неизученностью многообразия этих преобразований. М.Я. Дымарским подчеркнута важная роль преобразований смысла при поглощении одного смыслового компонента другим и сформулированы гипотетически пять признаков названных преобразований [1999: 55-57]. В рамках проведённого исследования вариативности разного типа репродуцированных текстов подтвердилась реальность гипотезы М.Я. Дымарского о преобразованиях смысла. В процессе лингвистической «обработки» массива полученных в результате естественного эксперимента производных текстов наиболее полезными оказались следующие высказанные учёным положения: 1) об оппозициях – категориях, включаемых в «модальную рамку» текста; 2) о «подведении вновь образованного (при создании или восприятии) компонента смысла под одно из значений актуальной на данный момент (для читающего и восстанавливающего текст – Т.К.) модальности»; 3) о ведущей роли среди модальных оппозиций *аксиологической* модальности

(хорошо – плохо – безразлично) и активном участии *темпоральной* и *пространственной* модальностей.

Представляется эффективным изучение изменений исходного текста на уровнях диктумного и модусного планов текста. Оно позволяет построить более полную лингвистическую картину деривационных изменений репродуцированных текстов. Результаты подобного анализа могут быть использованы для построения типологии РТ как системно-структурных единиц и как антропотекстов и, вслед за этим, – для характеристики языковой способности человека (см. гл. 3).

В исследовании обозначены некоторые подходы к типологизации РТ. Изучая различные типы деривационных преобразований, удаётся выделить группы РТ с преобладанием диктумных или модусных изменений ИТ. Разработанные способы измерения вариативности текстов позволяют классифицировать РТ по объёму сделанных изменений. Ещё одно основание для определения типов РТ, предлагаемое в работе, – степень влияния наблюдаемых изменений на внутренний и внешний план текста (см. 1.4).

Возможное приложение исследований вариативности текстов – изучение языковой способности. Мы рассматриваем языковую способность как совокупность способов «вхождения» человека в язык, способов ориентирования в тексте, вариантов отбора языковых средств и т. п. «Встреча» этих двух феноменов бытия – языка и личности – порождает множество вариантов взаимодействия. В каждом из них присутствуют на фоне полноты всей языковой системы актуализированные индивидом её элементы и отношения между ними. Таким образом, можно говорить о текстовой реализации индивидуально–типového языкового опыта, который наполнен личными реакциями на вербальные и невербальные составляющие текста, ситуации, любого информационно–эстетического взаимодействия. Подробнее о характеристиках языковой способности в аспекте изучения вариативности – в главе 3.

1.2 Содержание эксперимента, отражающего процесс репродукции художественного текста

Для достижения поставленных во введении целей, формулировки и проверки основных положений о природе вариативности текста был организован эксперимент. Формой проведения основного эксперимента выбрано репродуцирование в виде изложения. Дополнительным аргументом

для такого решения является обстоятельство, связанное с коммуникативно-мотивационной основой эксперимента. С точки зрения лингвистической сути коммуникации изложение есть конфликт (встреча), по крайней мере, двух типов функционирования языка – образно-эстетического, представленного художественным языком исходного текста, и обыденного, опирающегося на здравый смысл и сопровождающего процесс понимания текста.

Находясь в позиции воспринимающего текст, человек осуществляет «перевод» чужого, не им организованного «эстетического» языка, на свой обыденный, «контактный» язык. В позиции продуцирующего происходит обратный процесс перевода своего контактного языка на свой же эстетический. Другими словами, происходит реальный процесс декодирования и кодирования языкового материала. Следы обоих «переводов» можно наблюдать в производных текстах. Они и создают деривационное поле вариантов исходного текста. Такого рода вариативность наиболее присуща художественным текстам. Изложение является вполне адекватным инструментом для изучения подобного взаимодействия человека и текста. Кроме того, изложение является естественным для средней школы видом деятельности, что делает экспериментальную часть исследования ещё более практико-ориентированной.

Усилению внутренней составляющей мотивационного компонента языковой личности способствовало практически полное невмешательство педагога. Ученик был с текстом один на один – индивидуальная распечатка исходного текста, самостоятельное визуальное знакомство с текстом (в течение ограниченного времени), индивидуальное, почти спонтанное письмо. Таким образом, в установочно-мотивационной интенции присутствовал переход от учебного императива к возможно более свободному состоянию носителя и пользователя языка, состоялась нейтрализация «внешней составляющей мотивационного компонента языковой личности» [Голев, 2004а]. Таким образом, привычный по внешней форме тип задания (изложение) изменился с точки зрения внутренней формы его реализации. Это позволяет назвать данный

вид языковой деятельности ненаправленным экспериментом (в отличие от направленного текстового эксперимента, связанного с разного рода трансформациями текста – в нашем исследовании это клоуз-тесты и озаглавливание текста).

Выбор художественного текста в качестве исходного был сделан по нескольким причинам, среди которых важной является его эстетическая природа, о чём уже говорилось выше. Художественный текст принадлежит к наиболее «мягким» текстам, он может быть интерпретирован достаточно большим числом способов. В качестве исходного текста для изложения был выбран фрагмент из рассказа А.С.Грина «Остров Рено», имеющий сюжетно-композиционную завершённость (автономность).

(1) На берегу, почти у воды, в тени огромного варингинового дерева, стоит крепкая дубовая бочка, плотно закрытая просмоленным брезентом. (2) Она не запирается, это международная почтовая станция. (3) Сюда с мимо идущих кораблей бросаются письма, попадающие во все концы света. (4) Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию; плывущий в Европу – европейскую.

(5) Клипер приготовлялся к отплытию. (6) Медленно, упорно трещал брашпиль, тяжело ворочаясь в железном гнезде. (7) Канат полз из воды, таща за собою якорь, сплошь облепленный водорослями, тиной и раковинами. (8) Матросы, раскисшие от жары, вяло бродили по накалённой смоле палубы, закрепляя фалы, или сидели на реях, распуская ссохшиеся паруса. (9) В это время к берегу причалила шлюпка с шестью гребцами, и младший лейтенант клипера, выскочив на песок, подошёл к бочке. (10) Откинув брезент, он вынул из неё несколько пакетов и бросил, в свою очередь, пачку писем.

(11) Потом все уехали и скоро превратились в маленькое, чёрное пятно, машущее крошечными вёслами. (12) Клипер преобразался. (13) От реи до реи, скрывая стволы мачт, вздулись громоздкие паруса. (14) Корабль стал похожим на птицу с замершими в воздухе крыльями, весь – напряжение и

полёт, нетерпение и сдержанное усилие.

(15) *Бушприт клипера медленно чертил полукруг с запада на юго-восток.* (16) *Судно тяжело поворачивалось, вспенивая рулём полдневную, бледную от жары синеву рейда.* (17) *Теперь оно походило на человека, повернувшегося спиной к случайному, покидаемому ночлегу.* (18) *Пенистая, ровная линия тянулась за кормой – клипер взял ход...*

В следующем разделе будет приведён подробный анализ данного текста. Для целей исследования требуется анализ, предполагающий соединение наблюдений над художественной природой текста и языковым её воплощением. Данная дихотомия художественного текста зеркально отражает оппозицию форма / содержание, с перспективой её рассмотрения на внешнем и на внутреннем уровнях всей текстовой материи. Такой анализ исходного текста необходим для последующей квалиметрии производных текстов. Внимание к сюжетно-композиционной организации текста и к текстообразующим языковым средствам связано с тем, что именно с этими аспектами исходного текста связано наибольшее число языковых реакций испытуемых.

1.3 Функционально-типологические особенности исходного текста

1.3.1 Сюжетно-композиционная организация

Весь текст легко разделить на статическую (первый абзац) и динамическую (второй, третий, четвертый абзацы) части.

Первый абзац по отношению ко всему тексту – это экспозиция, нулевой эпизод. События, описываемые в первом абзаце, происходят всегда, обычно (чему соответствует использование глаголов настоящего времени – настоящее «абстрактное», или даже «вневременное»). Упомянутые в этой части текста действия совершаются обобщенными неназванными субъектами (что выражено формами пассивного залога: (бочка) *не запирается*, (письма) *бросаются*).

Переход к динамике конкретного (физического) действия в

«динамической» части текста выражается в изменении грамматических характеристик глаголов: глаголы настоящего времени уступают место глаголам прошедшего времени несовершенного вида (5 – 8, 12 предложения), а затем – совершенного вида (9 – 11, 13, 14 предложения), что ещё более усиливает динамичность действия.

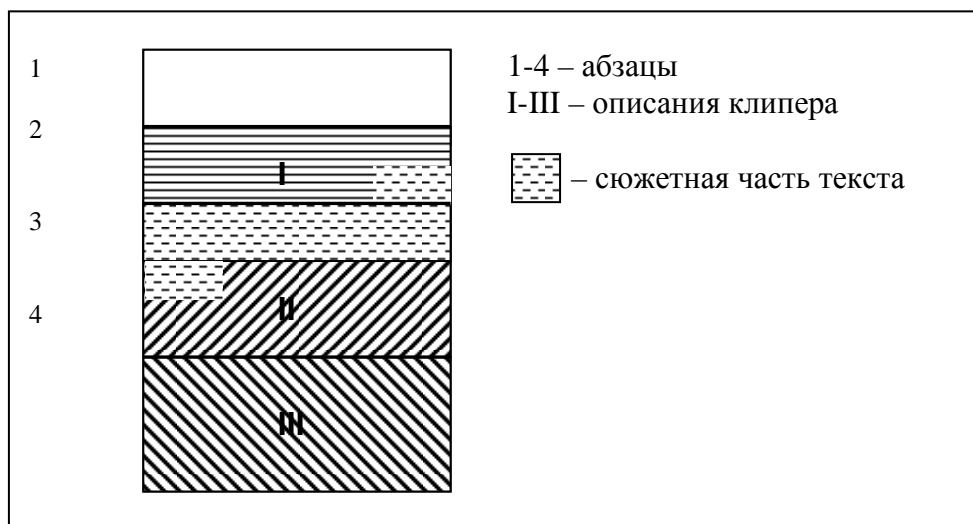
Обилие в тексте осложнённых деепричастными и причастными оборотами предложений (12 предложений из 18) придает всему тексту некоторую замедленность, неспешность.

Динамика текста связана с незначительной по объёму сюжетной частью – появляется шлюпка, лейтенант забирает и оставляет почту, шлюпка уплывает (9 – 11 предложения), а также с композиционными особенностями текста. Три разных описания клипера: в момент подготовки к отплытию (5 – 8); клипер-птица (12 – 14); клипер-человек (15 – 18), сменяя друг друга, также сообщают тексту энергию и динамичность.

Три описания клипера представляют собой постепенное нарастание «очеловеченности» клипера. В первом описании обнаруживается лишь намек на очеловечивание через оживление отдельных его элементов (*упорно трещал брашпиль, канат полз и др.*), во втором – создается образ клипера-птицы, и в третьем – кульминационный образ клипера-человека, окрашенный почти лирическими тонами (в связи с появляющимся в конце текста мотивом прощания с рейдом-ночлегом).

Сюжетная часть и трехчастное описание клипера составляют, таким образом, основную – динамическую – часть текста (второй, третий, четвертый абзацы). Динамическая часть противопоставлена статической – вводно-информативной части (первый абзац).

Рисунок 1

Сюжетная часть (9 – 11 предложения), находясь в центре текста, связывает вводную часть с остальными частями текста (три описания клипера). Внимание здесь вновь переносится к берегу (*к берегу причалила шлюпка*). На лексическом уровне связь эта выражена через повторение слов из вводной части: *берег, бочка, почта, брезент*. В то же время налицо пространственный разрыв («монтажный стык») между первым описанием клипера и сюжетной частью: в тексте ничего не говорится о том, как шлюпка с лейтенантом и гребцами снялась с клипера и подплыла к берегу. Художественное пространство меняется без привычной для читателя мотивации (без переноса в пространстве). Эта смена тем более неожиданна, что осуществлена в пределах одного абзаца. Сюжетная часть переходит и в следующий, третий, абзац, посвящённый второму описанию клипера. Несоблюдение привычных смысловых границ абзаца затрудняет восприятие (мешает разобраться в описываемых событиях). Связь между первым описанием клипера и сюжетной частью ослаблена – она удерживается лишь за счет упоминания *младшего лейтенанта клипера*. Переход от сюжетной части ко второму описанию клипера также ознаменован пространственным разрывом (море – клипер).

Таким образом, в результате анализа сюжетно-композиционной организации текста выделено 5 частей:

- первая часть – вводная, статическая (1 – 4 предложения);
- вторая часть – первое описание клипера (5 – 8 предложения);

- третья часть – сюжетная (9 – 11 предложения);
- четвёртая часть – второе описание клипера (12 – 14 предложения);
- пятая часть – третье описание клипера (15 – 18 предложения).

Таковы специфические особенности сюжетно-композиционной организации данного текста:

- существует контраст между статической и динамической частями;
- динамика повествования достигается не только за счет развития сюжета, но и в результате смены картин описания клипера;
- на границе первого описания клипера и сюжетной части наблюдается пространственный разрыв;
- сюжетная часть «вмонтирована» в текст (конец второго — начало третьего абзацев), а не выделена в отдельный абзац.

В дополнение к анализу сюжетно-композиционной организации текста можно сделать также некоторые выводы по пунктуационно-графическому облику текста как потенциальному источнику вариантов. Схема абзацев, приведённая на рисунке 1, показывает, что связь между абзацами текста – не событийно-логическая, а художественно-логическая. Событийно-логическая связь – поверхностная, первичная; она востребована в процессе «перевода» на «контактный» язык, отражает наивно-реалистический этап восприятия художественного текста. Как правило, она видится и воспринимается сразу; имеет формальные языковые знаки выражения. Художественно-логическая связь между абзацами – глубинная, участвующая в создании целостного эстетического пространства текста; востребована в процессе текстопорождения. Эта связь воспринимается не сразу, не всегда, не всеми. Часто не имеет формальных признаков, имплицирована на уровне общей семантики текста. Некоторую аналогию в этом плане представляют событийные и логические пропозиции, составляющие основу диктумного содержания текста [Шмелёва, 1998].

Насыщенность абзаца эпизодами также может быть единицей текстологического сравнения производных текстов. Варианты здесь возникают при разного рода «слипаниях», обменах фрагментов эпизодов внутри абзацев, при переносе «слабых», периферийных мест в «сильные», доминантные части текста. Таким образом, границы абзацев в процессе репродуцирования либо сохраняются, либо передвигаются, демонстрируя в лингвоперсонологическом аспекте разные варианты отношения к графическому облику и содержательной актуализации текста как к эстетической и семантической реальности. Игнорирование этой стороны воспроизведения текста (крайняя позиция) представлено в некоторых РТ полным отсутствием абзацного членения.

Наиболее актуальными для реализации представленной сюжетно-композиционной структуры являются лексико-семантический и синтаксический уровни языка. Рассмотрим соответствующие названным уровням текстообразующие языковые элементы.

1.3.2 Лексико-семантические и синтаксические текстообразующие языковые средства

В центре внимания большинства испытуемых в первой части текста находится бочка-почта. Внимание к ней привлекается автором текста через пространственное приближение. Сначала называется берег, затем – уточняется: *почти у воды*. Далее пространство ещё больше сужается: *в тени дерева*. И, наконец, основная точка внимания – *бочка*. Синтаксическим выражением сужения пространства является группа следующих друг за другом однородных обстоятельств места: каждое последующее обстоятельство обозначает более узкое пространство, чем предшествующее. Подобная структура предложения заставляет читателя сначала увидеть пространство, то есть место действия (сначала обширное, потом все более узкое), и только потом узнать, что в этом месте происходит.

Последнее предложение первой части текста представляет собой симметричную синтаксическую конструкцию, включающую параллелизм и

состоящую из двух частей (вторая часть усечена). Информация, заключенная в этой конструкции, выполняет роль примера (example): *Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию; плывущий в Европу – европейскую.*

В этой же части текста присутствует слово, не поддающееся лексическому толкованию – *варингиновое* (дерево). Можно предположить, что слово изобретено А. Грином специально для этого рассказа. Стоящее в самом начале текста, это слово отдаляет описываемую ситуацию от обыденной жизни и придает описанию некоторую экзотичность (подобный эффект создает и широко представленная в других частях текста тематическая группа слов-терминов, связанных с корабельным делом).

Рассмотрим вторую часть текста. В создании образа клипера, готовящегося к отплытию, участвуют несколько языковых уровней. На лексико-семантическом уровне наблюдается концентрация на небольшом участке текста (предложения 6, 7, 8) значительного количества слов с общим семантическим компонентом «тяжесть, медлительность»: *медленно, упорно, тяжело, ворочаясь, полз, таща, сплошь, раскисшие, вяло, бродили*. Важно, что некоторые из этих слов (*упорно, ворочаясь, полз, таща*) являются авторскими метафорическими эпитетами, связанными с переносом наименований из мира живой в мир неживой природы. Использование метафорических эпитетов такого рода способствует восприятию клипера как живого существа.

Синтаксический уровень текста участвует в создании впечатления тяжести, медлительности клипера, готовящегося к отплытию. В шестом предложении к сказуемому «трещал» относятся три обстоятельства образа действия; два из них однородны, выражены наречиями, третье выражено деепричастным оборотом: *Медленно, упорно трещал брашпиль, тяжело ворочаясь в железном гнезде*. Такое обилие обстоятельств отяжеляет описание. «Тяжесть» синтаксической конструкции свойственна и следующему (седьмому) предложению. Оно осложнено деепричастным оборотом, к которому

присоединен причастный оборот, содержащий однородные дополнения. Так создается своего рода отяжеляющая цепочка, состоящая из восьми слов, в то время как основная часть предложения состоит всего из трех: *Канат полз из воды, таща за собою якорь, сплошь облепленный водорослями, тиной и раковинами*. Восьмое предложение также осложнено причастным и деепричастными оборотами и однородными сказуемыми. Осложненные синтаксические конструкции участвуют в создании впечатления тяжеловесности, медлительности клипера, готовящегося к отплытию. В некоторой степени впечатление тяжести, медлительности создается и с помощью глагольной формы *приготовлялся*, которая употребляется значительно реже более привычной «готовился» и тем самым привлекает к себе внимание. В этом же ряду стоит и звуковой образ клипера. Глагол с яркой звуковой семантикой «трещал» поддерживается фонетическим эффектом скопления шипящих: *трещал брашпиль, тяжело ворочаясь в железном гнезде, ... таща..., сплошь*.

Сюжетная, третья часть текста насыщена глаголами движения, а также их формами (*причалила, выскочив, подошел, откинув, вынул, бросил*). Общим семантическим элементом этих глаголов является активность, энергичность действия. Семантическая специфика этого ряда глаголов контрастирует с семантикой глаголов, использованных в предыдущей части: *приготовлялся, трещал, ворочаясь, полз, таща, бродили, сидели, закрепляя, распуская* (общий семантический компонент – отяжеленность, замедленность). Если в предыдущей части глаголы несовершенного вида способствовали описанию *процесса* подготовки клипера к отплытию, то использование в третьей части текста глаголов совершенного вида связано с вниманием к *результату* действий. В этой части текста имеется всего один причастный оборот; деепричастные обороты здесь «насыщают» повествование дополнительными действиями. Эффект концентрации описания действий усиливает цепочка однородных сказуемых.

Последние две части текста организованы с помощью аналогичных текстообразующих языковых средств. В первую очередь это развернутые сравнения и метафоры: *...вздулись громоздкие паруса. Корабль стал похожим на птицу с замершими в воздухе крыльями....* Создаются два связанных между собой образа: «корабль – птица» и «паруса – крылья». И далее: *...Судно тяжело поворачивалось, вспенивая рулем полдневную, бледную от жары синеву рейда. Теперь оно походило на человека, повернувшегося спиной к случайному, покидаемому ночлегу.* Создаются новые образы: «судно – человек», «корма – спина» (слово «корма» присутствует в следующем, заключающем текст предложении), «рейд – ночлег». Как уже отмечалось, образы, возникающие в результате использования развернутых сравнений и метафор, рисуют клипер в динамике, наделяя его чертами живых существ (птицы, человека).

Специфику данного текста также составляет присутствие специальной лексики, связанной с корабельным делом: *клипер, брашпиль, фалы, реи, рейд, корма, бушприт.* К этой же тематической группе относится лексика более широкой сферы употребления: *канат, якорь, мачты, паруса, иллюпка, гребцы, брезент, руль, палуба, весла, судно, причалила, отплытие, вспенивая.* Близки к этой же тематической группе и слова, связанные с морем: *водоросли, тина, раковины, песок.*

Текст выдержан в приподнятой стилистической тональности, которая проявляется в следующих языковых формах: *смола палубы, стволы мачт, синева рейда.* Признак предмета выражен существительным, а не привычным в этих случаях прилагательным. Несколько архаичная форма глагола *приготовлялся* способствует тому же стилистическому эффекту. Определение, относящееся к образу клипера-птицы *«весь – напряжение и полёт, нетерпение и сдержанное усилие»*, является стилистически маркированным. Это связано как с безглагольной синтаксической конструкцией (со сказуемыми, выраженными отглагольными существительными, что повышает смысловую

компрессию описания клипера), так и с лексико-грамматической принадлежностью большинства входящих в неё существительных (абстрактно-отвлечённая лексика).

1.4 Понятие «маркёр», его роль в изучении вариативности

Как было отмечено выше, изучение вариативности связано с наблюдениями за изменениями производных текстов по отношению к исходному. С целью организации этих наблюдений предлагается выделить в исходном тексте ключевые (в разных смыслах) места, наблюдая за «жизнью» которых в производных текстах, мы сможем конкретными текстовыми изменениями объективировать идентификацию исходного и производного текстов и описывать всё вариативное пространство исходного текста. Объективность изучения процесса деривации текста обеспечивается в нашей работе использованием так называемых маркёров – в традиционном понимании, ключевых слов, выбранных по определённым правилам в исходном тексте. При переходе к изучению таких категорий как связность, целостность текста в качестве маркёров могут быть приняты не только слова, словосочетания, предложения, но и связки, семы, концепты. Таким образом, понятие «маркёр» в нашей парадигме, является широким, как по своему содержанию, так и по применимости в лингвистических исследованиях текстов. В любом случае, маркёр есть ключевая единица исходного текста, наблюдение за которой позволяет классифицировать производные тексты по различным признакам.

Например, при изучении категории связности (в процессе текстообразования) можно применить такую схему: 1) определить, что является маркёром для этой категории, как выбирать маркёры; 2) сформулировать признак, по которому, наблюдая за трансформацией маркёров в производных текстах, можно было бы эти тексты классифицировать. Таким образом в исходном тексте выбираются несколько маркёров по заранее установленным правилам. После этого производный текст называется связным, если не менее определённой доли всех выбранных маркёров в нём присутствует.

Маркёры могут быть разных типов. Для нашего исследования наиболее актуальны два типа маркёров – художественные и логические. Их выделение связано с природой художественного текста и с антропоцентристской природой нашего исследования, учитывающего языко-речевые действия – реакции человека на исходный текст при его воспроизведении.

Информационно-логические маркёры – это слова или словосочетания, несущие информацию о денотативно-сигнификативной стороне текста, о

сюжетных фрагментах текста. Логические маркёры определяются из общего принципа построения сообщения (текста). Выделяются действующие объекты, предметы внимания автора и соответствующие им номинации. Критерием выбора актуальной номинации может быть языковой уровень развития темы (микротемы): уровень словосочетания, уровень предложения, либо уровень абзаца и уровень всего текста. Если тема не разворачивается далее в тексте, а остаётся на уровне словосочетания или предложения, она составляет избыточный массив текста, необходимый для целостности его восприятия, но не для предлагаемого вида анализа. Таким образом, логические маркёры можно назвать, по аналогии с «диктемами» М.Я. Блоха, элементарными единицами тематизации текста [Блох, 2004; Гольдман, 2003: 57].

Выбор художественных маркёров связан с качественными характеристиками объектов, действий. Если логические маркёры отражают факт и логику событий, то художественные маркёры отражают логику представления событий, художественную логику членения текста в целом, его модальность, «мотивы», импликации и др. Художественные маркёры – это лексические и синтаксические компоненты, создающие эмоциональную образную картину, эстетическое впечатление. Ими могут быть прилагательные, причастия, обособленные члены предложения, любые отклонения от прямого способа высказывания (инверсии, повторы, сравнения), метафоры разнообразной природы, иерархия которых каждый раз устанавливается в тексте специфически, индивидуально. Художественный текст в наибольшей степени содержит все эти текстовые универсалии.

Выбираемые маркёры всегда имеют неодинаковую значимость для всего текста как целостного образования. Совершенно очевидно, что отсутствие или серьёзное искажение одного, менее значимого для ядерной семантики текста, маркёра может не слишком существенно повлиять на весь текст. В то же время даже незначительное изменение другого, более значимого, маркёра может привести к деформации текста. Поэтому, чтобы уточнить процедуру анализа

текста с помощью маркёров, каждому маркёру назначается вес. Вес – это число, отражающее важность (значимость) маркёра для всего текста, с учётом его ядерной семантики, смысловой целостности текста. Трансформации всех выделенных в тексте маркёров удобно фиксировать в таблице следующей формы.

Таблица 1

№ маркёра	Логические / Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость

Примеры заполнения таких «таблиц трансформации маркёров» для репродуцированных текстов содержатся ниже. Сделаем пояснения по содержанию и порядку заполнения таблицы. Для каждого выбранного маркёра по порядку его следования в исходном тексте (что соответствует номеру маркёра в таблице) заносится вес, который отражает, как было указано выше, степень участия каждого маркёра в динамике целого текста, и производится двухэтапная экспертиза: оценка сохранения маркёра и оценка его изменений. Оба этапа экспертизы осуществляются в двух видах: 1) в виде оценки наличия (факта присутствия маркёра и факта изменений маркёра), 2) в виде вычисления значимости факта присутствия маркёра и факта изменения маркёра для всего созданного РТ. Этот параметр определяется путём умножения априорного веса маркёра на оценку его присутствия либо оценку его изменений.

Оба вида экспертизы изменений, как видно из таблицы, проводятся на двух планах репродуцированного текста: на внешнем (формальном) плане и на внутреннем (содержательном). Этот факт отражает различное отношение носителей языка к формальному и к содержательному планам текста и его элементов и влечёт за собой различные стратегии построения текста – семасиологическую и ономасиологическую. «Отличительной чертой текстов, построенных по семасиологической модели, является двойная детерминация формы (со стороны исходного текста и со стороны внутритекстовой

деривации...). Тексты, построенные по ономаσιологической модели, лишены формальной детерминации исходным текстом» [Сайкова, 2002: 71]. Кроме того, включение в анализ наблюдений за изменениями внешнего и внутреннего планов текста соответствует эстетической природе самого текста как феномена культуры. Внутренний план можно соотнести с художественным смыслом текста. В этой связи уместно привести высказывание В.И.Тюпы: «Кажущаяся призрачность, неуловимость художественного смысла состоит в том, что он внелогичен, открывается не эксплицитному левополушарному пониманию, а имплицитному правополушарному созерцанию как эстетический объект» [Тюпа и др., 1997: 4].

Итак, на первом этапе анализа наблюдаем сохранение или несохранение маркёров, единицей отмечаем их присутствие и нулём – отсутствие. Однако одно лишь присутствие или отсутствие маркёра в РТ – слишком грубая характеристика, отражающая крайние случаи преобразований исходного текста; необходимо научиться фиксировать и менее значительные изменения текста. Если маркёр представлен во внешне изменённой форме, то оценка его присутствия может быть и дробным числом, в зависимости от степени её влияния на ближайшее контекстное окружение либо на текст в целом. Проиллюстрируем это на примере. В исходном тексте можно выделить логический маркёр: *Клипер приготавливался к отплытию*. В РТ № 94 (полный текст – в 1.5.3) ему соответствует вариант – *Вот на горизонте появился корабль. Он снимался с якоря*. Данный вариант представляет собой психо-языковую реакцию на сюжетно-композиционную особенность исходного текста – немотивированную смену художественного пространства (см. 1.3), а также на книжную, редко встречающуюся форму глагола *приготавливался*. Можно предположить, что именно эти обстоятельства побудили автора РТ увеличить количество предложений: первое предложение с его наречно-модальным словом *вот* компенсирует, по нашей логике, слабо выраженную лексико-семантическую связь между первым и вторым абзацами и служит

сглаживанию пространственного разрыва. Однако, ликвидируя одну, диктумно-логическую, лакуну в тексте, автор РТ невольно создаёт другую, диктумно-событийную, лакуну: между появлением корабля на горизонте и следующим сообщаемым о нём событием (*снимался с якоря*) нет описания промежуточных действий корабля. Во втором предложении в данной паре сообщается о том, что делал корабль, появившийся на горизонте – он снимался с якоря. Контраст видо-временной и актантной семантики глаголов 1-го и 2-го предложений разрушает созданные тема-рематические отношения между предложениями: глагол совершенного вида *появился* сообщает результат, которому предшествовало движение корабля (он двигался, находился в пути, прежде чем стать видимым, «явленным» какому-то наблюдателю), и называемое действие состоялось одномоментно, «точечно» (в прямом и переносном смысле); глагол же несовершенного вида *снимался (с якоря)* описывает действие корабля, которому предшествовало статическое его состояние (он стоял на якоре в ожидании чего-то) и которое не завершено, процесс и результат его ожидаемы, апперцептивны. Представленные выше наблюдения и рассуждения позволяют пояснить ситуацию сохранения маркёра, когда его присутствие в РТ оценивается дробным числом 0,5. Маркёр присутствует, но в изменённом виде, повлёкшем за собой семантико-синтаксические (как в данном случае) или другие трансформации исходного текста.

Следующий шаг маркёрного анализа требует вычисления значимости сохранения маркёров для всего созданного репродуцированного текста. Этот параметр определяется путём умножения априорного веса маркёра на оценку его присутствия. На примере того же РТ № 94 эта процедура выглядит следующим образом: маркёр, описанный выше, имеет вес 10 в исходном тексте (см. 1.5.1 ниже), оценка присутствия маркёра в РТ № 94 равна 0,5, следовательно, значимость присутствия данного маркёра в созданном целом тексте равна произведению 0,5 и 10, т.е. равна 5.

Следует отметить, что развитие и уточнение предлагаемой методики связано с нивелированием субъективизма в оценке веса маркёров в ИТ, в оценках их трансформаций в РТ; возможно потребуется привлечение методов математической лингвистики, компьютерной обработки данных. Однако задачи, ставящиеся в пределах данного исследования, находятся в несколько иной плоскости, связанной прежде всего с разработкой самих оснований и принципов метода маркёров, его использования в изучении текстовой вариативности.

Второй этап работы с маркёрами связан с оценкой характера изменений (по сравнению с ИТ) на внешнем и внутреннем планах РТ. Для логических маркёров это будет числовой характеристикой диктума событийного (фактология, предметная область текста) и диктума логического (внутренняя логика текста, часто имплицитированная в художественных текстах, имеющая языковую форму выражения через связки, актантные структуры глаголов и т.п.).

Для художественных маркёров, в системно-функциональном аспекте, изменения на внешнем и внутреннем планах наблюдаются в модусной организации текста. В лингвоперсонологическом аспекте данный параметр отражает формальное \ неформальное реагирование репродуциентов на присутствие в тексте художественно-эстетических элементов. Формальное присутствие контекстно ослаблено, выражено в РТ отдельными, «выхваченными» из исходного текста художественными элементами, не составляющими целого художественного образа и не разворачивающими его в художественно-эстетической логике целого текста. Например, в исходном тексте образ корабля-птицы (*Корабль стал похожим на птицу...*) появляется во втором описании клипера, в контексте с расправленными парусами, которые и были похожи на крылья птицы, по контрасту с «ссохшимися» парусами и *вялыми* матросами в первом описании. Контекст включает в себя также идею преобразования, «чудесного» превращения ссохшихся, безжизненных парусов в

громоздкие паруса-крылья: *Клипер преображался. От реи до реи, скрывая стволы мачт, вздулись громоздкие паруса. Корабль стал похожим на птицу с замершими в воздухе крыльями....* Имеется следующий вариант-репродукция данного маркера (РТ № 88), в котором исходный контекст опущен и образ корабля-птицы *с замершими в воздухе крыльями* оказался немотивированным: *Клипер виднелся вдали и был похож на птицу с застывшими крыльями.* В данном случае имеем дело с формальным (констатирующим) типом реагирования на художественную ткань текста. Таким образом, в приведённом примере при внешнем сохранении художественного маркера наблюдаются изменения внутреннего плана: теряется контекстная мотивация художественного образа, меняется модальность повествования – от внутреннего «любования» к простой констатации происходящего.

Данное наблюдение требует объективации в рамках предлагаемого квалиметрического анализа. Авторы некоторых РТ, желая сохранить исходную модальность, но испытывая при этом трудности лексико-синтаксического уровня, прибегают к использованию субъективно-оценочной модальности привычно-разговорного типа: *Корабль стал очень красивым \ Корабль был прекрасен....* Всё выше пояснённое на примерах разнообразие репродуктивных вариантов связано с изучением идеи соединения частей в целое на внешнем и внутреннем планах текста в процессе репродуктивного текстопорождения. В связи с этим требуется расширить шкалу оценки изменений включением отрицательных значений: от 0 до –1. Отрицательные значения связаны с ошибками восприятия и понимания исходного текста как целостного лингвоэстетического образования:

- «–1» – автор РТ разрушил соответствующий уровень или план текста в маркируемом фрагменте;
- «–0,5» – существенное изменение в ущерб диктумно-модусным параметрам исходного текста, в том числе сопровождающее пропуск маркеров;
- «–0,1» – незначительное изменение, противоречащее ИТ;

- «0» – нет изменений;
- «0,1» – незначительное изменение, не противоречащее ИТ;
- «0,3» – изменение, развивающее текст в соответствии с его смысловым целым;
- «1» – творческая переработка маркируемого фрагмента в соответствии с замыслом ИТ.

Конечно, возможны и промежуточные оценки. Конкретные числа приведены лишь для примера. Предложенная градация относительно субъективна, однако необходима в процедуре оценки изменений наблюдаемых маркёров. Далее будет показано практическое применение данной шкалы на примере РТ № 94.

1.5 Квантитативные характеристики репродуцированных текстов

1.5.1 Логические маркёры

На первом этапе выбираем в исходном тексте **информационно-логические маркёры**, назначаем им априорные веса. Список построен по убывающей линии, от маркёра с наибольшим весом – к маркёрам с наименьшим весом. Для удобства подсчёта и для наглядности лучше исходить из общей суммы маркёрных весов 100, распределив её по относительной значимости между всеми наблюдаемыми маркёрами. Расположим маркёры по убыванию их весов. Каждому маркёру присвоен номер – в соответствии с порядком его следования в исходном тексте.

Почтовая станция (маркёр № 3). Наиболее значимым маркёром является это словосочетание, содержащее основную фабулу текста (идея необычного функционирования бочки). Этому маркёру назначается самый большой весовой коэффициент – 16.

Второй по важности маркёр – слово *Бочка* (маркёр № 2), употреблённое для описания способа передачи писем. Ясно, что вес этого маркёра должен лишь незначительно уступать весу первого маркёра – 14.

Клипер *приготовлялся к отплытию* (№ 6). Маркёром является предложение, сообщающее сам отмеченный факт. Причем предполагается описание действий на корабле, сопровождающих факт отплытия. Клипер – это новый объект внимания автора, во-первых, связанный с основным сюжетом «почтовая станция», а, во-вторых, ему посвящено более половины объёма исходного текста. С клипером связаны наиболее значимые художественные маркёры (см.ниже). Вес равен 10.

Маркёр № 10: *...лейтенант клипера...подошёл к бочке... вынул из неё несколько пакетов и бросил...пачку писем* – словосочетания, описывающие действия человека, связанные с обменом корреспонденции. Происходит

иллюстрация функционирования бочки-почты через специальный эпизод, который создаёт дополнительное пространство действий корабля. Вес 10.

Маркёр № 4: *...с мимо идущих кораблей бросаются письма...* Маркёром является фраза, поясняющая, как попадают письма в бочку. Важная, но не развёрнутая в эпизод иллюстрация. Вес равен 8.

Маркёр № 9: *...к берегу причалила шлюпка...* Маркёром является словосочетание, описывающее указанные действия. Начальный момент важного эпизода. Вес равен 8.

Маркёр № 11: *Потом все уехали....* Словосочетание, описывающее возвращение на клипер после обмена почты. Завершение эпизода со шлюпкой. В исходном тексте это место имплицировано. Вес равен 8.

Клипер взял ход (№ 12). Маркёром является фраза, описывающая отплытие корабля и завершающая текст. Вес равен 8.

На берегу, почти у воды (№ 1). Маркёром является указание на место расположения бочки. Словосочетание выбрано в качестве маркёра в связи с тем, что идея пространства важна для организации основной сюжетной линии текста. Вес равен 6.

Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию; плывущий в Европу – европейскую (№ 5). Второстепенный маркёр, дающий дополнительное разъяснение о работе почты. Имеет смысл обратить внимание на указание стран из разных частей света – диапазон действия морской почты. Вес равен 4.

Канат полз из воды, таща за собою якорь... (№ 7). Маркёром является описание действия, связанного с поднятием якоря. Вес равен 4.

Матросы... бродили ..или сидели... (№ 8). Описание действий матросов на палубе корабля. Вес равен 4.

Последние два маркёра являются второстепенными, поясняющими приготовление клипера к отплытию.

Ещё раз заметим, что в назначении весов имеет место определённый субъективизм, однако нужно принять во внимание и следующее обстоятельство: субъективная оценка веса, во-первых, применяется на небольшой части текста, во-вторых, она выравнивается в рамках целого текста. Допущенные ошибки при суммировании нивелируются по закону больших чисел, и таким образом повышается объективность назначенных параметров.

1.5.2 Художественные маркёры

Художественные маркёры могут быть трёх видов: 1) сопровождающие – те, которые сопровождают основные логические маркёры, 2) несопровождающие, создающие избыточную массу текста, 3) имеющие самостоятельное значение и художественную ценность (сюда относятся в нашем тексте метафоры). Данная процедура становится возможной и проведённой корректно лишь после общего предварительного знакомства со всеми имеющимися репродуцированными текстами и с учётом сделанного в 1.3 лингвоэстетического анализа исходного текста. То есть само выделение художественного типа маркёров базируется на динамическом принципе взаимосвязи кодирования и декодирования текста (в точке встречи автора и читателя). Если для логического типа маркёров сам исходный текст есть обуславливающая данность, объективирующая компоненты текста, претендующие на роль логических маркёров (хотя и в этом случае данный критерий не является абсолютным), то для выделения художественных маркёров процедура соотнесения «стимула» и «реакции», авторского и читательского голоса – не просто адекватна, но неизбежно востребуема, в соответствии с природой читательской эстетической деятельности.

Итак, приводим список художественных маркёров с назначенными априорными весами, исходя (так же, как и с логическими маркёрами) из их общей суммы – 100. Перечисляем маркёры в порядке их следования в исходном тексте.

1. *Огромное* (дерево) – создаёт впечатление о месте главного действия в логике событий. Эффект размера переносится во многих РТ на бочку, на паруса, на корабль. Однако это прилагательное не соотносится с основным логическим маркёром, поэтому при назначении весов ему даётся минимальный вес, равный 6.

2. *Дубовая* (бочка) – включаем этот маркёр, так как он сопровождает основной логический маркёр, предмет авторского диктумного внимания. Вес 6.

3. *Во все концы света* – не только поясняет основную сюжетную линию, но и делает это довольно эмоционально. Сравни: во все стороны света, на все четыре стороны, все части света. Вес 10.

4. *Канат полз из воды* – здесь перенос действия одушевлённого предмета на неодушевлённый. Этот приём обслуживает, воплощает художественную идею «очеловечивания» корабля-клипера. Вес 8.

5. *Якорь, сплошь облепленный...* – художественный образ, сопровождающий эпизод приготовления корабля к отплытию. Вес 6.

6. *Матросы, раскисшие от жары* – дополняет картину корабля, создаёт впечатление утомления. Вес 8.

7. *Ссохшиеся паруса* – художественный образ, сопровождающий эпизод приготовления корабля к отплытию. Вес 6.

8. *Маленькое чёрное пятно* – образное выражение, создающее впечатление удалённости клипера от берега; подчёркивается художественный приём переноса (в начале эпизода со шлюпкой) точки зрения наблюдателя с корабля на берег. Вес 8.

9. *Крошечные вёсла* – маркёр, усиливающий эффект предыдущего. Вес 6.

10. *Корабль стал похожим на птицу...* – метафора, имеющая самостоятельное художественное значение; продолжает линию «очеловечивания» корабля; корабль становится основным действующим лицом в художественном плане текста (сравни: основное действующее лицо в информационно-логическом плане текста – бочка-почта). Вес 12.

11. *Судно тяжело поворачивалось* – художественная характеристика образа тяжести, громоздкости корабля (слово *тяжело* дважды используется в тексте), по сравнению с лёгкостью и быстротой действий шлюпки. Вес 8.

12. *Судно походило на человека...* – метафора, завершающая реализацию художественной идеи очеловечивания корабля. Вес 16.

Таким образом, в результате определения и оценивания логических и художественных маркёров в исходном тексте, подготовлена база для описания вариативности их трансформаций в репродуцированных текстах.

1.5.3 Репродуцированные тексты в свете трансформаций маркёров

Общие принципы построения таблиц трансформаций маркёров описаны, теперь следует перейти к наблюдениям за изучаемым языковым объектом с помощью таблиц. Подобный квалиметрический анализ маркёров был наиболее подробно проведён с 10 репродуцированными текстами. Его результаты позволяют наглядно увидеть и оценить степень сохранения маркёров и уровень их трансформаций, а также предпочтительные языко-речевые стратегии авторов этих текстов. Появляется возможность более объективного сравнения текстов, обнаруживаются устойчивые (чаще воспроизводимые, наименее подверженные неадекватным преобразованиям) и неустойчивые языковые внутритекстовые и затекстовые (имплицированные) конструкции. Сравнительно-типологическая характеристика проанализированных текстов будет дана ниже.

Рассмотрим заполнение таблицы трансформаций маркёров на примере РТ № 94 (орфография и пунктуация авторские):

Бочка, сделанная из дуба

На берегу, почти у воды, стояла бочка, в тени огромного дерева. Эта бочка, сделанная из дуба, и накрытая сверху березентом. Березент был просмолен. Бочка не закрывалась, потому что в неё ложились письма из разных стран. Австралийский корабль, проплывавший мимо, брал свою почту; Европейский брал свою.

Вот на горизонте появился корабль. Он снимался с якоря. Якорь весь был в тине и в раковинах. По просмоленной палубе ходили от жары вялые матросы. С этого корабля спустили шлюпку, и шесть человек, во главе с младшим лейтенантом, поплыли к берегу. Когда они приплыли, один человек подошёл к бочке поднял с неё брезент, вынул оттуда два мешка и почту. А потом они тут же отплыли.

Вдали они казались, как чёрное пятно. Корабль расправил паруса, и взял курс с запада на юго-восток.

Вдали он уже казался, как человек, покидавший свой ночлег.

Приведём готовую таблицу, а затем сделаем к ней пояснения.

Таблица 2

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёр а	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутств ия	Значимость присутстви я	Внешний план		Внутренний план	
				Оценк а	Значим ость	Оцен ка	Значимос ть
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	0	0	-0,5	-8	-0,2	-3,2
4	8	0,5	4	-0,4	-3,2	-0,2	-1,6
5	4	1	4	0	0	0	0
6	10	0,5	5	-0,4	-4	-0,4	-4
7	4	0,5	2	-0,2	-0,8	-0,2	-0,8
8	4	1	4	0	0	0	0
9	8	1	8	0,5	4	0,5	4
10	10	1	10	0,1	1	0,1	1
11	8	1	8	0	0	0	0
12	8	1	8	0,2	1,6	0	0
Сумма	100		73		-9,4		-4,6

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёр а	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутств ия	Значимость присутстви я	Внешний план		Внутренний план	
				Оценк а	Значим ость	Оцен ка	Значимос ть
1	6	1	6	0	0	0	0
2	6	1	6	0,2	1,2	0	0
3	10	0	0	-0,5	-5	-0,3	-3
4	8	0	0	-0,5	-4	-0,5	-4
5	6	1	6	-0,1	-0,6	0	0
6	8	1	8	0,1	0,8	0	0
7	6	0	0	-0,5	-3	-0,3	-1,8
8	8	1	8	-0,2	-1,6	0	0
9	6	0	0	-0,5	-3	-0,2	-1,2
10	12	0	0	-0,5	-6	-0,5	-6
11	8	0	0	-0,5	-4	-0,3	-2,4
12	16	1	16	0	0	0	0
Сумма	100		50		-25,2		-18,4

Прокомментируем заполнение таблицы последовательно, по каждой строчке, в порядке следования намеченных в исходном тексте маркёров. Первый и второй логические маркёры копиально сохранены, изменений нет, что в таблице соответствует оценке сохранения 1 и нулевым оценкам изменений. Третий маркёр (*почтовая станция*) отсутствует (в таблице отмечено его нулевое присутствие и, соответственно, нулевая значимость присутствия), что, с учётом его большого веса, повлекло изменения на внешнем и внутреннем плане репродуцированного текста (по сравнению с исходным). Оценку изменений при отсутствии маркёра на внешнем плане текста, по договорённости, отмечаем в графе изменений отрицательным дробным числом – минус 0,5 – и вычисляем значимость этого «события» для внешнего плана всего репродуцированного текста (она равна произведению выставленной оценки изменений ($-0,5$) на вес маркёра 16, т.е. равна минус 8). На внутреннем плане идёт частичная компенсация потери данного важного маркёра на лексико-семантическом уровне текста: *...письма из разных стран; австралийский корабль брал свою почту...; вынул...два пакета и почту.* Поэтому оценка изменения на внутреннем плане текста условно меньше, но тоже отрицательна: $-0,2$. Следовательно, значимость изменения равна минус 3,2. Значимость изменений всегда вычисляется по одному правилу, поэтому её вычисление далее можно не комментировать.

Четвёртый маркёр (*...с мимо идущих кораблей бросаются письма...*) имеет следующий репродуцированный вариант (даётся в контексте актуальных для маркёра предложений): *Бочка не закрывалась, потому что в неё ложились письма из разных стран. Австралийский корабль, проплывавший мимо, брал свою почту; Европейский брал свою.* Маркёр включён в другие диктумно-модусные отношения, связанные с изменением причинно-следственных связей, поэтому его присутствие характеризуется квалиметрической оценкой в виде дробного положительного числа 0,5. Грамматически это выражено в смене временных глагольных форм настоящего «всегда происходящего» на

прошедшее «информационно-повествовательное». Оценка изменений на внешнем плане минус 0,4 как раз и связана с указанными изменениями в ущерб диктумно-модусным параметрам исходного текста. На внутреннем плане текста происходит «выравнивание» лексико-семантических потерь за счёт нового адекватного контекста; оценка изменений на этом плане текста слегка увеличивается – минус 0,2.

Пятый, восьмой и одиннадцатый логические маркёры сохранены с незначительными разночтениями, не меняющими никаких параметров исходного текста. Поэтому они имеют оценку присутствия 1, значимость присутствия – в соответствии с весом каждого маркёра, оценка изменений и их значимость на обоих планах – нулевые.

Шестой логический маркёр (*Клипер приготовлялся к отплытию*) присутствует в РТ № 94 косвенно, восстанавливается контекстуально, из разных фрагментов текста (*снимался с якоря, расправил паруса*). Оценка присутствия назначается 0,5. Оценка изменений на внешнем и внутреннем планах отрицательная (-0,4), связана с противоречивыми изменениями сюжетно-композиционной организации исходного текста.

Седьмой маркёр (*Канат полз из воды, таща за собой якорь...*) усечён наполовину, через перенос позиции активного деятеля с каната на якорь. Формально, можно сказать, он отсутствует, однако функциональная позиция его (описание действия, связанного с поднятием якоря) усилена в данном РТ и представлена в двух предложениях: *Он снимался с якоря. Якорь весь был в тине и в раковинах*. Оценка по введённой шкале такого «половинчатого» присутствия, так же как и контекстуально восстанавливаемого, равна 0,5. Изменения на внешнем и внутреннем планах оцениваются отрицательным числом минус 0,2, так как они незначительно противоречат диктумно-модусным позициям исходного текста, создавая упрощённо-ситуативное описание происходящего на корабле (лексико-стилистическая внетекстовая замена *снимался с якоря* показывает стремление автора РТ к типовой

клишированной лексике – сравни в этом же тексте:... *во главе с младшим лейтенантом...*; ...*расправил паруса и взял курс*).

Логический маркёр № 9 (...*к берегу причалила шлюпка...*) сохранён в изменённой форме: *С этого корабля спустили шлюпку и... поплыли к берегу. Когда они приплыли...* Диктумная семантика текста здесь сохранена на уровне событийного диктума, логический же диктум претерпел изменения, которые хорошо видны при обращении к расширенному контексту маркёра. Произошла трансформация типа логической связки: временная связка-актуализатор *в это время* заменилась пространственным актуализатором *с этого корабля*. Включение маркёра в дополнительный, расширенный контекст, захватывающий ещё одно предложение (*Когда они приплыли...*), усиливает цепочку описания шлюпки и изменяет художественную логику исходного текста в описании контраста «тяжести» корабля и «лёгкости» шлюпки. Развитие же текста происходит в плане экспликации информации о принадлежности шлюпки описываемому кораблю. Оценка изменения на внешнем и внутреннем планах текста, по указанным причинам, представлена числом 0,5.

Логический маркёр № 10.

ИТ: ...*лейтенант клипера... подошёл к бочке... вынул из неё несколько пакетов и бросил... пачку писем*.

РТ: ...*один человек подошёл к бочке... вынул оттуда два пакета и почту*. Формальное присутствие маркёра оценивается единицей. Однако наблюдаемые, незначительные на первый взгляд, разночтения несут изменения, противоречащие в целом ядерной семантике исходного текста. Для ясности следует ещё раз обратиться к моменту выделения данного маркёра (см. 1.5.1). Смысл его заключается в актуализации и иллюстрации идеи обмена почтовой корреспонденции с помощью бочки (назначенный вес 10 указывает на значимость маркёра в развитии логического пространства текста). Приведённый вариант маркёра содержит лишь описание «изъятия» почты из

бочки. Остаётся за пределами созданного РТ текстовая экспликация механизма появления почтовых отправлений в специальной бочке. (Сравни в ИТ: ... *и бросил, в свою очередь, пачку писем*. Вводная конструкция *в свою очередь* здесь выполняет функцию семантического актуализатора антонимичной лексико-семантической симметрии, сопровождающей «привычное» двойное действие *вынул – бросил*. Синонимичные репродуцированные варианты *взамен, одновременно, в ответ* в других РТ подтверждают нашу лингвистическую интерпретацию. Следует при этом ещё раз обратить внимание на необходимую полезность рассмотрения как близкого, так и расширенного контекстов наблюдаемого маркёра. Данный факт анализа является своего рода критерием (характеристикой) качества целостно-связного состояния репродуцированного текста. На примере данного варианта можно зафиксировать тип РТ, переводящий эксплицированные части исходного текста в имплицированные. Всё выше сказанное позволяет выставить отрицательную оценку изменений, происшедших в ущерб ядерной семантике исходного текста (минус 0,2 на внешнем плане текста и минус 0,5 на внутреннем плане).

Логический маркёр № 12 (*Клипер взял ход*) формально присутствует в РТ, но в компилированном из разных частей исходного текста контексте (*Корабль расправил паруса, и взял курс с запада на юго-восток*). Здесь имеют место незначительные изменения, не противоречащие лингвоэстетическому характеру исходного текста и отражающие способность автора данного текста к сжатию и компиляции. На внутреннем плане текста, отражающем его логический диктум, подобная трансформация логического маркёра не повлекла значимых изменений (нулевая оценка изменений). Трансформация событийного диктума на внешнем плане текста оценена положительным числом 0,2, свидетельствующим о некоторой креативной характеристике рассматриваемого варианта.

Анализ трансформаций логических маркёров РТ № 94 закончен. Переходим к аналогичным наблюдениям над художественными маркёрами по

этому же тексту. Из таблицы 2 видно, что только первый и последний художественные маркёры сохранены без последствий для целого текста, имеют нулевые показатели в том и другом планах текста.

Художественный маркёр № 2 – *дубовая* (бочка) – сохранён с креативной лексико-синтаксической трансформацией, выраженной в создании отдельного предложения и переводе согласованного определения в несогласованное (*Эта бочка, сделанная из дуба, и накрытая сверху березентом*). На внутреннем плане изменений не произошло, формально-внешние изменения оценены положительным числом 0,2.

Художественный маркёр № 3 (*во все концы света*) имеет нулевую оценку сохранения, повлекшую за собой изменения в диктумно-модусной организации текста. Свёрнутой оказалась идея международной (всемирности) почты – бочки и запутанным, текстуально не проявленным – способ обмена почтовых отправлений. Нарушены представленные последовательно в исходном тексте антонимичные лексико-семантические пары: «*письма **бросаются** (собираются) в бочку*» – «*письма **попадают** (развозятся) во все концы света*» (3-е предложение); «*письма **вынул** из бочки*» – «*письма **бросил** в бочку*» (10-е предложение). Контекстный вариант замены маркёра «*... в неё ложились письма из разных стран*» является придаточной частью сложного предложения, посвящённого бочке, и входит в его дополнительную рематическую составляющую. Исходный же контекст маркёра представлен простым предложением, посвящённым письмам, и маркёр является частью причастного оборота, несущего рематическую нагрузку по отношению к письмам: *Сюда с мимо идущих кораблей бросаются письма, попадающие во все концы света*. Изменения на внешнем плане текста по указанным причинам системно-функционального свойства оцениваются отрицательным числом минус 0,5. На внутреннем плане, благодаря общетекстовой компенсации, – числом минус 0,3.

Художественный маркёр № 4 (*Канат полз из воды*) также имеет нулевую оценку присутствия в РТ, не имеет никакой внутритекстовой компенсации.

Забегая немного вперёд, заметим, что художественно-эстетическое впечатление очеловечивания корабля лишь формально присутствует в конце данного РТ, не вырастает всем текстом с помощью соответствующих художественных маркёров. В этом смысле анализируемый репродуктивный вариант текста принадлежит к формально-художественной группе РТ, авторы которых имеют склонность к формализации своих ментально-образных впечатлений. Исходя из выше изложенных рассуждений, оценка изменений на обоих планах текста выставляется минус 0,5.

Художественный маркёр № 5 (*Якорь, сплошь облепленный...*) присутствует в изменённом виде, ослабляющем художественное пространство текста: *Якорь весь был* Стандартизированная лексическая замена вполне соответствует, как уже обсуждалось выше, языково-речевому поведению автора данного РТ, его тенденции к лексико-семантическому упрощению текста. Наблюдаемое обедняющее упрощение характеризуется оценкой минус 0,1.

Художественный маркёр № 6 (*Матросы, раскисшие от жары...*) формально-семантически присутствует, но внешне трансформирован по типу внутритекстовой лексико-словообразовательной замены: *Матросы ... вяло бродили – от жары вялые матросы*. Художественное впечатление утомления передано, но в менее экспрессивной лексико-семантической форме. Оценка изменений – минус 0,1.

Художественный маркёр № 7 (*Ссохшиеся паруса*) имеет нулевое присутствие, с разрушающими художественное пространство текста следствиями. Текст лишается художественно-контрастного, динамичного описания парусов: *ссохшиеся* (безжизненные, маленькие, лёгкие, *склеившиеся от жары*) – *громоздкие* (ожившие, огромные, тяжёлые, *надувшиеся*). Курсивом выделены варианты, взятые из других РТ. Оценка изменений в таблице (минус 1) символизирует потерю – разрушение контрастно-

художественного уровня текста, являющегося типологической характеристикой исходного текста (см. 1.3).

Художественный маркёр № 8 (*Маленькое чёрное пятно*) и маркёр № 9 (*крошечные вёсла*) взаимосвязаны, они создают образный эффект переноса точки наблюдения с берега на море. Маркёр № 8 формально присутствует, но в изменённой контекстной модальности, актуализировавшей позицию наблюдателя: *Потом все уехали и скоро превратились в маленькое, чёрное пятно, машущее крошечными вёслами* (ИТ); *Вдали они казались, как чёрное пятно* (РТ). Кроме того, потеря определения *маленькое* снижает художественно-образный эффект (живого существа), подкреплённый следующей деталью описания: *машущее крошечными вёслами*. Вполне закономерно, с данной точки зрения, появление в одном из РТ (№ 9) компилированного по затекстовому варианту образа корабля, видимого издалека, корабля – *насекомого, только с вёслами*. Следует также добавить, что семантически-градуальное дублирование признака (*маленькое – крошечные*) составляет типологическую деталь лингвоэстетического портрета исходного текста и используется в разных его частях. Отсутствие языкового выражения типологического параметра текста, по правилам предлагаемого анализа репродуцированных вариантов, фиксируется на внутреннем плане текста экстремальной оценкой минус 1, на внешнем – минус 0,5.

Следующие два маркёра № 10 и № 11 отсутствуют и не подлежат ни контекстуальному, ни концептуальному восстановлению. В таблице этот факт находит своё численное выражение, в соответствии с правилами анализа.

Анализ трансформаций художественных маркёров РТ № 94 закончен. В главе 3 диссертации данный метод использован в комплексном описании ещё 10 репродуцированных текстов.

1.6 Выводы по первой главе

Проведённый в ходе работы над диссертацией эксперимент позволил получить для одного исходного текста значительный (более 220) массив

репродуцированных текстов в виде изложения. Это дало возможность решить одну из основных теоретических задач исследования: наблюдение за массивом репродуцированных текстов с целью разработки необходимых понятий для его описания.

Теоретически обосновано использование для описания вариативности текстов понятия «маркёр», более широкого, чем понятие «ключевое слово». Исследование показало, что маркёрами в нашей парадигме могут быть не только слова и словосочетания, но и сюжетно-композиционные, семантико-синтаксические и другие особенности текста. Маркируемость, «отмеченность» этих особенностей, во-первых, задаётся целями исследования, во-вторых возникает из базовой основы диктумно-модусных составляющих текста и, в-третьих, является следствием динамического принципа взаимосвязи кодирования и декодирования текста. Выделение в исходном тексте и численная характеристика маркёров двух видов (логических и художественных), а также разработанная в настоящей главе процедура наблюдения за трансформациями маркёров вносят вклад в решение ещё одной из основных задач: разработку методов квалитетического анализа репродуцированных текстов.

Трансформации маркёров предложено оценивать отдельно на внутреннем и внешнем планах текста, что отражает, во-первых, природу самого текста (форма / содержание), во-вторых, характеризует уровень «погружения» человека в текст (поверхностный / глубинный). Предлагаемый алгоритм позволяет вычислить 6 квантитативных характеристик репродуцированного текста: 1)-2) оценка сохранения логических и художественных маркёров; 3)-4) оценка изменений каждого вида маркёров на внешнем плане текста; 5)-6) оценка изменений каждого вида маркёров на внутреннем плане текста. Это является подтверждением справедливости положения о возможности построения аналитико-статистических процедур для изучения вариативности и открывает возможности для дальнейшего развития базы квантитативных

характеристик текстов в цепочке ИТ – РТ.

В целях развития понятийного аппарата, необходимого для типологизации РТ и, в дальнейшем, языковых способностей их авторов, предложены и рассмотрены на многочисленных примерах понятия «креативный», «копиальный», «художественный», «логический» и их разнообразные комбинации.

Категории «логический» и «художественный» оказываются продуктивными и в рамках системно-текстового подхода, и в лингвоперсонологическом аспекте изучения вариативности. Процедура выделения маркёров и их оценки также базируется на двух подходах. Следовательно, 1 и 3 положения, выносимые на защиту, получают первые обоснования. Показательным в лингвоперсонологическом аспекте фактом являются ситуации разного рода внутритекстовых и затекстовых компенсаций маркёров при нулевой оценке их присутствия. А это, в свою очередь, обеспечивает потенциал контекстуального либо концептуального восстановления этих маркёров. Лингвоперсонологическая интерпретация результатов более концентрированно представлена в третьей главе.

На основе разработанных теоретических предпосылок и метода маркёрного анализа в работе предложены табличные формы наблюдений за трансформациями маркёров, шкала оценки изменений, показаны примеры оценки веса маркёров, оценки их изменений и примеры описания конкретных РТ с помощью данного метода, с опорой на лингвоэстетический анализ ИТ. В работе дополнительно отмечено, что предлагаемый метод изучения вариативности не даёт возможность полностью выяснить её природу. Указаны случаи, когда требуется привлечение иных подходов. Развитие и уточнение предлагаемой методики связано с нивелированием субъективизма в оценке веса маркёров и оценке их трансформаций в РТ. Дополнительные аргументы, достаточные для обоснования указанных и других положений, будут расс

ГЛАВА 2

ДЕРИВАЦИОННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НА УРОВНЕ ФРАГМЕНТОВ

2.1 Фрагментный анализ как способ изучения деривационной вариативности текста

Вариативность репродуцированных текстов представляет собой сложное текстологическое явление, что закономерно обуславливает существование различных подходов к её изучению. Разнообразие подходов должно помочь проникнуть в суть вариативности как текстовой категории. Один из подходов реализован в методике маркёров и рассмотрен в главе 1. Здесь предлагается ещё один подход – методика фрагментного анализа, или методика фрагментов, позволяющая получить более полную картину вариативных трансформаций целого текста. Дадим рабочее определение понятия «фрагмент». Фрагмент воспроизведённого текста (как антропотекста) отражает фокус актуализации внимания читающего / пишущего в процессе восприятия и семантизации исходного текста.

Использование для изучения деривации фрагментов (а не маркёров) имеет свои особенности. Маркёр является точечным образованием. Наблюдение за деривацией даже всех выбранных маркёров не отражает полностью деривационные изменения текста. Маркёры выбираются по определённому признаку, продиктованному целью лингвистического исследования. В результате может быть получена классификация производных текстов по отношению к этому признаку.

Фрагмент представляет собой структурную часть текста, выделяемую на основе его деривационных преобразований; эта часть имеет черты, которые нельзя наблюдать, изучая лишь преобразования единичных маркёров. Методика фрагментов предполагает получение информации о деривационных изменениях связности фрагментов, изменениях синтаксической структуры, других атрибутов, присущих тексту как целому. В частности, для фрагмента в разделе 2.2 будет описано построение деривационной области, позволяющей соотнести фрагмент исходного текста и соответствующий фрагмент

производного текста. Появляется возможность изучать деривационные изменения не локально, а интегрально. Вводимые ниже понятия – «деривационная область», «карта деривационной области», численные характеристики – оказываются эффективными средствами для изучения такого рода деривационных процессов.

Применяемый в данном исследовании подход к репродуцированным текстам как к антропотекстам определяет взгляд на фрагмент как на лингвоперсонологическую категорию. При этом вариативность можно рассматривать как единство процесса перевода исходного текста на внутренний язык и последующего процесса создания репродуцированного текста. С этой точки зрения важным является не только синтаксическое и семантическое единство, но и присутствие **точки внимания автора**. Анализируя в подразделе 3.2.1 основные причины (мотивы) деривационных изменений, мы увидим, что в их основе чаще всего оказывается несовпадение позиций внимания авторов ИТ и РТ.

Итак, под фрагментом мы понимаем часть текста (как антропотекста), обладающую семантическим и синтаксическим единством и представляющую собой фокус актуализации внимания автора. Для читающего фрагмент, с одной стороны, есть текст-сообщение о предмете внимания автора-писателя, а с другой стороны – результат актуализации собственного внимания. Объединяя обе позиции, можно сказать, что, с антрополингвистической точки зрения, фрагмент – это единица актуализации сознания воспринимающего и автора.

В структурном аспекте можно рассматривать макрофрагменты и их части – микрофрагменты. Микрофрагмент предстаёт как минимальная по объёму часть текста, обладающая указанными выше свойствами. Микрофрагмент даёт более глубинную ориентировку в тексте, наращивает массу текста и демонстрирует реальные контекстные отношения между речезыковыми единицами текста. Приведём пример, иллюстрирующий сказанное. В исходном тексте можно выделить следующий микрофрагмент: *«Медленно, упорно трещал брашпиль,*

тяжело ворочаясь в железном гнезде». Автор одного из РТ, вероятно, не зная слова *брашпиль* и не воспроизводя его, отреагировал на «звуковую картинку» этого микротекста и передал создавшееся впечатление сжато, компрессированно, в обобщённом виде: *«Всё гремело и трещало...»*. Более того, «отголосок» этого микрофрагмента мы находим и в конце данного РТ: *«Все стихло...»*.

Микрофрагменты могут объединяться в макрофрагменты. Макрофрагмент – это совокупность микрофрагментов, посвящённых актуализации одной темы. Например, макрофрагмент, посвящённый актуализации темы подготовки клипера к отплытию и связи этого корабля с бочкой-почтой. Во вводном предложении используется глагол незавершённого действия *«приготавлился»*, создающий у читающего ожидание показа, иллюстрации этой подготовки. И ожидание оправдывается – далее следует несколько микрофрагментов, содержащих описание подготовки клипера к отплытию. Таким образом, макрофрагмент – составляющая диктумной семантики на общетекстовом уровне.

Микрофрагменты (далее – просто фрагменты), имея небольшой объём, допускают более детальное изучение по технологии, предлагаемой ниже. Совершая челночные движения по цепочке микрофрагмент ↔ макрофрагмент ↔ текст, можно получить информацию о деривационных изменениях фрагментов и текста в целом.

2.2 Деривационные области и элементы деривации

Основными теоретическими понятиями являются «элемент деривации» и «деривационная область» (фрагмента репродуцированного текста). Разрабатывается схема алгоритма, позволяющего анализировать вариативность фрагментов РТ. Затем, в разделе 2.3, все шаги этого алгоритма подробно рассматриваются на материале эксперимента. Проводится количественный анализ деривационной области всех фрагментов каждого из РТ, определяются

основные численные параметры деривационной области каждого репродуцированного фрагмента. На основе наблюдаемых количественных и качественных изменений репродуцированных фрагментов в разделе 2.4 реконструируется деривационный потенциал исходного текста.

При определении основных понятий, требуемых для описания процесса деривационной вариативности, необходимо иметь в виду, что репродуцированные фрагменты могут отличаться от исходных фрагментов не только словами, словосочетаниями, но и структурой, порядком слов, словоупотреблением, смысловыми акцентами и т. п. Для того, чтобы фиксировать все происходящие изменения, вводится понятие «**элемент деривации**» текста. Цель – представление текста, со всеми его типологическими особенностями, в виде объединения наиболее простых элементов, которые могут варьироваться в процессе репродукции текста. Дадим развёрнутое определение элемента деривации, перечислив, что может являться таковым.

Выделяются три типа элементов деривации. Элементом деривации, прежде всего, является слово вместе с позицией, в которой оно используется. Изменённое контекстное окружение одного и того же слова может повлечь за собой появление смыслового варианта всего фрагмента текста. Поэтому позиция, в которой слово используется, входит в понятие «элемент деривации».

Элементом деривации являются также импликационные лингвистические факты. Например, факт наличия осложняющих ядерное предложение частей предложения (причастных, деепричастных, сравнительных оборотов), факт одушевления неодушевлённых предметов. В качестве элементов деривации выделяются глагольные конструкции, имеющие активного и пассивного деятеля, пространственные характеристики, содержащие указание на направленность действия. Другими словами, элементом деривации может быть факт направленности действия одного объекта на другой либо факт активности / пассивности деятеля. Отсутствие этого элемента в репродуцированном тексте,

изменение направленности действия, перенос его на другой объект учитываются при описании деривационных преобразований исследуемого фрагмента.

Различая два рода значений – импликационные и знаковые (или конвенциональные), Н.Б.Лебедева, опираясь на наблюдения М.В.Никитина, делает важное заключение: «Импликационное значение знака содержится скрытно... Другими словами, естественные, природные связи между явлениями, вытекающие из нашего знания «положения вещей», – пространственные, временные, логические (причинно-следственные, условные и пр.) – составляют имплекативное значение» [Лебедева, 1999: 53]. Такие значения называются здесь импликационными элементами деривации.

Ещё одна разновидность импликационного элемента деривации связана с преобладанием «массы» текста ближайшего контекстного окружения у второстепенного члена предложения (количество сопровождающих его слов), по сравнению с формально главенствующим членом предложения. Данный элемент порождает варианты, ведущие к пропуску формального ядра предложения и переносу второстепенного члена предложения в разряд ядерных членов предложения (например: «*Поднимался якорь и тянул за собой тину...*» вместо «*Канат полз из воды и тянул за собой якорь, сплошь облепленный водорослями, тиной и раковинами*»).

Следует ввести ещё один, третий тип элементов деривации. Пока рассматривались (наиболее частые) случаи, когда в процессе деривации происходит утрата элементов деривации исходного фрагмента и создание новых. В некоторых же случаях происходит незначительное изменение элементов деривации, прослеживается прямая лексико-семантическая связь между элементами ИТ и репродуцированного фрагмента. В таком случае их следует объединить в пару и считать эту пару одним элементом деривационной области. Впоследствии, при анализе левого и правого деривационных полей, следует делить этот элемент между ними поровну.

Описание ряда возможных элементов деривации желательно продолжать и обогащать при работе с разными текстами в режиме репродуцирования. Это приведёт к возможности более глубокого теоретического осмысления понятия «элемент деривации». Обращает на себя внимание установка В. А. Лукина: «...анализ текста – это переход от его линейного пространства к нелинейному семантическому» [1999: 121]. Сближение и удаление семантической связи знаков текста, осуществляются получателем текста «в некоем абстрактном умозрительном пространстве» и влекут существенные изменения изначальной формы текстового пространства, которое «становится нелинейной конфигурацией. Её конкретный вид, особый для каждого текста, есть его семантическая структура – множество текстовых знаков (у нас – элементов деривации – Т. К.), нелинейно организованное и упорядоченное их семантическими связями» [Лукин, 1999: 83].

Введённое понятие «элемент деривации» даёт возможность рассмотреть понятие «фрагмент» ещё с одной точки зрения. Элемент деривации есть языковая реализация фокуса внимания автора. Следовательно, фрагмент является совокупностью элементов (потенциальной) деривации.

В нашем исследовании понятие «элемент деривации» используется для определения ключевого понятия «**деривационная область**» фрагмента. В первом приближении деривационная область фрагмента – это совокупность тех элементов деривации фрагмента и элементов деривации репродуцированного фрагмента, которые не являются полезными. Полезно (заштриховано левое деривационное поле) и репродуцируемая (заштриховано правое деривационное поле) деривационная область заштрихована.

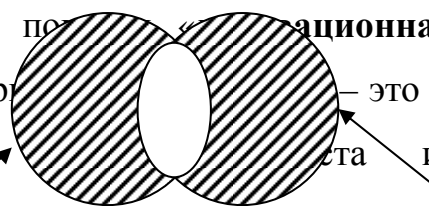

Рисунок 2

Элементы деривации (слова, вместе с их позициями, импликационные элементы), входящие в рассматриваемый фрагмент ИТ, и утраченные в соответствующем репродуцированном фрагменте, образуют **левое деривационное поле**. Элементы деривации (новые слова, синтаксические конструкции и пр.), имеющиеся в репродуцированном фрагменте и отсутствующие в ИТ, составляют **правое (креативное) деривационное поле**. Вместе правое и левое деривационные поля образуют **деривационную область** фрагмента РТ. Незаштрихованная область на рисунке – общая часть исходного и репродуцированного фрагментов, это область «копиальной» (нулевой) деривации.

Прокомментируем крайние случаи. Если изменений внесено незначительное количество, то фрагменты почти совпадают, деривационная область мала:

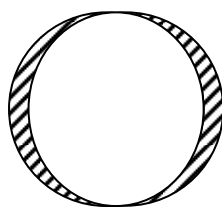

Рисунок 3

Маловероятна, но теоретически возможна и собственно нулевая деривация, когда РТ – копия ИТ. В этом случае два круга совсем совпадают и заштриховывать нечего:

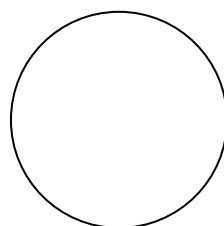

Рисунок 4

В другом крайнем случае в РТ могут быть опущены все элементы деривации исходного фрагмента, написан фактически новый текст:

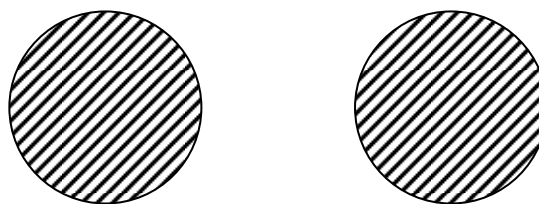

Рисунок 5

Однако в этом случае также необходимы аргументы, «сигналы», указывающие на то, что новый фрагмент имеет отношение к ИТ и написан вместо изучаемого, в результате его переработки. Иначе такую ситуацию нельзя считать деривационным явлением.

Простейшей количественной характеристикой текстовой деривации может служить **объём** деривационной области – количество элементов деривации, из которых эта область состоит. Наиболее развёрнутой характеристикой является полный список элементов деривации в деривационной области. Разработанная ниже методика составления таких списков может использоваться для их классификации, что в конечном итоге приведёт к созданию типологии антропотекстов.

Таким образом, на первом этапе возможен арифметический подход к изучению деривации: большая деривационная область – высокий уровень деривации, маленькая деривационная область – низкий уровень деривации. На этом этапе проводится подсчёт числа элементов деривации в деривационной области и даётся количественная характеристика фрагмента текста. Второй этап с обязательностью предполагает качественные характеристики высокого и низкого уровней деривации.

В силу важности новых понятий сделаем ещё некоторые уточнения. Чаще всего в процессе деривации происходит утрата элементов деривации исходного фрагмента и создание новых. Или, точнее, актуализация или неактуализация элементов деривации. Это соответствует языковым паттернам носителей языка, что рассматривается как элемент структуры языковой личности и маркёр типа языковой способности.

Вновь созданные элементы деривации могут быть как экспликационными, так и импликационными, могут относиться как к форме, так и к содержанию текста.

Возможен случай, когда элементы деривации внешне не изменились, но текст, его смысл изменился. Новое качество текста мы также называем

(креативным) элементом деривации и включаем в состав правого деривационного поля.

В случаях, когда происходит незначительное изменение элементов деривации, прослеживается прямая связь между элементами деривации исходного текста и репродуцированного фрагмента, они объединяются в пару. Эта пара считается одним элементом деривационной области. Впоследствии, при анализе левого и правого деривационных полей, как уже отмечалось, этот элемент делится между ними поровну.

Итак, введены основные понятия фрагментного анализа: «фрагмент», «элемент деривации», «левое / правое деривационное поле», «деривационная область». Ниже, параллельно с исследованием деривационной вариативности репродуцированных текстов, более подробно описываются шаги технологии фрагментного анализа, вводятся новые качественные и количественные характеристики, анализируется их значение в качестве параметров текстовой деривации. Здесь, в заключение раздела, мы приведём лишь схему основных шагов фрагментного анализа.

тексте фрагментов и составляющих их единиц деривации. Корректировка проводится после предварительного анализа массива репродуцированных текстов.

2.3 Описание массива репродуцированных текстов с помощью методики фрагментного анализа (на материале эксперимента)

Цели данного раздела – практическое освоение введённых понятий, применение предложенной методики для описания вариативности РТ, изучение деривационных отношений между фрагментами ИТ и РТ.

2.3.1 Фрагменты исходного текста

Разобъём на фрагменты исходный текст. Сначала выделяются макрофрагменты, позволяющие ориентироваться в событийно-логической структуре текста:

1. Бочка – почта, берег. Границы макрофрагмента: *«На берегу... , ... плывущие в Европу – европейскую».*

2. Корабль-клипер готовится к отплытию и забирает корреспонденцию из бочки, с берега. Границы макрофрагмента: *«Клипер приговлялся к отплытию... , ... машущее крошечными вёслами».*

3. Клипер преображается и отплывает, прощаясь с берегом. Границы макрофрагмента: *«Клипер преобразался... , ... взял ход».*

Заметим, что берег как символ устойчивости (по сравнению с водной стихией) есть во всех макрофрагментах исходного текста. Это то, к чему стремится человек (и клипер, как человек, прощается со своим ночлегом). Этот мотив обнаружен и усилен авторами некоторых репродуцированных текстов: *«Там, дома, матросов ждут родные и близкие...».* *«Моряки скучают и тоскуют по своим родным, которые остались на берегу...».*

Анализ микрофрагментов внутри указанных макрофрагментов позволяет проникнуть в более глубинные антропологические слои текста – модусно-мотивационные. В этих фрагментах человек (и в позиции читающего, и в

позиции пишущего) ищет ответ на вопрос: как именно это происходит? Как бочка становится почтой? Как корабль готовится к отплытию? Что происходит с кораблём, когда он преобразуется? Во фрагментах возникают опоры для развития пространственно-зрительного, смыслового (логического и модусного), эмоционально-эстетического восприятия текста.

Опираясь на определение фрагмента, как совокупности элементов потенциальной деривации и фокуса внимания автора, определяем границы микрофрагментов ИТ. Элементами деривации фрагментов становятся, во-первых, вербальные единицы ИТ, которые гипотетически могут иметь замены при их репродукции (они отделены друг от друга в приведённом ниже тексте фрагмента вертикальной чертой). Затем к ним добавляем импликационные элементы деривации, отражающие семантико-грамматические особенности данного фрагмента текста и также имеющие вариативные трансформации. В результате выделяются следующие фрагменты ИТ.

Фрагмент 1. *На берегу, | почти у воды, | в тени (дерева)| огромного / варингинового | стоит | крепкая | дубовая | бочка, | плотно | закрытая / просмоленным | брезентом. | Она не запирается; | это | международная / почтовая | станция. | «Амплификация».*

В числе элементов деривации фрагмента находится импликационный элемент «амплификация», который является наблюдаемым пространственно-художественным ориентиром текста. Это стилистическая фигура, в которой повторяются однородные обстоятельства при описании места расположения бочки. Такое «нанизывание» точек внимания, выполненное в режиме инверсии, позволяет читающему постепенно, с остановками, переводить взгляд издалека, всё ближе и ближе к основному предмету внимания автора – бочке.

Фрагмент 2. *Сюда | с мимо | идущих | кораблей | бросаются | письма, / попадающие | во все концы света. | Корабль, | плывущий | в Австралию, | забирает | австралийскую | корреспонденцию; | плывущий | в Европу – | европейскую. | «Симметричная конструкция».*

Симметрия синтаксической конструкции второго предложения «держит» ритмообразующий строй текста фрагмента. Этот импликационный элемент деривации вводится в общий список под именем «симметричная конструкция».

Можно было ввести ещё, например, семантический элемент типа «реализация идеи обмена почты» – двустороннее действие: сбор писем и их рассылка. Дело в том, что во многих РТ этот элемент трансформирован в одностороннее действие: описание либо только сбора писем в бочку, либо только способа их рассылки в разные страны.

В процессе обработки РТ выявился ещё один импликационный элемент деривации ИТ – пассивный залог («...бросаются письма...»), который в большинстве работ был заменен активным залогом с указанием деятеля. Психологические причины вариантов таких замен будут рассмотрены ниже.

При обнаружении в РТ импликационных элементов деривации, не содержащихся в выделенном фрагменте ИТ (как в последних двух случаях), следует включать их в правое деривационное поле.

Фрагмент 3. *Клипер / приготовлялся / к отплытию. / Медленно, / упорно / трещал / брашпиль, / тяжело / ворочаясь / в железном / гнезде. / «Одушевление».*

В данном фрагменте привлекает внимание художественно-эстетический факт одушевления неодушевленного предмета. Он так и введён в общий список элементов деривации данного фрагмента под именем «одушевление». Заметим, что этот факт присутствует практически во всех фрагментах ИТ. Поэтому можно понять некоторых авторов РТ, которые довели его до возможного смыслового апогея и лингвистического абсурда, считая, что клипер – это человек.

Фрагмент 4. *Канат / полз / из воды, / таща за собой / якорь, / сплошь / облепленный / водорослями, / тиной / и раковинами. / «Одушевление». | «Отяжеляющая конструкция». | «Направленность действия». | «Преобладание контекстной массы второстепенного члена предложения (якоря)».*

Этот небольшой фрагмент содержит несколько импликационных элементов. Одушевление каната выражено метафорической семантикой глагола *полз*. Второй элемент является выражением художественно-эстетического впечатления о первоначальной тяжести всего корабля. Этот элемент актуализируется на фоне лёгких синтаксических конструкций во фрагменте со шлюпкой. Третий импликационный элемент ориентирует в пространственно-деятельностных отношениях внутри текста. Наконец, четвёртый импликационный элемент отражает перенос внимания с главного члена предложения на второстепенный. Последние два элемента деривации появились в результате корректировки выделенных априори фрагментов, после предварительного изучения массива РТ.

Фрагмент 5. *Матросы, / раскисшие / от жары, / вяло / бродили / по накалённой / смоле / палубы, / закрепляя / фалы, / или сидели / на ряях, / распуская / ссохшиеся / паруса. / «Мотив усталости, уныния».*

Привлекают внимание семантические поля слов *раскисшие, вяло, бродили, ссохшиеся*, которые можно объединить в эмоционально-эстетический концепт «мотив усталости, уныния». Под этим именем он и вносится в качестве элемента деривации данного фрагмента.

В последних трёх фрагментах импликационные элементы деривации не были выделены. Возможно, по причине того, что достаточно большой объём этих фрагментов (по сравнению с предыдущими) «покрывает» всё пространство текста, отражая вербально внешний и внутренний уровень текста.

Фрагмент 6. *В это время / к берегу / причалила шлюпка / с шестью гребцами, / и младший лейтенант клипера, / выскочив на песок, / подошёл к бочке. / Откинув / брезент, / он вынул из неё / несколько пакетов / и бросил, / в свою очередь, / пачку писем. / Потом / все / уехали / и скоро / превратились в / маленькое, / чёрное / пятно, / машущее / крошечными / вёслами.*

Фрагмент 7. *Клипер / преобразался. / От реи до реи, / скрывая / стволы / мачт, / вздулись / громоздкие / паруса. / Корабль / стал похожим / на птицу / с*

замершими / в воздухе / крыльями, / весь – / напряжение / и полёт, / нетерпение / и сдержанное / усилие.

Фрагмент 8. *Бушприт клипера / медленно / чертил / полукруг / с запада на юго-восток. / Судно / тяжело / поворачивалось, / вспенивая / рулём / полдневную, / бледную от жары / синеву / рейда. / Теперь / оно походило / на человека, / повернувшегося / спиной / к случайному, / покидаемому / ночлегу. / Пенистая, / ровная / линия / тянулась за кормой – / клипер / взял ход...*

Выделение фрагментов исходного текста закончено.

2.3.2 Карты деривационных областей фрагментов

В этом пункте даётся пошаговая методика построения деривационной области фрагментов репродуцированных текстов. Массив РТ, подвергнутый фрагментному анализу, состоит из 120 работ. Так как выделены 8 фрагментов, то в процессе анализа были построены 960 карт деривационных областей. В качестве примера рассмотрим один из фрагментов – 4-й, а также репродукцию этого фрагмента в одной из работ.

Фрагмент ИТ

Канат полз из воды, таща за собою якорь, сплошь облепленный водорослями, тиной и раковинами.

Фрагмент РТ

Стальные канаты поднимались из воды, они все были в водорослях. Эти канаты поднимали из воды якорь.

Шаг 1. Выписываем слева все элементы деривации наблюдаемого фрагмента ИТ, включая четыре дополнительных импликационных элемента, характеризующие фрагмент как единое художественное целое. Можно их назвать текстообразующими единицами, характерными именно для данного фрагмента.

- *канат*
- *полз*
- *из воды*

- *таща за собой*
- *якорь*
- *сплошь*
- *облепленный*
- *водорослями*
- *тиной*
- *и ракушками*
- направленность действия
- одушевление
- отяжеляющая конструкция
- преобладание контекстной массы якоря

Шаг 2. Вычёркиваем из созданного поля элементы деривации, воспроизведённые в репродуцированном фрагменте: *канат, из воды, якорь, водорослями*, «направленность действия», «одушевление». Они не подверглись деривационным изменениям и поэтому не входят в деривационную область фрагмента.

Шаг 3. Вносим в деривационное поле парные элементы, замещающие позиции единиц исходного фрагмента в репродуцированном фрагменте. Полученные пары являются элементами деривационной области третьего типа:

полз

поднимались

сплошь

все были (в)

отяжеляющая конструкция

упрощённая конструкция

для деривационной области. В их число входят новые элементы деривации репродуцированного фрагмента, которых не было в исходном фрагменте:

- *стальные*
- *они*
- повторы слов

- множественное число подлежащего
- перенос элементов описания с якоря на канат

Появление в правом деривационном поле импликационных элементов деривации явилось результатом речемыслительных действий автора РТ. Повторы слов – реакция на сложную синтаксическую конструкцию и следствие её упрощения. Последние два элемента связаны со спецификой понимания анализируемого фрагмента автором РТ и отражают изменения в диктумной семантике текста.

В результате четырёх описанных шагов получаем карту деривационной области фрагмента, которую можно образно назвать деривационным портретом этого фрагмента.

1) ~~Канат~~

2)

<i>полз</i>	<i>поднимались</i>
-------------	--------------------

3) ~~из воды,~~

4) ~~таща за собою~~

5) ~~якорь~~

6)

<i>сплошь</i>	<i>все были в</i>
---------------	-------------------

7) ~~облепленный~~

8) ~~водорослями,~~

9) ~~тиной~~

10) ~~и ракушками.~~

11) ~~направленность действия~~

12) ~~одушевление~~

13)

<i>отяжеляющая конструкция</i>	<i>упрощённая конструкция</i>
--------------------------------	-------------------------------

14)

<i>преобладание</i>

“контекстной массы” якоря

1) *стальные*

2) *они*

3) повторы слов

4) множественное число подлежащего

5) перенос элементов описания с якоря на канат

Такие карты составлены на все фрагменты всех 120 репродуцированных текстов. Дальнейшая обработка результатов эксперимента основана на использовании составленных таким образом 960 карт (образцы карт см. в Приложении).

2.3.3 Численные характеристики репродуцированных фрагментов

Основными характеристиками являются общий объём деривационной области и объём правого деривационного поля. Общий объём деривационной области определяется как сумма числа нерепродуцированных (невычеркнутых) элементов левого поля, числа элементов правого поля деривационной области и числа парных элементов деривации. В нашем примере эта сумма равна $5+5+3=13$. Важным параметром, характеризующим креативные деривационные преобразования, является объём правого деривационного поля. При его вычислении следует учитывать, что парные элементы деривации принадлежат фактически и левому, и правому деривационному полю. Поэтому правому полю принадлежит лишь половина их количества. В рассматриваемом примере объём правого деривационного поля равен $5 + 1,5 = 6,5$.

Обработав таким образом весь массив карт деривационных областей фрагментов РТ, построим таблицу, объединяющую всю полученную информацию. В таблице для каждого индивидуального варианта репродукции указан общий объём деривационной области (верхняя строчка, О) и объём правого (креативного) деривационного поля (нижняя строчка, К). В правом столбце таблицы с помощью суммирования названных параметров фрагментов вычислены значения этих же параметров для каждого РТ в целом.

Общая и креативная деривация фрагментов РТ

№ РТ	№ фрагмента	1	2	3	4	5	6	7	8	Сумма
1	О	19	19	13	12	13	35	21	34	166
	К	7	4	4,5	4	1	11,5	0	6	38
2	О	20	24	12	14	16	23	22	28	159
	К	4,5	10,5	1,5	0	0	3,5	3,5	0	23,5
3	О	16	24	13	15	19	27	21	34	169
	К	2,5	9	2	5	4	6,5	0	6,5	35,5
4	О	21	18	12	18	26	27	26	28	176
	К	4	0	0	8	10	10	5,5	0	37,5
5	О	15	22	10	13	14	28	21	31	154
	К	4	7	0,5	1	1	4	0	3,5	21
6	О	13	22	11	14	13	29	21	36	159
	К	1	10	0,5	1,5	1	8	0	7,5	29,5
7	О	16	21	12	14	16	32	21	32	164
	К	1,5	9	0	0	0	11,5	3	6	31
8	О	21	19	10	14	15	27	22	28	156
	К	6,5	3	0,5	0	5	7,5	5	0	27,5
9	О	21	16	11	13	15	27	21	32	156
	К	4	9,5	1,5	6,5	1,5	5,5	0	4	32,5
10	О	18	19	10	14	15	31	17	31	155
	К	5	8,5	0,5	0	2	6	1	3	26
11	О	21	20	15	16	21	30	21	25	169
	К	5,5	5,5	3	7	7	10	0	1	39
12	О	17	22	10	14	16	26	21	25	151
	К	2,5	7,5	0,5	0	0	9	0	2,5	22
13	О	20	21	10	16	16	28	21	28	160
	К	4,5	7	0,5	6	0	3	0	0	21
14	О	15	24	18	14	23	33	21	28	176
	К	4	10	6	0	11	11,5	0	0	42,5
15	О	18	16	11	15	16	30	21	31	158
	К	5,5	7	1,5	8,5	0	5,5	0	3	31
16	О	21	24	13	15	21	26	22	27	169
	К	5,5	6,5	2	6	6,5	5	3,5	2	37
17	О	18	22	12	14	16	33	21	28	164
	К	5	6,5	0	0	0	15,5	0	0	27
18	О	18	22	12	16	16	33	20	30	167
	К	5	7	0	4	0	16	1,5	3	36,5
19	О	18	8	10	11	16	16	20	22	121
	К	3	6	0,5	1	0	4	1	3	18,5
20	О	16	13	7	6	16	23	17	22	120
	К	6,5	6,5	0	2,5	0	4,5	1,5	4,5	26
21	О	14	18	4	11	12	23	16	18	116
	К	3	6,5	1,5	3,5	3,5	10,5	1,5	1	31
22	О	16	16	10	7	17	20	18	14	118
	К	2	4,5	0,5	2,5	4	9,5	2,5	1,5	27
23	О	1	18	8	10	15	27	20	23	122

№ РТ	№ фрагмента	1	2	3	4	5	6	7	8	Сумма
	К	0,5	5	2,5	4	5	8	2,5	1	28,5
24	О	14	13	12	8	18	30	20	15	130
	К	2	4	3	3,5	5,5	10	2,5	4	34,5
25	О	1	3	1	9	12	12	14	21	73
	К	0	2	0,5	3,5	2	3,5	1,5	2	15
26	О	12	2	3	12	12	14	18	18	91
	К	2,5	0	0,5	4	5	3	1	1,5	17,5
27	О	21	18	10	15	13	16	20	25	138
	К	3,5	7,5	0,5	2	5	4,5	2	3,5	28,5
28	О	17	21	10	12	15	23	17	15	130
	К	5,5	6,5	0,5	2,5	2	4	2,5	1	24,5
29	О	8	8	9	14	16	21	21	28	125
	К	1	4,5	0	0	0	8,5	0	0	14
30	О	13	23	10	13	13	18	16	25	131
	К	3,5	12,5	4,5	1,5	2	4	1,5	1,5	31
31	О	10	19	9	7	11	11	16	14	97
	К	1	4,5	0	0	1	5	0,5	0	12
32	О	14	13	9	10	15	15	16	24	116
	К	6,5	6,5	0	0,5	4	5,5	0,5	3	26,5
33	О	20	18	3	7	17	22	11	17	115
	К	7,5	11,5	1	2,5	7,5	3,5	0,5	1	35
34	О	9	7	11	10	16	20	15	24	112
	К	0,5	2	2,5	0	4	5	0	0	14
35	О	8	7	2	5	11	16	21	24	94
	К	1,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0	0	0	3,5
36	О	17	14	15	15	12	13	26	26	138
	К	8,5	9	4	6	3	5,5	9	4,5	49,5
37	О	18	18	17	14	16	30	23	28	164
	К	1,5	2	5	4,5	0	10,5	5,5	0	29
38	О	22	27	12	14	18	28	21	28	170
	К	8	14,5	0	0	3,5	7,5	0	0	33,5
39	О	19	17	12	14	13	24	22	26	147
	К	6,5	7,5	0	5	4,5	7	4	0	34,5
40	О	16	17	13	14	16	24	21	28	149
	К	3	9	2	0	0	5,5	0	0	19,5
41	О	21	21	12	14	16	35	21	28	168
	К	5	6	0	0	0	15	0	0	26
42	О	19	20	12	16	15	27	21	28	158
	К	6,5	4	0	4	3,5	5	0	0	23
43	О	17	2	10	14	14	25	21	33	136
	К	1,5	8,5	0,5	0	0,5	5,5	0	6	22,5
44	О	22	17	12	16	16	25	21	28	157
	К	4,5	7	0	5	0	3	0	0	19,5
45	О	19	16	14	14	16	33	26	28	166
	К	4	6	4	0	0	12,5	8	0	34,5
46	О	16	23	12	15	16	29	21	28	160
	К	4,5	6	0	4,5	0	9	0	0	24
47	О	20	19	15	14	14	33	21	31	167
	К	7	7	3	5	1,5	13	0	5,5	42
48	О	20	15	15	14	17	28	21	29	159

№ РТ	№ фрагмента	1	2	3	4	5	6	7	8	Сумма
	К	6,5	4,5	3	0	3	5,5	0	5,5	28
49	О	16	12	12	14	16	28	17	32	147
	К	1,5	2,5	0	0	0	10	1	4	19
50	О	8	19	22	14	16	36	21	27	163
	К	0	8,5	11	0	0	16,5	2	0,5	38,5
51	О	11	21	15	12	14	27	28	32	160
	К	3,5	10,5	4	5,5	3	11,5	9,5	6	53,5
52	О	16	20	12	14	16	37	21	28	164
	К	2	6,5	0	0	0	16,5	0	0	25
53	О	4	18	5	13	16	30	21	32	139
	К	0	0	0	2	0	4	1,5	4	11,5
54	О	17	18	12	14	12	23	21	28	145
	К	2,5	9,5	0	0	2	8	0	0	22
55	О	12	17	9	15	20	24	21	28	146
	К	0	6	0	8	6,5	8	0	0	28,5
56	О	10	18	10	14	15	30	16	28	141
	К	2,5	8	0,5	0	4	8,5	3,5	0	27
57	О	21	13	10	14	14	30	20	28	150
	К	5,5	2	0,5	0	4,5	12,5	3	0	28
58	О	17	11	10	14	14	21	18	29	134
	К	4	2	0,5	0	5	4	2,5	5,5	23,5
59	О	14	9	10	14	14	28	24	26	139
	К	5	1	0,5	0	2,5	8,5	5,5	3	26
60	О	14	10	10	14	15	19	20	28	130
	К	4	4	4,5	0	4	6,5	4,5	3,5	31
61	О	12	11	10	14	11	20	18	29	125
	К	1	2,5	0,5	0	1	8	2	3	18
62	О	13	16	12	14	8	21	16	27	127
	К	4,5	6	0	0	2,5	6,5	0,5	0,5	20,5
63	О	18	15	12	7	15	29	16	31	143
	К	3,5	5,5	2,5	2,5	2	8	0	3,5	27,5
64	О	17	29	12	14	16	36	21	28	173
	К	3	13,5	0	0	0	26,5	0	0	43
65	О	14	22	8	14	11	26	21	18	134
	К	3,5	6	3	0	1,5	7,5	0	0	21,5
66	О	15	19	16	15	13	21	21	29	149
	К	6	4	4	3	4	7,5	0	4	32,5
67	О	21	10	9	17	16	34	21	33	161
	К	5,5	1,5	0	5,5	0	14	0	8,5	35
68	О	11	9	10	19	16	27	21	27	140
	К	0	4,5	0,5	7	1,5	1,5	0	5	20
69	О	10	21	18	16	16	26	21	28	156
	К	4,5	8	6	5	0	8	0	0	31,5
70	О	14	18	9	12	16	21	17	21	128
	К	5,5	7	0	3	3	7,5	1,5	3,5	31
71	О	15	24	14	6	15	31	19	28	152
	К	6	10,5	3	1,5	1	10	0,5	0	32,5
72	О	15	13	9	14	17	24	21	30	143
	К	3,5	6,5	0	0	8	5,5	1,5	3	28
73	О	12	15	10	15	19	25	21	31	148

№ РТ	№ фрагмента	1	2	3	4	5	6	7	8	Сумма
	К	2,5	7,5	0,5	3	8,5	6	0	3	31
74	О	11	18	12	14	17	29	21	28	150
	К	1,5	2,5	2,5	0	3	6,5	0	1,5	17,5
75	О	20	16	14	14	16	31	21	28	160
	К	8,5	3,5	3	0	0	11,5	2	0	28,5
76	О	14	20	13	14	20	19	19	26	145
	К	3,5	5	2	0	8,5	1,5	0,5	3,5	24,5
77	О	21	18	10	14	16	24	21	28	152
	К	3,5	2,5	0,5	0	0	5,5	0	1,5	13,5
78	О	13	20	14	9	13	14	21	28	132
	К	2,5	8	3	4,5	3,5	5	0	5	31,5
79	О	4	20	11	7	7	16	20	21	106
	К	1,5	6,5	4	3	3	5,5	5	4	32,5
80	О	11	12	14	10	20	23	21	27	138
	К	2,5	1	2	1	6	5	4	2,5	24
81	О	5	22	13	12	16	27	21	31	147
	К	0,5	12,5	5,5	5	5,5	7,5	0	4,5	41
82	О	22	13	14	13	16	25	15	29	147
	К	8,5	7	2	5	5,5	6	1	4	39
83	О	10	15	3	6	6	17	10	18	85
	К	3	6,5	1	1	2	6,5	2	5	27
84	О	4	17	16	14	16	26	21	30	144
	К	0,5	10	4,5	3	0	7,5	0	3,5	29
85	О	4	14	6	4	2	20	19	25	94
	К	1,5	8	2,5	1	0	10,5	3,5	8,5	35,5
86	О	9	12	12	7	15	23	21	30	129
	К	3,5	5,5	0	3	7	12,5	0	5	36,5
87	О	13	14	10	12	16	24	21	23	133
	К	4,5	4,5	0,5	4	3	8,5	0	5	30
88	О	19	18	12	16	17	18	18	26	144
	К	2	8	0	4	5,5	1,5	1,5	3,5	26
89	О	18	18	10	11	17	26	18	30	148
	К	3,5	9	0,5	2,5	2,5	10	3	8,5	39,5
90	О	3	11	10	13	16	26	17	22	118
	К	0,5	2	0,5	4	6,5	10,5	2	7	33
91	О	15	16	13	15	15	29	20	31	154
	К	2,5	8,5	2	6	4,5	14,5	3	4	45
92	О	14	17	10	6	12	20	50	28	157
	К	2	12,5	0,5	3	3,5	5,5	3,5	6,5	37
93	О	6	11	9	7	12	14	20	27	106
	К	0	5	4	3	4,5	3,5	5,5	1	26,5
94	О	15	21	19	12	15	24	20	30	156
	К	2,5	9	7	1,5	3	10,5	1	5	39,5
95	О	13	13	10	5	12	16	17	22	108
	К	7,5	3	0,5	2	5,5	8	4,5	10	41
96	О	17	11	3	14	14	17	21	28	125
	К	4,5	1	1,5	4	1,5	7	0	0	19,5
97	О	10	18	10	15	14	19	18	29	133
	К	1	5	0,5	4,5	2,5	7,5	3	6	30
98	О	11	13	9	4	19	33	24	41	154

№ РТ	№ фрагмента	1	2	3	4	5	6	7	8	Сумма
	К	2	6,5	4	2	7,5	10	5	15	52
99	О	2	10	8	9	5	19	23	30	106
	К	0	0	3	3,5	2	7,5	8	11	35
100	О	15	16	12	9	16	24	21	29	142
	К	5	8,5	2	3,5	1,5	7	0	6	33,5
101	О	19	22	12	14	16	32	15	28	158
	К	2,5	7	0	0	0	8,5	1	0	19
102	О	11	14	11	16	12	22	21	32	139
	К	0,5	5	1	3	1	2	0	4	16,5
103	О	16	15	10	9	14	12	13	18	107
	К	2,5	2,5	0,5	0	1	0	0	0,5	7
104	О	17	19	9	13	16	28	16	24	142
	К	4,5	5	0	3,5	0	9,5	0	2	24,5
105	О	10	13	10	12	15	23	21	26	130
	К	0	3,5	2,5	3,5	4	7	6	4,5	31
106	О	7	18	11	10	18	24	20	28	136
	К	1,5	8	4,5	3,5	9	9,5	2,5	0	38,5
107	О	12	11	10	14	16	25	17	23	128
	К	2	5,5	0,5	2,5	3	5,5	0,5	5,5	25
108	О	11	14	12	15	16	27	21	27	143
	К	2	8,5	3,5	3,5	0	9	0	3	29,5
109	О	13	15	10	13	16	35	21	28	151
	К	0,5	3,5	0,5	4	0	12,5	0	0	21
110	О	5	20	10	14	16	34	25	32	156
	К	3,5	5	0,5	4	0	16,5	5	5	39,5
111	О	10	19	12	11	16	27	21	28	144
	К	1	6	1	4	2,5	3,5	0	0	18
112	О	12	16	10	13	17	28	21	28	145
	К	5	4,5	0,5	3,5	3	9	0	2	27,5
113	О	8	15	10	13	16	22	25	34	143
	К	2	10	0,5	2,5	0	5,5	4,5	6,5	31,5
114	О	6	14	10	16	19	30	23	28	146
	К	2	8	0,5	6,5	5,5	10,5	5	0	38
115	О	11	23	11	11	17	22	20	29	144
	К	2	9,5	1,5	4	5,5	7	5,5	6,5	41,5
116	О	15	19	10	14	16	28	21	33	156
	К	4	10	0,5	0	2	5	0	6,5	28
117	О	17	21	9	14	9	20	15	30	135
	К	6	5,5	0	0	1,5	7,5	3	7,5	31
118	О	10	14	16	14	20	24	22	28	148
	К	3	4	4	0	5,5	7	6	0	29,5
119	О	11	22	22	14	16	31	22	31	169
	К	3	7,5	11	0	0	7	1,5	4	34
120	О	11	18	10	14	16	24	18	24	135
	К	2,5	5	0,5	0	0	5,5	1,5	1	16
Средние Значения	О	14,033	16,667	11,017	12,575	15,158	25,008	20,183	27,2	141,842
	К	3,3542	6,1417	1,6583	2,4458	2,7167	7,7333	1,75	2,95	28,75

Анализ столбцов таблицы даёт возможность получить информацию о потенциале вариативности фрагментов ИТ, сравнивать фрагменты ИТ по этому параметру. Подробно этот анализ представлен в разделе 2.4.

В строках таблицы для каждого РТ вычислены важные характеристики – объём деривационной области и объём креативного деривационного поля. Это позволяет сравнивать РТ между собой, выделять наиболее (и наименее) креативные и наиболее (и наименее) копиальные тексты. Переход от вариативности фрагментов к вариативности целых РТ осуществляется в разделе 2.6.

2.4 Потенциал вариативности фрагментов исходного текста

2.4.1 Распределение вариантов фрагментов по основным параметрам деривации

Информация, представленная в каждом из вертикальных столбцов таблицы 3, количественно отражает всю картину деривационных изменений соответствующего фрагмента. Однако в таком виде пользоваться полученными численными данными затруднительно. Следует прибегнуть к распределению их в вариационный ряд, наглядно демонстрирующий движение от малой вариативности к большой. Приведём распределение РТ по каждому основному параметру для одного из фрагментов

Таблица 4

Распределение РТ по объёму деривационной области для 2-го фрагмента

Объём ДО	2 – 5	6 – 9	10 – 13	14 – 17	18 – 21	22 – 25	26 – 29
Количество РТ	2	6	21	29	43	17	2
Номера РТ	25, 26						38, 64

Распределение показывает, что основная масса РТ по общему объёму деривационной области второго фрагмента находится в середине вариационного ряда деривации. Крайние «левые» тексты этого ряда представляют собой почти полные копии наблюдаемого фрагмента ИТ.

Крайние «правые» тексты демонстрируют свободное воспроизведение исходного фрагмента противоположными способами: от полного пропуска фрагмента (объём деривационной области в этом случае возникает за счёт левого деривационного поля) до диктумно-модусной его трансформации, далёкой от исходного текста (здесь объём деривационной области вырастает за счёт правого, креативного деривационного поля). В любом случае при анализе массива РТ обнаруженные тексты с экстремальными значениями параметров (их номера приведены в последней строке таблицы 4) требуют специального внимания, в частности, при изучении типов языковой личности.

Основная часть репродукций второго фрагмента характеризуется более равномерным наполнением правого и левого деривационных полей. В таких текстах сочетаются разные типы деривационных преобразований, начиная с вариантов смыслового сжатия («Отсюда все письма попадают во все концы света», РТ №1; «В эту бочку со всех концов света направляются письма», РТ №8) и логических обобщений в плане диктумной семантики текста («Корабли подъезжают к этой бочке и кладут письма в неё, и они отправляются в разные концы света», РТ №5). Подобная вариативная картина складывается практически во всех фрагментах текста.

Как было замечено выше, иногда общий объём деривационной области увеличивается за счёт правого креативного поля ДО. Описываемая методика фрагментов предполагает отдельное наблюдение за этим полем, так как оно информативно в плане лингвоперсонологических характеристик репродуцированных текстов. Итак, предполагается построение аналогичного вариационного ряда правого деривационного поля анализируемого фрагмента.

Таблица 5

Распределение РТ по объёму креативного деривационного поля 2-го фрагмента

Объём креативного поля	0 – 2,5	3 – 5,5	6 – 8,5	9 – 11,5	12 – 14,5
Количество РТ	21	30	46	18	5

Номера РТ					30, 38, 64, 81, 92
-----------	--	--	--	--	-----------------------

Привлекают внимание РТ с наибольшими значениями рассматриваемого параметра, их номера приведены в последней строке таблицы. Авторы этих РТ при воспроизведении второго фрагмента использовали новые слова, семантико-стилистические средства для выражения своего восприятия и понимания ИТ. Это может представлять интерес как в собственно лингвистическом плане, так и для характеристики языковой способности.

2.4.2 Общий и креативный деривационные потенциалы фрагментов исходного текста

Данные о вариативности репродуцированных фрагментов, полученные в результате предыдущего анализа, можно использовать для сравнения деривационного потенциала фрагментов исходного текста. Наиболее полной деривационной характеристикой фрагмента ИТ являются приведённые выше таблицы распределений. Однако для сравнения вариативности разных фрагментов необходима более простая численная характеристика деривационного потенциала. Естественными показателями, характеризующими этот потенциал, являются среднее значение объёма деривационной области, а также среднее значение креативного деривационного поля соответствующих фрагментов РТ. Эти значения представлены в последней строке сводной таблицы 3. Однако для сравнительной характеристики потенциальной вариативности фрагментов есть препятствие в виде разной величины фрагментов. Например, 3-й фрагмент содержит 12 элементов деривации, а 8-й фрагмент - 28 элементов. Ясно, что у 8-го фрагмента деривационный потенциал должен быть выше. Хотя среднее значение объёма деривационной области и объём фрагмента не являются прямо пропорциональными величинами, всё-таки точнее использовать относительную величину – отношение среднего объёма деривационной области к объёму фрагмента.

Другими словами, для сравнения деривационного потенциала фрагментов ИТ можно использовать величину деривационной области, приходящуюся на 1 элемент деривации. В то же время средний объём креативного деривационного поля, видимо, не следует относить к элементу деривации фрагмента. Здесь зависимость от объёма фрагмента гораздо слабее, поэтому величина, приведённая в последней строке таблицы, достаточно хорошо отражает потенциал креативной деривации фрагмента.

Приведём таблицу, содержащую все рассматриваемые величины.

Таблица 6

Номер фрагмента	1	2	3	4	5	6	7	8
Объём фрагмента (количество элементов деривации)	20	18	12	14	16	26	21	28
Средний объём деривационной области	14,0	16,8	11,0	12,6	14,9	25,0	19,9	27,2
Относительная величина деривации	0,70	0,93	0,92	0,90	0,93	0,96	0,95	0,97
Средний объём правого деривационного поля	3,3	5,5	1,7	2,5	2,7	7,7	1,7	3,0

Из таблицы видно, что наибольшим общим деривационным потенциалом обладают восьмой, шестой и седьмой фрагменты, а наименьшим – первый, четвёртый и третий фрагменты.

Увеличение общей вариативности к концу текста в процессе его репродуцирования имеет прежде всего антропологическую природу (оказывают влияние лимиты памяти, психофизиологические параметры утомляемости испытуемых, ограниченность имеющегося рече-языкового опыта). По той же причине первый фрагмент имеет самую низкую общую деривацию.

Выявление природы деривационных процессов предполагает изучение вопросов о том, за счёт чего, какими средствами и действиями репродуциентов достигается вариативность. Для поиска ответов на эти вопросы следует обратиться к показателям креативной деривации (последняя строка таблицы 6). Высокая общая деривация в 8-м фрагменте при низком показателе креативной деривации говорит о том, что общий объём деривационной области в данном фрагменте обеспечивается, в основном, большим количеством нерепродуцированных (невоспроизведённых) элементов левого деривационного поля (поля, составленного из элементов деривации ИТ). Другими словами, фрагмент либо сильно усечён с потерей смысла, либо вообще пропущен. Иная картина представлена в 6-м фрагменте. Здесь высокая общая деривация сопровождается высоким показателем креативной деривации. Можно предположить, что сравнительно большой креативный потенциал второго и шестого фрагментов ИТ объясняется тем, что действия, разворачиваемые в этих фрагментах, описаны более динамичными языковыми формами, привлекают внимание и порождают разнообразные рече-языковые реакции у авторов РТ.

Полноценное сравнение деривационного потенциала фрагментов исходного текста, кроме приведённого здесь численного анализа, должно содержать и лингвистический анализ. Это будет сделано в разделах 2.5 и 3.3. Таким образом, предлагаемая методика позволяет, изучая вариативность РТ, получать информацию о деривационном потенциале ИТ.

2.5 Качественный анализ деривационных преобразований

В предыдущих разделах качественные характеристики репродуцированных текстов лишь сопровождали, иллюстрировали содержательное наполнение количественно-статистических данных. Анализ фрагментов позволяет обобщить наблюдения, перейти к более системному качественному описанию материалов эксперимента.

2.5.1 Основные типы деривационных преобразований

В процессе предварительной обработки материалов эксперимента и далее, по ходу построения подробных карт деривационных областей репродуцированных текстов, выяснилось, что все наблюдаемые деривационные преобразования исходного текста можно свести к 5 основным типам:

1. **Упрощающие преобразования:** потеря эпизода, потеря эпитетов и других выразительных лексических средств, упрощение синтаксической конструкции. Упрощение может касаться как логических (смысловых) элементов, так и художественных элементов. В последнем случае упрощение не влияет на канву повествования, а лишь обедняет его в художественном плане.

К упрощающим изменениям может быть отнесено изменение залога: пассивный залог (свойственный книжно-письменной традиции) в РТ очень часто заменяется на активный (более распространённый в устно-обиходной речи). Например: *Корабли складывают туда письма* вместо *Сюда с мимо идущих кораблей бросаются письма*.

Другой вид упрощения связан с синтаксисом фрагмента. В подавляющем большинстве наблюдается замена достаточно сложных для воспроизведения конструкций с причастными и деепричастными оборотами на более простые, близкие к разговорным конструкции. Например: «*с мимо идущих кораблей...*» заменяется на «*корабли, которые проплывали по реке*» (РТ №48); «*корабль плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию*» заменяется: «*Если корабль плывёт в Австралию, то берёт австралийскую корреспонденцию*» (РТ №80); «*скрывая стволы мачт*» – «*мачты начали скрываться*».

2. **Разворачивающие преобразования** чаще всего связаны с процессом внутреннего перевода, когда автор РТ получил некоторые впечатления, ассоциации от чтения ИТ и пытается их передать более убедительно.

На этом пути появляются новые подробности как логического, так и художественного плана. Приведём примеры: *«И скоро от клипера осталась вдалеке только чёрная точка и белые паруса»* (РТ №7). *«Когда они отплывали от берега, они были похожи на насекомое, только с вёслами, которые отгребали всё дальше и дальше»* (РТ №9); *«И когда начинается остановка почтового корабля, все матросы бездельничают»* (РТ №23); *«Шесть человек в шлюпке подплыли к острову»* (РТ №26); *«В каждой стране своя бочка»* (РТ №52).

Имплицированный в ИТ эпизод со шлюпкой стал причиной разворачивающихся преобразований во многих РТ. Разворачивание его происходит во множестве вариантов: *Шлюпка начала отплывать; Шлюпка пришвартовалась к кораблю; Шлюпку подняли на корабль; На горизонте виднелась только точка от шлюпки; Лодка была похожа на маленькое черное пятно ; Они поплыли обратно* и т. д.

3. **Заместительные преобразования:** замены слов (синонимичные абсолютные и относительные), словосочетаний, синтаксических конструкций.

Подробно данный тип преобразований анализируется ниже, с помощью карт вариативных замен.

4. **Контаминация:** происходит смешение, «слипание» фрагментов текста в плане событийно-логического диктума, выраженное либо переносом признака предмета, явления из одного фрагмента в другой (так, например, *просмоленной* в некоторых РТ становится *бочка*, а не *брезент*; в *маленькое чёрное пятно* превратился корабль, а не шлюпка и т.п.), либо соединением частей разных фрагментов в некий новый фрагмент (*паруса-крылья* и др.). Во многих РТ трёхчастное описание клипера становится двучастным. Провоцирующим текстовым фактором в этом плане оказался частично имплицированный и «вкраплённый» в первое и второе описание корабля фрагмент со шлюпкой. Эта сюжетная часть текста, с одной стороны, своей динамичностью привлекла внимание авторов РТ, а с другой стороны, своим

необычным расположением (см. рисунок 1 в 1.3.1) и диктумным имплицативом побудила к контаминирующей репродукции.

Контаминацию следует отличать от упрощения. Упрощающие преобразования производятся на конкретном языковом пространстве и изменяется только оно. Контаминирующие языковые действия распространяются на несколько таких пространств, и даже после сжатия ощущаются следы присутствия сокращённого места. Следующий пример иллюстрирует контаминацию второго описания корабля и описания шлюпки: ...*(после описания действий младшего лейтенанта с письмами на берегу)* *Потом они отчалили. Чем дальше они отплывали, тем меньше они казались. Корабль стал похожим на птицу, у которой крылья застыли.* Кто отчалил, кто казался всё меньше – шлюпка или корабль? Местоимение *они* скрывает субъект действия. Можно подумать, что шлюпка – по тема-рематическому принципу построения последующего высказывания на основании предыдущего (связка *потом* усиливает апелляцию к предыдущему высказыванию). Однако последующее название субъекта *корабль* вполне определённо указывает, что это описание касается действий корабля. Параллельно в этом фрагменте (если считать его относящимся ко второму описанию клипера) произошла и упрощающая трансформация соответствующего места ИТ: механический пропуск 12-го и 13-го предложений и пропуск стилистически маркированной конструкции в конце 14-го предложения.

5. **Перестановки** связаны с изменением пространственно-временных составляющих диктумной семантики текста. Осуществляются эти преобразования как на уровне слов и словосочетаний, так и на уровне целых фрагментов. Метаморфозы эпизода со шлюпкой присутствуют и здесь. В некоторых РТ данный эпизод, привлекая своей динамичностью, и, возможно, приобретая при этом более высокий (по сравнению со статичным описанием клипера) диктумно-модусный статус, выносится на первое место: *Корабль остановился. Матрос, приплывший сюда на лодке с шестью гребцами,*

спрыгнул на берег, приоткрыл брезент, бросил пачку писем и, в свою очередь, забрал другой пакет с письмами. Клипер собирался, тащил канат, поросший мелкими ракушками тиной, водорослями. Матросы маялись от жары...(РТ №82). Другой пример иллюстрирует «перестановку», изменение позиции наблюдателя (по отношению к ИТ), актуализацию и языковую экспликацию её автором РТ № 46: *На корабле уже не было видно этой лодки, только видно чёрное пятно.*

Выделенные пять типов характеризуют качество деривационных отношений между ИТ и РТ. Природа их, как видно из рассмотренных примеров, имеет двойственный характер. С одной стороны, они «продиктованы» лингво-типологическими особенностями ИТ. С другой стороны, «несут отпечатки» интеллектуальной и языковой способностей авторов РТ.

2.5.2 Системно-текстовые и антропо-текстовые стимулы деривационных преобразований

Описание причин (стимулов, мотивов) деривационных преобразований, проведённое на материале репродуцированных текстов-изложений, опирается как на лингвоэстетический анализ ИТ, так и на общий обзор РТ, показавший наиболее распространённые языковые реакции репродуциентов. Выделены системно-текстовые и антропоцентрические стимулы деривационных преобразований. Напомним (см. 1.3), что наиболее актуальными оказались следующие **системно-текстовые** стимулы–обстоятельства.

1. Специфические особенности сюжетно-композиционной организации ИТ – контраст между статической и динамической частями текста, пространственные разрывы в пределах одного абзаца – затрудняют восприятие текста. Побуждают к поиску вариантов языковой экспликации для замеченного смыслового импликационала текста, вызывают стремление репродуциентов достроить текст до логического завершения (эпизод со шлюпкой), сделать перестановку эпизодов.

2. Динамика текста связана не только с незначительной по объёму сюжетной частью, но и с трёхчастным описанием корабля, имеющим свою динамику развития художественного образа. Для репродуциентов, не склонных к актуализации художественных элементов текста, данное обстоятельство становится языковым препятствием и порождает упрощающие и контаминирующие варианты преобразований текста.

3. Специфика лексико-семантического уровня текста характеризуется наличием большой группы специальной и тематической лексики, связанной с корабельным делом и с морем, а также маркированной лексики в ключе стилистически приподнятой тональности. Проявлением экстремальности ситуации воспроизведения подобной лексики стала зачёркнутая метаязыковая реплика девочки: «Я не помню, я не знаю это слово». Другой пример: слово *гребцы* в словосочетании *шлюпка с шестью гребцами* практически не

воспроизводится в РТ, оно имеет внутритекстовые замены (*матросы, матросы-гребцы, гребильщики* – РТ № 46) и затекстовые замены (*шлюпка с 12 человеками, шестиместная шлюпка*). Выходом–вариантом становится также употребление слова в новом значении, создание нового контекста. Яркий пример – РТ, в которых клипер – это человек (РТ № 50, 45).

4. Адекватный сюжетно-композиционной структуре синтаксический уровень текста наполнен усложняющими и «отяжеляющими» конструкциями, далёкими от привычных речевых конструкций. Естественные в этой связи реакции репродукентов связаны с упрощением конструкций (вплоть до механических сокращений), с разворачиванием собственных конструкций ассоциативно-смыслового плана, а также с контаминацией разнообъектных описаний.

5. Одной из глубинных причин деривации является внутренняя форма ИТ. Доминирование в ней мотива тяжести, уныния, усталости, побуждает некоторых репродукентов усиливать эти мотивы дополнительными диктумно-модусными средствами и прибегать к разного рода преобразованиям ИТ. «*С трудом рассекал руль воду...*» (сравни в исходном тексте: «*Судно тяжело поворачивалось, вспенивая рулём полдневную, бледную от жары синеву рейда*»).

Перейдём от системно-текстовых причин деривационных преобразований к **антропоцентрическим** причинам. Их список открыт в связи с недостаточной изученностью разнообразия комбинаций психо-языковых и языко-психологических реакций репродукентов на исходный текст. Впервые выделение языко-психологических и психо-языковых параметров лингвоперсонологических различий, релевантных для типологии языковой способности, предпринято профессором Н.Д.Голевым [2004а]. Некоторое развитие эта идея получила в работах его учеников [Голев, Бринёв, Киркинская, 2004; Волошко, Чернущенко, 2004].

1. Первой из антропоцентрических причин является наиболее сложная (для автора РТ) ситуация – необходимость соединения отдельных фактологических и эстетических впечатлений и созданных фрагментов в единое целое. Даже неосознанное стремление к целостности часто приводит к значительным деривационным изменениям. РТ № 92 даёт, например, персонифицированную связку между последним и предпоследним фрагментами: *«Постепенно вид клипера менялся»*. По форме и по семантике это предложение является формально-семантическим вариантом предложения-связки между двумя предыдущими фрагментами: *«Клипер преображался»*. Однако там, в начале 7-го фрагмента, эта связка не понадобилась автору данного РТ, и он перенёс её в изменённом виде в другой фрагмент своего текста. Добавил при этом наречие «постепенно», уточняющее временно-пространственную характеристику процесса, и заменил книжное «преображался» на более разговорное «менялся».

Автор РТ № 80 своё эстетическое впечатление об общем пространстве действия во 2 и 3 фрагментах оформил коротким нераспространённым предложением: *«Стояла жара»*.

2. Весьма распространённой причиной является попытка синтагматического распространения исходного слова, в результате чего в РТ появляются новые слова, новые связи между частями текста. Так, например, в РТ № 82 в первом же предложении, при описании места расположения бочки-почты, появляется слово *«остров»* (в словосочетании *«на берегу острова»*), которого нет в ИТ. В лингвоперсонологическом аспекте данный факт можно интерпретировать также как привычную актуализацию имплицитированного элемента семантического поля слова (*берег* чего ? *чей берег?*). Не случайно на этом же месте в других РТ возникают варианты словосочетаний: *«на берегу моря»*, *«на берегу реки»*.

Другой пример, иллюстрирующий эту причину, связан со зрительной ассоциацией-образом *«белые ссохшиеся паруса»* (РТ № 86). В исходном тексте

на этом месте нет цветовой дефиниции, но она присутствует ниже по тексту, причём в антонимической форме прилагательного («чёрное пятно»). Кульминацией языковой реакции на данный факт текста можно считать РТ № , в котором соединены в одном предложении антонимические цветковые дефиниции при описании удаляющегося корабля: «Чёрная точка и белые паруса». В некоторых РТ, в связи с указанной причиной, появляется эмотивный компонент высказывания: «Матросы чувствовали себя плохо из-за жары» (РТ № 89); «Моряки от жары неохотно работают». Сравни в исходном тексте: «Матросы, раскисшие от жары, вяло бродили...по палубе». Уместно заметить преобразование в некоторых РТ наречия *вяло* в прилагательное *вялые* и в глагол *вяли*, что иллюстрирует тенденцию перехода от менее частотной в разговорной практике репродуктивных части речи к более частотным.

3. Неполное понимание смысла текста, как в логическом, так и в художественном плане является ещё одной реальной причиной изменений ИТ. Оставшаяся в восприятии репродуктива невербальная информация (в виде ассоциаций, ощущений, впечатлений) может дезориентировать человека в общем пространстве текста, «перетянуть» на себя его внимание при восстановлении текста. Так возникают фактические ошибки. Ошибки пространственного ориентирования представлены многообразно в РТ – в частях, описывающих передвижение корабля и шлюпки, их расположение относительно друг друга и относительно берега. «Клипер подошёл к берегу» (РТ № 81). «Корабль поплыл, таща за собой якорь» (РТ № 90).

4. Неточное отражение в памяти прочитанного ИТ, когда какая-то часть текста неясно, «смутно» припоминается на фоне целого текста. Во время прочтения эта часть не была ясно понята (особенно в связи с другими частями), не осознана её роль в целом тексте. И тогда этот кусок текста совсем опускается, и репродуктивом не осознаётся возникшая смысловая, логическая, даже просто формальная, ритмическая текстовая лакуна. В случае же осознания (или ощущения) такой лакуны возникают попытки «залатать» её, заполнить

своим субъективно значимым и связанным с целым текстом фрагментом. На этом фоне возникают домысливания, «примысливания» основного текста. «Потом он вернулся в лодку, и они уплыли к кораблю...» (РТ № 91).

Список стимулов деривационной вариативности текстоцентрической и антропоцентрической природы может быть продолжен.

2.5.3 Опыт построения и анализа карт вариативных замен

Как отмечалось выше, наиболее распространёнными в материалах эксперимента являются заместительные преобразования ИТ, поэтому необходимо рассмотреть именно их подробнее. Первым шагом на этом пути является прописывание карт вариативности. Карта имеет форму таблицы с двумя столбцами. Для заполнения карты требуется сделать следующие шаги.

1) Определить, на какое именно языковое явление текста в данном фрагменте следует реакция репродуциента (левый столбец таблицы 7). Это могут быть элементы деривации либо их комбинации.

2) Для каждой позиции в левом столбце собрать воедино из всех РТ всё проявленное многообразие языковых реакций (поле вариативности), поместив все эти варианты в правом столбце.

При создании карты замен возникают трудности, в частности при соотнесении репродуцированного варианта с исходным. Поле вариативности может оказаться составленным, на первый взгляд, из разноуровневых языковых элементов и фактов. В приведённых ниже картах замен 2 и 7 фрагментов в левую половину карты вынесены последовательно в качестве наблюдаемых элементов деривации как однословные лексические элементы ИТ (*сюда, громоздкие*), так и межсловные единства, имеющие грамматические (семантико-грамматические) (*с мимо идущих кораблей бросаются письма*), синтаксические (*Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию; плывущий в Европу – европейскую*), модусно-стилистические (*Клипер преобразался*) и другие варианты замен. Эти варианты (правая половина карты вариативных замен) взяты из карт деривационных областей

каждого репродуцированного текста, однако они по-другому скомпонованы. Таким образом, здесь уместно ещё раз подчеркнуть относительность выделения элементов текстовой деривации. Определение элементов деривации зависит от цели наблюдения за текстами, а также от содержания языко-речевой материи репродуктивных вариантов (материал «ведёт за собой», предъявляя разнообразие психо-языковых реакций на исходный текст).

Построение карт вариативных замен проиллюстрируем примерами (см. также Приложение).

Таблица 7

Карта вариативных замен фрагмента № 2

Сюда	Туда, оттуда, отсюда, здесь. В бочку, в эту бочку, из этой бочки, к этой бочке, в неё, в эту почту.
с мимо идущих кораблей бросаются письма	... корабли, (все) путешественники, мореплаватели, люди <которые проплывают на кораблях>, <все скучающие по родным> матросы... оставляют, скидывают, кидают, бросали, берут, забирает, везёт, посылают, кладут, развозят, доставляют, опускали... письма <жителей>, корреспонденцию, <какую-то> информацию, конверты. По ней (бочке) передавалась почта. В ней лежат письма, чтобы потом за ними приплыл корабль и отвёз их в какую-нибудь страну.
попадающие во все концы света	привозят из..., отправляют в..., <письма> идут в..., попадают, уходили... разные страны света, во все страны мира, в разные точки света.
Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию, плывущий в Европу – европейскую.	... В Англию, в Голландию. Если ..., то ... Пойдёт..., заберёт..., найдёт..., заберёт ... Потом моряки развозят письма по Европе... Письма отвозят в Австралию, Европу и т. д. Клипер взял бочку и отправился в Европу. ... забирает, брали, берёт... письма, почту, письменность, корреспонденцию, декларацию.

Таблица 8

Карта вариативных замен фрагмента № 7

Клипер преобразался.	... был прекрасен; ожил; можно было увидеть во всей его красе; преобразовывался на глазах; удалялся вдаль; превращался в птицу.
От реи до реи,	Рей не было видно. От рейда до рейда. От бортика до бортика.
скрывая стволы мачт,	Мачты начали скрываться за громоздкими парусами. Подняли паруса и закрыли мачты, покрывая столбы мачт; поочерёдно скрывались мачты. Мачты были огромны. Он расправил мачты.
вздулись паруса	Открытые на нём паруса развевались. Паруса были расправлены. Его надувшиеся паруса. Поднимались паруса. Расправил паруса как крылья. Стали расправляться...; распустились паруса...; спустили...; подняли...; вскрылись...; возвышались...; раздувались.
Громоздкие	огромные...; тяжёлые...
Корабль стал похожим	Был похож на большую птицу, махающую над волнами крыльями. Становясь похожим... Казалось, что это какая-то птица, несущаяся над водой. Он казался птицей. Он был как птица, застывшая в воздухе. Берег был похож.
на птицу	Его парус напоминал крылья птицы. С парусами он был похож на прекрасную птицу. И они (паруса) теперь напоминали крылья птицы. ... на птицу, готовую взлететь; на насекомое, только с вёслами; на небесную птицу; застывшую в небе птицу; у которой застыли крылья.
с замершими в воздухе крыльями.	Птицы, застывшей в нетерпении и сдержанном ожидании полёта; ... на летящую птицу, застывшую в полёте; ... с распростёртыми крыльями-парусами, закрывшими стволы мачт; с раскрытыми крыльями; замёрзшие крылья; белые крылья; ... которая неподвижно расправила крылья; с машущими крыльями.
Весь напряжение и полёт.	Как будто сейчас поднимется в небо; ... птицу, летящую вдаль; ... сосредоточенной в полёте; весь – от взмаха до приземления; ... которая замерла в своём полёте.

Рассмотрим заместительные преобразования, представленные в карте вариативных замен 2-го фрагмента, имеющего, как было выяснено в разделе 2.4.2, высокий креативный деривационный потенциал. Важно понять и объяснить, какими языковыми параметрами ИТ обеспечивается этот потенциал. Вариативные ряды, будучи наполненными «живым» языковым материалом

эксперимента, служат в определённом смысле верификацией потенциальной вариативности исходного текста. Одновременно они характеризуют языковую способность автора-репродуциента. Наречие «сюда» заменяется другими наречиями («туда», «здесь»), существительными с предлогом или местоимением с предлогом («в бочку», «из этой бочки», «к этой бочке», «в неё»). Некоторые замены (*оттуда, отсюда, из этой бочки*) нарушают пространственно-смысловые отношения в исходном тексте. Автор РТ в этом случае создаёт новый контекст, описывающий действия только по перемещению писем из бочки, с игнорированием описания появления писем в самой бочке (*с мимо идущих кораблей*). Такого автора можно назвать «целевым логиком». Для него важна главная информационно-содержательная составляющая текста (прагматическая цель сообщения от автора к читателю) – рассылка писем из морской почты-бочки «во все концы света»; актуализация этой составляющей происходит с помощью замены соответствующего наречия места на антонимичное: *Отсюда все письма попадают во все концы света*. Можно, в принципе, назвать наречие «сюда» (для данного исходного текста) маркерным словом, которое «сигнализирует» (в ряду других пространственно-маркирующих слов) о способности репродуциента ориентироваться в локально-пространственных (на фоне общесмысловых) отношениях внутри текстовой материи. Среди РТ есть тексты, соединяющие в разворачивающемся преобразовании исходного текста различные наречия: *Мимо идущие корабли скидывают **туда** и забирают **оттуда** письма* (РТ № 85). *Сюда кидают письма мимо проплывающие корабли. **Отсюда** письма попадают в разные концы света* (РТ № 89). Авторы данных РТ предъявили способность к изложению последовательной, завершённой (полной) логики действий, сконструировали симметричную языковую конструкцию, проявив при этом креативный компонент языковой способности.

Следующий наблюдаемый элемент (*с мимо идущих кораблей бросаются письма*) во многих РТ претерпел трансформацию, связанную с заменой

пассивной синтаксической конструкции с глаголом страдательного залога на активную конструкцию с глаголом действительного залога. Такая замена требует указания на деятеля, и авторы репродуцированных текстов вводят новых действующих лиц: *мореплаватели, путешественники, все скучающие по родным матросы, корабли, люди*. Меняется при этом и форма сопровождающего глагола. Безобъектно-возвратный глагол *бросаются* (*письма*), имеющий формально безличное страдательное значение, приобретает личную форму и теряет свою возвратность: *оставляют, посылают, развозят, доставляют* и т.д. Промежуточный вариант замены отражён в следующем РТ (№ 10): *На берегу, почти у воды, в тени огромного дерева стояла бочка, которая не закрывалась, потому что в неё **складывали** письма со всех стран мира....* Деятель (субъект) здесь не указывается, как и в ИТ, но меняется возвратность глагола и его субъектно-объектные отношения с парным словом в словосочетании: существительное *письма* из субъекта действия, подлежащего, в ИТ (*Сюда с мимо идущих кораблей бросаются письма...*) становится объектом чьего-то действия, дополнением в РТ (*...складывали письма со всех стран мира...*).

Кроме центральной вариантной позиции, связанной с пассивной синтаксической конструкцией, для анализируемого межсловного единства в карте вариативных замен представлены варианты, связанные с заменами слова *письма*. В некоторых РТ это слово заменяется относительным синонимом *почта*, взятым из самого текста (назовём этот случай внутритекстовой заменой). Заметим попутно, что к внутритекстовым заменам склонны копиальные репродуциенты, для них такой способ работы по текстопостроению можно считать проявлением креативного языкового качества. В других РТ слово *письма* имеет замены словами, которых нет в исходном тексте: *письменность, декларации, информация* (назовём их затекстовыми заменами). Словообразовательный вариант *письменность* демонстрирует случай лексической внутритекстовой деривации, а два других являются проявлением

ассоциативно-смыслового опыта репродуциентов. Эти варианты замен – более свободные, ими пользуются языковые личности, имеющие в арсенале своей языковой способности опыт эстетического освоения действительности. Таким образом, на примере даже одной конструкции можно увидеть качество преобразовательного процесса и типы изменений исходного текста.

Действия репродуциентов с непонятными словами (текст насыщен специальной лексикой, на что было указано в лингвоэстетическом анализе ИТ) можно реконструировать, например, в 7 фрагменте, пользуясь представленной картой вариативных замен. Словосочетание «*от реи до реи*» заменяется созвучным «*от рейда до рейда*», понятной, менее специальной номинацией «*от бортика до бортика*», либо создаётся новый контекст и описывается «зрительная картина»: «*Рей не было видно*». Объяснима разная природа этих замен, идущая, как и в примере с *письмами*, от разных типов «опор» при репродуцировании текста – либо строго на имеющийся текст (внутритекстовая замена), либо на собственное ассоциативно-смысловое его восприятие (затекстовая замена). Слово *вздуться* в 7 фрагменте образное, редко используется, отсутствует в речевом опыте авторов РТ. Но смысл его и контекст, в котором оно используется в ИТ, репродуциенту понятен. Поэтому возникают более нейтральные, «стереотипные» замены: *стали расправляться, подняли паруса, расправил паруса как крылья*.

Подобным образом может быть продолжен анализ языкового материала в картах вариативных замен в ключе текстоцентрических и антропоцентрических интерпретаций. Полная картина такого анализа по всем фрагментам не является специальной задачей данного исследования, в основном направленного на разработку шагов самого метода и способов системно-функциональной и лингвоперсонологической интерпретации полученных результатов.

2.6 От деривационного варьирования фрагментов к деривационному варьированию текста

В предыдущих разделах были представлены количественные и качественные характеристики вариативности фрагментов РТ и потенциальной вариативности ИТ. Следующий шаг – анализ вариативности целых текстов.

Рассмотрим любой репродуцированный текст. Для каждого из его фрагментов уже подсчитаны объём деривационной области и объём креативного деривационного поля. Складывая эти числа по всем фрагментам, легко найти соответствующие параметры для всего данного РТ. Такая работа была проведена для всех репродуцированных текстов. Эти параметры содержатся в правом крайнем столбце сводной таблицы 3. Для наглядности рассмотрим распределение массива репродуцированных текстов по каждому из приведённых параметров. Как и выше, объём деривационной области измеряется количеством элементов деривации.

Таблица 9

Распределение РТ по величине деривационной области

Объём ДО	71-80	81-90	91-100	101-110	111-120	121-130	131-140	141-150	151-160	161-170	171-180
Число РТ	1	1	4	5	7	13	17	17	26	16	3
Номера РТ	25	83									4,14,64

Средняя величина деривационной области репродуцированных текстов – 142. В последней строке таблицы приведены номера РТ, имеющие экстремальные значения объёма ДО. В частности, РТ № 25, РТ № 83 являются наиболее копиальными текстами во всём массиве РТ.

Распределение РТ по величине правого деривационного поля

Объём правого деривационн ого поля	1-5	6-10	11- 15	16- 20	21- 25	26- 30	31- 35	36- 40	41- 45	46- 50	51-55
Число РТ	1	1	6	14	17	29	28	14	7	1	2
Номера РТ	35	103								36	51, 98

Средняя величина правого деривационного поля среди всех репродуцированных текстов равна 28,75. РТ № 51, 98, 36 являются наиболее креативными.

Анализируя эти таблицы, замечаем, что значительное число работ имеет достаточно большой объём общего деривационного поля. Во второй таблице, посвящённой правому полю деривационной области, основная масса работ сосредоточена в районе средних значений. Это можно объяснить тем, что во многих работах опущено большое число элементов деривации, а иногда целые фрагменты. Поэтому объём деривационной области создаётся не за счёт разворачивающих преобразований ИТ, а за счёт упрощающих.

Как и при анализе фрагментов, требуют специального внимания РТ, имеющие экстремальные значения показателей. В частности, представляет интерес сравнение результатов фрагментного и маркёрного анализа данных работ.

Чтобы понять, какими лингвистическими средствами обеспечиваются основные деривационные показатели РТ, рассмотрим в целостном виде один из репродуцированных текстов, имеющих показатель объёма деривационной области, близкий к среднему.

РТ № 43 (объём деривационной области 136, объём креативного поля 22,5):

На берегу, прямо у воды, стояла бочка. Она была незакрытая. В неё бросали письма все корабли проходящие мимо. Потом один из кораблей забирал почту.

Клиппер собирался к отплытию. Матросы сидели на палубе. Потом спустили шлюпку. Она подплыла к берегу, и забрала письма из бочки. В ответ бросив туда свою пачку писем. Через некоторое время Клиппер был уже далеко. С берега виднелся лишь силуэт корабля.

Для данного РТ характерен упрощающий смысловой тип преобразований исходного текста. Полностью потеряны (не воспроизведены) два фрагмента: четвёртый (*канат полз*) и седьмой (*корабль-птица*), сильно сжаты (сокращены) первый, третий, пятый и восьмой фрагменты. При этом сохранена общая диктумная семантика текста, связанная с информацией о бочке-почте и механизме её функционирования. Формально сохранены все макрофрагменты исходного текста, позволяющие ориентироваться в событийно-логической структуре текста.

Наблюдается эксплицирование сообщения о том, что шлюпка была спущена с клипера (в ИТ эта информация присутствует имплицитно). Актуализирована позиция наблюдателя с берега (в ИТ она также представлена имплицитно, в усложнённом для понимания варианте): *С берега виднелся лишь силуэт корабля.* Данный факт иллюстрирует хорошее ориентирование автора РТ в предметно-объектном и смысловом пространстве текста. В указанных двух случаях эксплицирования используется разворачивающий тип деривационных преобразований ИТ.

В анализируемом РТ наблюдается определённая формализация языковых конструкций и их упрощение. Упрощение синтаксических конструкций абсолютизируется в данном РТ: единственный деепричастный оборот, оставленный здесь, оформлен в качестве самостоятельного предложения: *В ответ бросив туда свою пачку писем.*

Заместительные преобразования представлены на семантико-грамматическом уровне текста, во фрагменте со шлюпкой. Участники действия (гребцы, младший лейтенант) замещаются обобщённым неодушевлённым деятелем – шлюпкой: *Потом спустили шлюпку: она подплыла к берегу и забрала письма из бочки.* Проследим за элементами деривационной области данного репродуцированного текста более подробно.

В первом фрагменте упрощающе-удаляющие преобразования коснулись незнакомого слова (деривационного элемента ИТ) *варингиновое*. За ним последовала цепочка удалений связанных с ним ещё трёх элементов деривации: *в тени, огромного, дерева*. Затем пропущенными стали ещё два элемента, оба прилагательных–определения бочки: *крепкая, дубовая*. Упрощающе-удаляющее преобразование связано также с дезактуализацией в РТ идеи «международности», «всемирности» бочки-почты. Эта идея присутствует в первом и втором фрагменте ИТ (*это международная почтовая станция; письма...во все концы света*). В анализируемом РТ эта идея последовательно удалена (утрачена) из обоих фрагментов.

В линию упрощающих заместительных преобразований включены синтаксические конструкции. Удалён причастный оборот: «...*бочка, плотно закрытая просмоленным брезентом*». В контаминации с предложением «*она не запирается*» следы удалённого оборота порождают одно простое предложение: «*Она была незакрытая*».

Упрощающее-обобщающее преобразование связано с обобщением идеи распространения писем из бочки. Вместо девятиэлементного предложения в исходном тексте, с примером, как происходит рассылка писем из бочки (*Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию; плывущий в Европу – европейскую.*) в анализируемом РТ появляется четырёхэлементное текстовое образование: *Потом один из кораблей забирал почту*. Можно в данном случае говорить и о формально-смысловой

контаминации с использованием речевого штампа, что также наблюдается во многих РТ.

Примеры комплексного анализа РТ, соединяющего метод фрагментов, метод маркёров, характеристику типов преобразований и позволяющего делать выводы о типе языковой способности авторов, приведены в разделе 3.3.

2.7 Выводы по второй главе

В главе 2 предлагается ещё один подход к изучению деривационной вариативности. Предметом наблюдения являются уже не трансформации точечных, локальных образований – маркёров, а вариативность на уровне текстовых фрагментов. Для теоретического обоснования метода проведено уточнение понятия «фрагмент» с лингвоперсонологической точки зрения. Фрагмент представляет собой структурную часть текста, выделяемую на основе его деривационных преобразований. Введены и подробно описаны и другие необходимые понятия: «элемент деривации», «деривационная область фрагмента», «креативное деривационное поле».

Предложен алгоритм, позволяющий каждому фрагменту репродуцированного текста сопоставить 2 числа, характеризующие его вариативность: объём деривационной области и объём креативного деривационного поля. Действие алгоритма основано на сравнении фрагмента РТ с соответствующим фрагментом ИТ. Алгоритм применён для изучения всего массива РТ, созданных в ходе эксперимента (120 текстов). Это позволило использовать статистические методы обработки полученных данных.

Интегральные данные, являющиеся результатом статистической обработки, дают возможность охарактеризовать потенциальную вариативность фрагментов исходного текста. Суммирование данных о фрагментах приводит к характеристике целого текста. Таким образом получена информация как о вариативности каждого из 120 РТ, так и о потенциальной вариативности ИТ.

Перечисленные результаты являются обоснованием положений об эффективности метода фрагментов при изучении текстовой деривации, о

возможности реконструкции потенциальной вариативности исходного текста. Решены основные задачи исследования: организация наблюдений за массивом РТ, построение карт деривационных областей РТ, создание методов квалитметрического анализа. Обозначены подходы и к решению задачи типологизации РТ.

В процессе наблюдений за вариативностью фрагментов определены и описаны основные типы деривационных преобразований: упрощение, развёртывание, замещение, контаминация, перестановка. Установлены также стимулы (причины) деривационных преобразований – как имеющие системно-текстовую природу (особенности сюжетно-композиционной организации, особенности динамики развития художественного образа, наличие специальной и тематической лексики и др.), так и антропоцентрического характера (стремление к целостности изложения, актуализация имплицированных элементов, неполное понимание текста, в частности, ошибки пространственного и временного ориентирования и др.).

Доказано влияние имплицированных элементов ИТ на процесс деривационной вариативности. Таким образом, обосновано положение о лингвистических и лингвоперсонологических причинах вариативности текстов и получены дополнительные подтверждения существования взаимодействия этих двух факторов. Получены результаты, ведущие к решению поставленных задач: поиск резервов вариативного текстопорождения, идентификация вариантообразующих свойств эксплицированных и имплицированных элементов текста.

мотрены в следующих главах.

ГЛАВА 3

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВАРИАТИВНОСТИ

РЕПРОДУЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ И «ПРОБЛЕМА ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПО ТЕКСТУ» (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

3.1 Параметры лингвоперсонологических различий антропотекстов и варианты языковой способности

Разработка языковой параметризации личности имеет как теоретическое значение, так и практическую направленность. Потребность в практической диагностике типа языковой личности существует в разных сферах жизнедеятельности, в первую очередь – в лингводидактике.

Интегрирующий потенциал лингвоперсонологической гипотезы языка, предложенной профессором Н.Д. Голевым, дает возможность выйти на собственно языковую параметризацию типов личности: «...системоцентристский и антропоцентристский подходы к языку не противостоят друг другу (и тем более не взаимоисключают друг друга), а, напротив, объединены в рамках единой объяснительной модели... Язык устроен так, а не иначе ещё и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности (носителей разных вариантов языковой способности) и по этой причине имеет на своих полюсах разные качества и свойства... Иными словами, в языке как системно-структурном образовании происходит своеобразная онтологизация различий психо-, социо-коммуникативных типов личности. Таким образом, многие языковые оппозиции и антиномии имеют среди прочих и лингвоперсонологическое объяснение» [Голев, 2004а: 4].

Под лингвоперсонологическим функционированием языка понимается такой тип функционирования, который обслуживает уровень языковой личности. В этой связи в языке складывается особая система значимостей, которая направлена на обслуживание функционирования языка в пространстве, образуемом разнообразными типами языковых личностей. Таким образом, лингвоперсонологический срез языковой системности и функциональности возникает из равнонаправленных детерминант – собственно языковой и

внеязыковой, связанной с разными аспектами индивидуального существования человека (социальным, психологическим, соционическим, гендерным и др.). В настоящей главе привлекается психолингвистическая составляющая лингвоперсонологической детерминанты языка. Этот факт и определяет выбор параметров лингвоперсонологического описания репродуцированных текстов, т.е. типологию антропотекстов. Эти параметры являются психо-языковыми категориями, пронизывающими весь язык и любой текст.

В исследованиях Н.Д. Голева предлагаются параметры описания антропотекстов [Голев, 2004а]. Как видно из контекста данного исследования, наиболее важными из них для рассматриваемого материала являются следующие: модус / диктум, форма / содержание, эксплицитное / имплицитное, производимость / воспроизводимость. Список параметров принципиально открыт, его наполнение происходит в процессе работы с разными типами антропотекстов. **Модус / диктум.** В заданном аспекте работы следует выделить субъективную и текстовую модальности. Под субъективной модальностью понимается отношение говорящего к содержанию высказывания, что проявляется в разных языковых формах выражения антропоцентричности. Текстовая модальность тесно связана с субъективной модальностью и проявляется в художественной логике текста, стиле, образных средствах и т. п. [Солганик, 1997]. Модальность может рассматриваться не только на общетекстовом уровне, но и на других (например, синтаксическом, лексическом) уровнях.

В настоящее время в теории текста широко распространено понятие диктумной семантики и деление её на событийную и логическую [см., например, Шмельёва, 1998]. Диктум также может рассматриваться не только на общетекстовом уровне.

Форма / содержание (семасиология / ономасиология). Различное отношение носителей языка к формальному и содержательному планам текста и его элементов влечёт за собой различные стратегии построения текста –

семасиологическую и ономасиологическую. При семасиологической модели автор обращает внимание на формальные, формально-семантические суппозиции, тогда как при ономасиологической модели построения текста для автора важен общий его смысл и семантические суппозиции. Некоторую аналогию составляет противопоставление номинативного и деривационного типов функционирования слова [Голев, 1989]. При этом для «семасиолога» внешняя и внутренняя формы текста и его отдельных компонентов предстают как значимые, как факт внутренней формы текста. Напротив, ономасиологически ориентированный автор не придает им значения, и внешняя / внутренняя форма остается на уровне внешней формы текста.

Эксплицитное / имплицитное. Здесь имеется в виду выраженность / невыраженность того или иного текстового явления. Этот параметр обсуждался и использовался в предыдущих главах.

Производимость / воспроизводимость. Данная оппозиция отражает способность авторов РТ к языковой деятельности, опирающейся на разные типы языковой памяти и эстетического внимания. Память «образа» сопровождается процедурой смыслового свёртывания текста и свободной языковой позицией человека при его воспроизводимом развёртывании. Автор РТ в этой позиции ориентируется на своё эстетическое впечатление от текста и доверяет ему, проявляя при этом «выводящие» (ср. «мнемические») и ассоциативные (ср. логико-аналитические) качества своей языковой способности. Доминирование «памяти факта» связано с развитой (воспитанной) у носителя языка способностью к «сканирующему» способу восприятия текста. Это проявляется в стремлении к мнемоническому копированию текста, часто прерываемому из-за потери слова, связки и т. п. Соответственно, собственное эстетическое впечатление оказывается невостребованным, ассоциативные и прогностические языковые качества остаются свёрнутыми.

Названные параметры относительно свободны (это не исключает их объективной связанности), и их возможные комбинации могут представлять лингвоперсонологический срез того или иного текста.

В главе 1 было показано, как можно анализировать репродуцированные тексты с помощью маркёров, какие лингво-деривационные и лингво-персонологические нюансы на разных языковых уровнях с учётом общетекстовых изменений могут быть зафиксированы при таком способе наблюдений за текстом. Что же даёт численное представление о вариативности репродуцированных текстов для их сравнения и типологии? Как можно использовать результаты подобного анализа для описания типов языковых личностей их авторов?

После заполнения таблицы трансформаций маркёров (см., например, таблицу 2) можно, суммируя числа в столбцах, найти важные числовые характеристики РТ: значимость присутствия, значимость изменений на внутреннем и внешнем планах (для каждого вида маркёров). Сравнение этих параметров для различных РТ позволяет выделить группы текстов, копирующих ИТ, развивающих и деформирующих ИТ, сделать выводы о типах языковой способности авторов РТ. Квалиметрический анализ позволяет выяснить, в какой степени изложение написано близко к тексту; почему одна работа кажется нам интересной, содержательной (креативной), а другая представляется ущербной – либо по форме, либо по содержанию. Оказывается возможным анализировать и более тонкие различия внешне близких текстов и, наконец, ответить на вопрос о причинах того, почему по одному и тому же исходному тексту разные люди пишут разные изложения.

Априори понятно, что из общего массива репродуцированных текстов часть текстов близка к исходному по многим параметрам, а имеющиеся изменения носят внешний характер, не затрагивают общесмыслового и художественного ядра текста. В других текстах общая логика сохранена, но заметно деформирована художественная ткань и, как следствие, –

художественная логика текста. В третьей группе текстов наблюдаются активные контекстные изменения исходного текста, вплоть до концептуальных искажений, «бессмыслиц» и «примысливаний». Каждой группе текстов соответствует определённый тип языковой деятельности и тип мышления автора. Авторы формально-копирующих текстов не наблюдают свои реакции на текст, не продуцируют нового понимания. Это *копиальный* тип языковой личности. Авторы, создающие новый текст с опорой на собственное восприятие, «внутреннее знание», проявляют *креативный* потенциал языковой способности. Преобладание образно-эмоционального способа мышления характеризует *художественный* тип языковой личности. В текстах этот тип выражает себя через внимание к эстетическим элементам формы и содержания. Преобладание понятийного способа мышления соответствует *логическому* типу языковой личности. Логический тип проявляет себя через внимание к логико-информационным элементам текста.

Названные типы текстов и языковых личностей дают лишь первые ориентиры для возможности лингвоперсонологической интерпретации результатов анализа репродуцированных текстов. В дальнейшем следует рассматривать и промежуточные варианты, например, через наблюдение преобразований текстов в оппозиции «глубинный / поверхностный».

Перечисленные крайние случаи «вычитываются» и без специального анализа. Квалиметрический анализ по предлагаемым методикам подтверждает наличие подобных групп репродуцированных текстов, хотя разброс числовых характеристик внутри этих групп весьма значительный. Наибольший лингвистический интерес представляют тексты, имеющие не столь ярко выраженные изменения ИТ, иногда трудно различимые, но ведущие к изменению некоторых оттенков смысла. Что именно, какие «подвижки» текста привели к такому результату? В этом случае существенно могут помочь числовые характеристики и их сравнительный анализ. Сравнивая тексты с близкими числовыми значениями одного и того же параметра (например,

«значимость присутствия» какого-либо маркёра), можно увидеть различия и проанализировать, что именно привело к этим различиям. Следует рассмотреть контекстное окружение маркёра и общетекстовые «следствия» наблюдаемых трансформаций (табличный параметр «оценка изменений на внутреннем плане»). Таким образом, числовые параметры позволяют выявить и проанализировать более тонкие лингвистические нюансы вариативности репродуцированных текстов.

3.2 Комплексное описание репродуцированных текстов

Проведём комплексное описание и сравнительный анализ группы репродуцированных текстов, полученных в ходе эксперимента. Используем результаты маркёрного и фрагментного анализа, а также психо-языковые параметры, рассмотренные в разделе 3.1.

РТ № 96

Почтовая служба

На берегу, почти у воды стоит засмоленная бочка, она всегда открыта. Это почтовый ящик. Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию, в Европу – европейскую.

Клипер приготовился к отплытию. Медленно, упорно трещал брашпиль, тяжело ворочаясь в железном песке. Канат (зачёркнуто: шёл из воды и тащил за собой водоросли), который вытягивали из воды, был покрыт водорослями и раковинами. Матросы, уставшие от (зачёркнуто: солн.) жары ходили по палубе. В это время, к берегу причалила шлюпка, с шестью гребцами. Младший лейтенант, кашляя выскочил на (зачёркнуто: палубу) песок, подошёл к бочке и вытащил почту.

Потом все уехали. И виднелись только маленькие чёрные точки, машущие вёслами.

Проведём анализ трансформаций маркёров.

Таблица 11

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	- 0,5	- 8	0	0
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
5	4	1	4	0	0	0	0
6	10	1	10	0	0	0	0
7	4	1	4	- 0,5	- 2	- 0,5	- 2
8	4	1	4	0	0	0	0
9	8	1	8	0	0	0	0
10	10	1	10	- 0,2	- 2	- 0,3	- 3
11	8	1	8	0	0	0	0
12	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,3	- 2,4
Сумма	100		84		- 20		- 11,4

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,3	- 1,8
2	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,3	- 1,8
3	10	0	0	- 0,5	- 5	- 0,5	- 5
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
5	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,1	- 0,6
6	8	1	8	- 0,3	- 2,4	- 0,1	- 0,8
7	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,3	- 1,8
8	8	1	8	- 0,1	- 0,8	0	0
9	6	1	6	- 0,1	- 0,6	0	0
10	12	0	0	- 0,5	- 6	- 0,5	- 6
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
12	16	0	0	- 0,5	- 8	- 0,5	- 8
Сумма	100		22		- 42,8		- 33,8

Оценка сохранения логических маркёров в данном РТ высока. Имеющиеся изменения носят в значительной мере внешний характер. Например, из таблицы видно, что изменения логического маркёра № 3 («почтовая станция» – «почтовый ящик») полностью относятся к внешнему плану текста, а на внутреннем плане это изменение не является значимым. Можно проанализировать причины изменений внутреннего плана. Среди логических маркёров наибольшую значимость имеет пропуск маркёра № 4 («с мимо идущих кораблей бросаются письма»). В данном РТ вообще не сказано, как письма попадают в бочку, утрачена идея обмена почты, поэтому пропуск

маркёра № 4 привёл не только к изменениям на внешнем плане (диктум событийный), но и к значительным изменениям на внутреннем плане текста (диктум логический). Из 12 художественных маркёров сохранены лишь три (№ 6, № 8, № 9), но также с отрицательными изменениями на внешнем и внутреннем планах текста. Остальные художественные маркёры пропущены, что привело к значительному обеднению художественной ткани текста. У автора данного РТ наблюдается формально логический подход к тексту, ослаблено внимание к его художественным составляющим.

Фрагментный анализ даёт следующие результаты. Общий объём деривационной области равен 125 (элементов деривации), в то время, как среднее значение этого параметра во всём массиве РТ равно 142. Объём креативного деривационного поля – 19,5 (среднее значение – 28,75). Таким образом, снижение вариативности достигается за счёт креативных элементов, значительная часть изменений связана с пропусками, носит ущербный характер.

Привлекая психоязыковые параметры, можно продолжить «портретирование». Перед нами семасиологический тип автора, работающего над формой текста (см. зачёркивания как графический знак этой деятельности). Заголовок недоминантный затекстовый, имеет оттенок бытового языкового штампа. Дополнительные свидетельства склонности автора к использованию языковых штампов: сужение функционального статуса бочки от «международной почтовой станции» до обычного «почтового ящика», а также сопровождение действий лейтенанта дополнительным «книжным» оттенком в слове *кашляя*.

Модальность ИТ в основном сохранена, за исключением устаревшей глагольной формы несовершенного вида *приготовлялся*; замена на близкую по звуковой оболочке форму совершенного вида *приготовился* внесла лёгкий диссонанс на внутреннем уровне текстовой модальности, «всколыхнув» модус прошлого в настоящем времени (на фоне остальных глаголов несовершенного

вида, иллюстрирующих картину протекающих синхронно с моментом наблюдения и описания действий по подготовке корабля к отплытию). Другими словами, слегка нарушается модальность наблюдателя, как бы присутствующего в данный момент на корабле.

Усечение логического диктума в пропозиции «история почты» связана с опущением указания на источник появления писем в бочке – через проплывающие мимо корабли. Поэтому пример «забирания» почты как бы провисает в контексте абзаца. Кроме того, в эпизоде с лейтенантом симметрично отсутствует действие выкладывания почты с корабля в бочку (почта опять только забирается), что деформирует, усекает пропозицию «обмен почты».

Сбои в логическом диктуме имеются в последнем абзаце, что является также результатом семасиологической переработки ИТ. Здесь же – ещё одно лингвистическое свидетельство этого факта: *маленькие чёрные точки* согласуются автором РТ с местоимением «все» на уровне внешней формы, а в плане логического диктума здесь возникает разрушение. Диктумно-имплицитный, модусно-эксплицитный тип.

РТ № 74

На берегу, почти у воды, в тени огромного дерева стояла бочка, накрытая брезентом. Сюда опускали письма с разных концов света.

Клипер недалеко от берега готовился к отплытию. Матросы ходили по палубе и готовили корабль. Лодка с шестью людьми. Лейтенант корабля опустил в бочку несколько писем и пакетов и вернулся на лодку. Клипер дал ход и отплыл

Таблица 12

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	- 0,1	- 1,6	0	0
4	8	1	8	- 0,2	- 1,6	- 0,1	- 0,8

5	4	0	0	- 0,5	- 2	- 0,2	- 0,8
6	10	1	10	0,3	3	0	0
7	4	0	0	- 0,5	- 2	- 0,3	- 1,2
8	4	1	4	0	0	0	0
9	8	1	8	- 0,3	- 2,4	- 0,3	- 2,4
10	10	1	10	- 0,1	- 1	- 0,4	- 4
11	8	1	8	0	0	0	0
12	8	1	8	0	0	0	0
Сумма	100		92		- 7,6		- 9,2

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,2	- 1,2
3	10	1	10	- 0,1	- 1	- 0,1	- 1
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
5	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
6	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
7	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
8	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
9	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
10	12	0	0	- 0,5	- 6	- 0,5	- 6
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
12	16	0	0	- 0,5	- 8	- 0,5	- 8
Сумма	100		16		- 43		- 41,2

В данном РТ обращает на себя внимание большой разброс в оценке присутствия логических и художественных маркёров. Очень высокий уровень сохранения логических маркёров и очень низкий – художественных. Сохранено только два художественных маркёра (№ 1 и № 3). Можно считать этот факт следствием позиционного расположения этих маркёров в тексте, в самом начале его, в первом абзаце, а также результатом копиальной установки в деятельности автора РТ. Заметим попутно, что во многих РТ данные маркёры отсутствуют, несмотря на их инициальное положение в тексте. Пропуск дополнительных, «разъясняющих», с малым весом логических маркёров № 5 и № 7 указывает на отсутствие детализирующего диктумно-логического фона РТ. Можно назвать подобный тип РТ копиально-логическим, недетализирующим.

Текст построен на основе информационной составляющей исходного текста, художественная же составляющая практически не оставила следов в данном репродуцированном тексте. Информационная составляющая также претерпела изменения на внешнем и внутреннем планах текста.

Изменена текстовая модальность: в плане субъективной модальности появился пересказчик, дистанцирующийся «хронотопно» от передаваемой информации (см. подобное в РТ № 19). Пересказчик перенёс себя в настоящее время, автосемантически придав описываемым событиям неизменяемый статус прошедшего времени (сохранив при этом в нужном месте значимую на уровне внутренней художественной формы оппозицию завершённого / незавершённого действия). Что касается пространственной характеристики хронотопа пересказчика, здесь тоже есть изменения внешнего и внутреннего плана. Во-первых, кардинально усечена художественно-информационная идея первого абзаца, связанная с историей морской почты: опущено описание «механизма» передачи почты через разные корабли, нет подтверждения примером, и таким образом сужено художественное пространство текста.

Неактуализированная сразу в первом абзаце идея (пропозиция) обмена почты (с одних кораблей бросаются письма – другими забираются), она также усечена и в эпизоде с лейтенантом, опускающим письма в бочку и ничего оттуда не берущим (нет обмена). Здесь же есть добавление к исходному тексту, в виде нового термина «патент» – будем считать это затекстовой реакцией автора РТ на терминологическую лексику ИТ.

Опущены все контекстные метафоры, более того – усечена метафора «бочка – почтовая станция», обслуживающая логический диктум, до стандартного определения «почтовая бочка». Эксплицирован эпизод с возвращением лодки на корабль.

Фрагментный анализ подтверждает установку (развитую способность) автора РТ к копиальному способу воспроизведения текста, с потерей части текстовых элементов. Причём это явление наблюдается равномерно по всем фрагментам текста. Обращают внимание фрагменты 4 и 7, где общий показатель деривационной области (ДО) выше, чем средний по всему массиву РТ, а правое креативное поле равно нулю. Это означает, что оба указанных фрагмента полностью отсутствуют. Остальные фрагменты ИТ также упрощены,

что отражено в увеличении ДО и уменьшении креативного поля деривации. Таким образом проявляется ономаσιологический тип вторичного текстопроизводства. ДиктуДиктумно-эксплицитный, модусно-имплицитный тип преобразований исходного текста.

РТ № 35

Путь писем

На берегу, почти у воды в тени у дерева стоит бочка хорошо и плотно закрытая просмоленным брезентом. Это международная почтовая станция. Сюда сбрасывают письма во все концы света. Корабль, плывущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию, в Европу – европейскую.

Клипер приготавлился к отплытию. Медленно, упорно трещал брушпиль ворочаясь в железном гнезде. Канат полз из воды с якорем, сплошь облепленный тиной и водорослями. Матросы вяло бродили по палубе закрепляя фалы. В это время к берегу причалила шлюпка с шести гребцами, и младший лейтенант Клипера (заглавная буква – у автора РТ), выскочив на песок подошёл к бочке. Лейтенант сбросил пачку писем.

Бушприт Клипера чертил круг с запада на юго-восток.

Таблица 13

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	0	0	0	0
4	8	1	8	- 0,1	- 0,8	- 0,2	- 1,6
5	4	1	4	0	0	0	0
6	10	1	10	0	0	0	0
7	4	1	4	0	0	0	0
8	4	1	4	0	0	0	0
9	8	1	8	0	0	0	0
10	10	1	10	0	0	0	0
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
12	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
Сумма	100		84		- 8,8		- 9,6

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,2	- 1,2
2	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,1	- 0,6
3	10	1	10	0	0	0	0
4	8	1	8	0	0	0	0
5	6	1	6	0	0	0	0
6	8	1	8	- 0,5	- 4	0	0
7	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,1	- 0,6
8	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,2	- 1,6
9	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,2	- 1,2
10	12	0	0	- 0,5	- 6	- 0,5	- 6
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,3	- 2,4
12	16	0	0	- 0,5	- 8	- 0,5	- 8
Сумма	100		32		- 38		- 21,6

Данный РТ характеризуется достаточно высокой сохранностью логических маркёров и низкой сохранностью и деформирующими изменениями художественных маркёров. В этом отношении текст похож на РТ № 96, однако более копиален в логическом плане (меньше изменений на внешнем плане текста). Отрицательная оценка способности к восприятию художественных составляющих текста, данная автору РТ № 96, здесь должна быть немного смягчена.

Фрагментный анализ позволяет увидеть значительные различия между этими текстами. Для РТ № 35 характерна низкая ДО (94 при среднем показателе 142) и практически нулевой объём креативного поля деривации (по сравнению с РТ № 96, где это поле значительно больше среднего). Если учесть, что большая часть объёма ДО достигнута за счёт пропуска последних трёх фрагментов, то ясно, что первые пять фрагментов имеют незначительные деривационные изменения. Работа копиальная. Это подчёркивается также тем обстоятельством, что данный РТ № 35 имеет самый низкий показатель креативного поля во всём массиве РТ. Итак, РТ № 35 и РТ № 96, близкие с точки зрения маркёрного анализа, оказались очень разными по результатам фрагментного анализа.

Текст, видимо, не закончен. Сохранена текстовая модальность ИТ, включая все временные и видовые переходы глагольных форм. Ощущение практически полного дубликата, вплоть до сохранения авторской глагольной формы «приготовлялся» и нескольких морских терминов (есть замена одного из них по звуковой аналогии). Вкрапление субъективной модальности через оценочную лексику (*хорошо* закрытая). Клипер в одном случае в середине предложения написан с прописной буквы, возможно, это описка, так как в другом предложении в той же позиции – со строчной буквы. Замена пассивной конструкции на активную в третьем предложении и стилистическая деформация этого предложения из-за механического пропуска причастия «попадающие». Здесь, видимо, произошло усечение пропозиции направленности действия, неосознанно, на уровне внешней формы (внешнее имплицирование). Аналогичное усечение – в последнем предложении второго абзаца, с пропуском повторной номинации бочки и указания ещё одного действия лейтенанта, связанного с реализацией идеи «обмен почты». Указанные пропуски ослабили логическую составляющую диктумной семантики текста. Заголовок внетекстовый, метафорического типа. Диктумно-имплицитный, модусно-нейтральный эксплицитный тип преобразований.

РТ № 82

Морская международная почта

На берегу острова стоит большая бочка, крепкая, просмоленная, но не закрыта: это и есть международная морская почта. Корабли идущие мимо останавливаются, оставляют и забирают письма. Кто плывёт в Австралию – забирает австралийскую корреспонденцию, кто в Европу – европейскую.

Корабль остановился. Матрос приплывший сюда на лодке с шестью гребцами спрыгнул на берег, приоткрыл брезент, бросил пачку писем и в свою очередь забрал другой пакет с письмами. Клипер собирался, таща канат, поросший мелкими ракушками и тиной, водорослями. Матросы маялись от жары, кто-то распутывал ссохшиеся паруса, кто-то сидел на рее. Клипер

удалялся. От реи до реи, он стал похож на птицу с замершими крыльями. На человека который отвернулся от своего ночлега.

Таблица 14

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0,5	3	0,5	3
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	0,3	4,8	0,3	4,8
4	8	1	8	0,4	3,2	0,4	3,2
5	4	1	4	0	0	0	0
6	10	0,5	5	- 0,2	- 2	- 0,2	- 2
7	4	0,5	2	- 0,2	- 0,8	- 0,2	- 0,8
8	4	1	4	0	0	0	0
9	8	0,5	4	0,3	2,4	0,3	2,4
10	10	1	10	0	0	0	0
11	8	0	0	- 0,2	- 1,6	- 0,2	- 1,6
12	8	0	0	- 0,2	- 1,6	- 0,2	- 1,6
Сумма	100		74		7,4		7,4

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0,5	3	- 0,1	- 0,6	- 0,2	- 1,2
2	6	0,5	3	0,3	1,8	0,3	1,8
3	10	0	0	0	0	0	0
4	8	1	8	0,1	0,8	0,1	0,8
5	6	1	6	0,2	1,2	0,2	1,2
6	8	0,5	4	0,3	2,4	0,3	2,4
7	6	1	6	0	0	0	0
8	8	0	0	0	0	0	0
9	6	0	0	0	0	0	0
10	12	1	12	0	0	0	0
11	8	0	0	0,1	0,8	0,1	0,8
12	16	1	16	0	0	0	0
Сумма	100		58		6,4		5,8

По сохранности как логических, так и художественных маркёров текст близок к РТ № 94. Однако имеющиеся изменения резко отличают эти тексты. Если в РТ № 94 все оценки изменений отрицательны (что свидетельствует об ущербности трансформаций и «обеднении» ИТ), то в данном РТ оценки изменений положительные, что говорит о непротиворечащих, развивающих ИТ преобразованиях. Имеющиеся положительные оценки изменений маркёров на обоих планах текста отличают этот РТ не только от РТ № 94, но и выделяют его во всём массиве текстов эксперимента. Автор текста гармонично креативный

языковой тип, сочетающий креативную способность к восприятию и воспроизведению как логических, так и художественных составляющих текста.

Фрагментный анализ подтверждает результаты маркёрного анализа. Показатель объёма креативного поля практически во всех фрагментах (в 7 из 8) выше среднего. Это говорит о том, что изменения креативного характера есть по всему тексту. Показатели ДО близки к средним показателям по массиву РТ.

С точки зрения психо-языковых параметров можно отнести данный РТ к ономасиологическому, диктумно-эксплицитному, модусно-имплицитному типу преобразований исходного текста.

РТ № 81

Почтовая станция

На берегу, почти у воды в тени огромного варингинового дерева стоит дубовая бочка накрытая просмоленным брезентом. Это международная почтовая станция. Проходящие мимо корабли забирают её. Европейские корабли забирают европейскую корреспонденцию. Английские корабли забирают английскую корреспонденцию.

Клипер подошёл к берегу. В то же время к берегу причалила лодка. В лодке сидели шесть моряков. Вышли на берег, сняли брезент и достали несколько пакетов с корреспонденцией.

Клипер подготавливался к отплытию. Вращался брашпиль с привязанным к нему канатом, поднимавший многокилограммовый якорь, покрытый илом, водорослями и раковинами. Моряки шатались по просмоленным палубам. Было жарко. Спускались ссохшиеся паруса на реях, и вскоре их совсем не было видно.

Клипер поплыл и вскоре исчез с горизонта.

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	0	0	0	0
4	8	1	8	0,5	4	0,3	2,4
5	4	1	4	0	0	- 0,1	- 0,4
6	10	1	10	0	0	0	6
7	4	1	4	0,1	0,4	- 0,1	- 0,4
8	4	1	4	0,1	0,4	0	0
9	8	1	8	0,1	0,8	- 0,1	- 0,8
10	10	1	10	0,1	4	- 0,1	- 1
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 1	- 0,8
12	8	1	8	0,1	0,8	0	0
Сумма	100		92		3,4		- 1

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	6	1	6	0	0	0	0
3	10	0	0	- 0,5	- 5	- 0,5	- 5
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
5	6	1	6	0,3	1,8	0,1	0,6
6	8	1	8	0,3	2,4	0,3	2,4
7	6	1	6	0	0	0	0
8	8	0	0	- 0,1	- 0,8	- 0,5	- 4
9	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
10	12	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
12	16	0	0	- 0,5	- 8	- 0,5	- 8
Сумма			32		- 23,4		- 28

Из таблицы видна очень высокая сохранность логических маркёров (92), а имеющиеся их изменения практически мало значимы, особенно на внутреннем плане текста. Поэтому данный РТ может быть отнесён к копиальным логическим текстам. Другая картина складывается при наблюдении художественных маркёров. Здесь сохранность довольно низкая (32). В результате произошли значительные «отрицательные» изменения художественного плана текста, художественные образы сильно пострадали.

Перестановка (продвижение выше по массиву текста) эпизода со шлюпкой-лодкой в сочетании с изменением действий корабля ведёт к диктумным изменениям текста на внешнем уровне содержания.

Перестановка-присваивание (внутритекстовая идентификация) непонятным словам признаков означаемого, через включение в новый контекст (пример с брашпилем).

Переход на несовершенный глагольный вид в эпизоде с описанием клипера соответствует текстовой модальности ИТ.

Не воспроизводится ни одно сравнение-метафора (раскисшие от жары матросы, корабль-птица и корабль-человек). Вероятно, они не являются для автора РТ принадлежностью внутренней формы текста.

Введена личная детерминация – *многокилограммовый* (якорь), которую можно рассматривать как элемент вариативной модификации текста. «Английские» (корабли и корреспонденция) также является вариантной подстановкой.

С точки зрения фрагментного анализа РТ № 81 и РТ № 82 отличаются лишь двумя фрагментами. В РТ № 81 первый фрагмент более копиален, а второй фрагмент более креативен. В РТ № 82 – наоборот, больше развёрнут первый фрагмент. По таблице 3 («Общая и креативная деривация фрагментов РТ») видно, что РТ № 81 входит в десятку самых креативных работ по массиву РТ.

Заголовок доминантный текстовый. В итоге можно сделать вывод о диктумно- и модусно-эксплицитном типе преобразований ИТ.

РТ № 25

Клипер

На берегу в тени огромного варингинового дерева, стоит крепкая дубовая бочка, плотно закрытая просмоленным брезентом. Она не запирается; это международная почтовая станция. Сюда с мимо идущих кораблей бросают письма, попадающие во все концы света. Корабль плывущий в Австралию, забирает австралийскую почту, плывущий в Европу – европейскую.

Клипер приготавливался к отплытию. Медленно, упорно трещал брашпиль, тяжело ворочаясь в железном гнезде. Канат вытаскивали из воды и тащил за собой якорь весь в тине, водорослях и ракушках. Матросы уставшие от жары ходили по горячей палубе, закрепляя фалы. В это время к берегу причалила шлюпка с шестью гребцами из неё вылез капитан. Откинув брезент он вытащил несколько пакетов и бросил пачку писем. Потом шлюпка уплыла и скоро превратилась в маленькое пятнышко. Клипер преобразался. От реи до реи возвышались паруса. Корабль был похож на птицу замершую в небе.

Бушприт клипера медленно чертил полукруг. Теперь в лучах солнца оно было похоже на человека. Клипер набрал ход.

Таблица 16

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0,5	3	- 0,2	- 1,2	- 0,1	- 0,6
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	0	0	0	0
4	8	1	8	0,2	1,6	0	0
5	4	1	4	0,1	0,4	0	0
6	10	1	10	0,1	1	0	0
7	4	1	4	- 0,2	- 0,8	- 0,1	- 0,4
8	4	0,5	2	- 0,2	- 0,8	- 0,2	- 0,8
9	8	1	8	0	0	0	0
10	10	1	10	0,1	1	0	0
11	8	1	8	0,1	0,8	0	0
12	8	1	8	0,2	1,6	0,2	1,6
Сумма	100		95		3,6		- 0,2

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	6	1	6	0	0	0	0
3	10	1	10	0	0	0	0
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
5	6	1	6	- 0,2	- 1,2	0	0
6	8	1	8	- 0,2	- 1,6	- 0,1	- 0,8
7	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
8	8	1	8	0,1	0,8	0,2	1,6
9	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
10	12	1	12	0,2	2,4	0,2	2,4
11	8	0,5	4	- 0,2	- 1,6	- 0,3	- 2,4
12	16	1	16	- 0,2	- 3,2	- 0,1	- 1,8
Сумма	100		76		- 14,4		- 10,8

Здесь самая высокая из серии рассматриваемых РТ сохранность логических маркёров (95). В этом плане данный РТ похож на РТ № 81, но изменений на внутреннем плане текста меньше. На внешнем плане положительные изменения связаны с тем, что логические маркёры представлены в формах, развивающих в небольшой степени внешний план ИТ. Кроме того, в отличие от всех рассматриваемых РТ, здесь видна высокая степень сохранности и художественных маркёров (76). Практически все отрицательные их изменения связаны с пропуском. Имеются положительные, индивидуально развивающие текст изменения для двух художественных маркёров № 8 и № 10. Данный РТ можно назвать копиальным, с элементами креативности. Автор его обладает хорошей способностью воспринимать и воспроизводить текст.

Фрагментный анализ подтверждает выводы маркёрного анализа. Наблюдается самый низкий показатель объёма ДО среди 120 РТ (см. табл. 3), что свидетельствует о копиальном характере текста. При этом показатели креативного поля – выше среднего. Заголовок нейтральный текстовый. Опираясь на психо-языковые параметры, можно говорить о семасиологическом, диктумно- и модусно-эксплицитном типе преобразований текста.

РТ № 51

На берегу почти у самой воды, под деревом, стоит дубовая бочка. Она не закрыта, а всего лишь накрыта просмоленным брезентом. Это международная почта. В эту почту, проплывающий мимо корабль скидывает свои письма и забирает почту. Например проплывающий австралийский корабль забирает свою декларацию.

Около этого берега, на котором находится бочка стоял клипер. Матросы были утомлены жарой, ссохшиеся паруса висели неподвижно. В это время к бочке подплывала шлюпка, на ней находился лейтинант и пара матросов, лейтинант достал папку для своей страны, и между тем кинул

пачку писем. Вскоре эта шлюпка подплыла к кораблю. Матросы вытащили якорь, к канату которого прилипло множество водорослей. Вскоре корабль стал удаляться от берега. Издалека его парус напоминал крылья птицы, и были видны машущие в воздухе вёсла. Затем он напоминал фигуру человека, а вскоре совсем исчез.

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0,2	1,2	0,3	1,8
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	- 0,1	- 1,6	0	0
4	8	1	8	- 0,1	- 0,8	0,1	0,8
5	4	1	4	- 0,3	- 1,2	- 0,2	- 0,8
6	10	0,5	5	0,2	2	0,2	2
7	4	0,5	2	0,2	0,8	0,3	1,2
8	4	0,5	2	- 0,2	- 0,8	- 0,2	- 0,8
9	8	1	8	0,2	1,6	0,1	0,8
10	10	1	10	0,2	2	0,2	2
11	8	0,5	4	0,1	0,8	- 0,1	- 0,8
12	8	0,5	4	- 0,3	- 2,4	- 0,1	- 0,8
Сумма	100		83		1,6		5,4

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
2	6	1	6	0,3	1,8	0,3	1,8
3	10	0	0	- 0,5	- 5	- 0,5	- 5
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
5	6	0,5	3	- 0,1	- 0,6	- 0,1	- 0,6
6	8	1	8	0,2	1,6	0,3	2,4
7	6	1	6	0,3	1,8	0,4	2,4
8	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,2	- 1,6
9	6	0,5	3	- 0,2	- 1,2	- 0,3	- 1,8
10	12	1	12	0,3	3,6	0,4	4,8
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 0,5	- 4
12	16	1	16	0,1	1,6	0,2	3,2
Сумма	100		54		- 11,4		- 5,4

Сохранность логических и художественных маркёров средняя, ниже, чем в предыдущей работе. Изменения для логических маркёров – положительные, развивающие внешний и внутренний план текста. Изменения художественных маркёров – отрицательные, но небольшие по абсолютным значениям. Это связано с их пропуском. Сохранённые художественные маркёры имеют положительные числовые оценки изменений, то есть происходит развитие, уточнение, детализация художественного плана исходного текста. Автор РТ в этом случае «говорит по-своему» и без ощутимого диссонанса с ИТ.

Фрагментный анализ позволяет выделить данный РТ как самый креативный текст во всём массиве РТ. Показатель объёма креативного поля равен 53,5 (для сравнения: в РТ № 35 этот показатель равен 3,5). Данная ситуация креативного репродуцирования распределяется равномерно по всем фрагментам текста, особенно выделяются фрагменты 2, 6, 7.

Автор данного РТ обращает внимание на форму текста, преобразует её по семасиологическому типу, на фоне эксплицитных диктумно-модусных преобразований текста. Графический облик текста укрупняется, он представлен всего лишь двумя абзацами: первый – вводно-информационный, второй – сюжетно-описательный.

РТ № 24

Клипер

На берегу, почти у воды, в тени огромного дерева стоит бочка. Эта бочка всемирная почта. Сюда бросают письма и судна забирают австралийскую корреспонденцию – в Австралию, а европейскую – в Европу.

Клипер приготовлялся к отплытию. Медленно тащился канат с якорем облепленный разнообразными водорослями, тиной, раковинами. Матросы, раскисшие от жары вяло ходили накалённой смоле палубы. Всё трещало, гремело, и матросы распускали уже ссохшиеся паруса. Вдруг к судну причалила маленькая лодка с шестью гребцами, и младший лейтенант приплыл к берегу и бросил пакет с письмами в вышеупомянутую бочку всего мира. Лейтенант вернулся на судно и корабль отплыл... Корабль казался замершей птицей сосредоточенной в полёте.

Корабль чертил полукруг с запада на юго-восток. Судно тяжело шло вспенило повседневную воду. Пеннистая линия тянулась за судном. Теперь судно казалось человека отвернувшегося от ночлега. Клипер взял ход...

№ Маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	1	16	0,2	3,2	0,3	4,8
4	8	1	8	- 0,1	- 0,8	- 0,2	- 1,6
5	4	1	4	- 0,1	- 0,4	- 0,1	- 0,4
6	10	1	10	0	0	0	0
7	4	1	4	0,2	0,8	0,3	1,2
8	4	1	4	- 0,1	- 0,4	0	0
9	8	0,5	4	- 0,1	- 0,8	0,2	1,6
10	10	1	10	- 0,2	- 2	0- 0,1	- 1
11	8	0,5	4	- 0,2	- 1,6	- 0,1	- 0,8
12	8	1	8	0	0	0	0
Сумма	100		92		- 2		3,8

№ Маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
3	10	0	0	- 0,5	- 5	- 0,5	- 5
4	8	1	8	0,3	2,4	0,3	2,4
5	6	1	6	0,2	1,2	0,2	1,2
6	8	1	8	0	0	0	0
7	6	1	6	0,1	0,6	0,1	0,6
8	8	0	0	- 0,4	- 3,2	- 0,4	- 3,2
9	6	0	0	- 0,4	- 2,4	- 0,4	- 2,4
10	12	1	12	0,4	4,8	0,4	4,8
11	8	1	8	0,1	0,8	0,1	0,8
12	16	1	16	- 0,1	- 1,6	0	0
Сумма	100		70		- 5,4		- 3,8

Сохранность обоих типов маркёров высокая. Изменения небольшие, есть положительные изменения на внутреннем плане текста. Отрицательные оценки художественных маркёров связаны с потерей четырёх маркёров, а имеющиеся художественные маркёры употреблены в изменённых, но не противоречащих ИТ формах. Автор продемонстрировал копиальные действия с ИТ, проявив при этом креативный потенциал языковой способности.

Фрагментный анализ даёт в распоряжение исследователя факт довольно высокого показателя креативного поля работы (34,5 при среднем показателе 28) и ниже среднего показателя общего объёма деривационной области (130 при среднем показателе 142). Наибольшую степень креативной вариативности в данном РТ показывает шестой фрагмент исходного текста, что является общей

закономерностью проявления вариативного потенциала текста, замеченного при общем фрагментном анализе РТ.

Характеризуя данный РТ с точки зрения психо-языковых параметров, можно говорить о семасиологическом, диктумно- и модусно-эксплицитном типе преобразований исходного текста.

РТ № 19

Корреспонденция на весь свет

В тени огромного дерева стояла бочка покрытая брезентом. В эту бочку с мимо идущих кораблей бросали письма, которые попадали в разные концы света. Корабль идущий в Австралию, забирает австралийскую корреспонденцию, в Европу – европейскую.

Корабль готовился к отплытию. Канат поднял якорь. К берегу подошла шлюпка с шестью гребцами. Младший лейтенант откинув брезент взял мешок с письмами, и в свою очередь (здесь, видимо, механический пропуск глагола – Т.К.) пачку своих писем.

Вскоре все уехали и видно было только маленькие вёсла. Вскрылись огромные паруса.

Судно тяжело поворачивалось. И теперь корабль был похож на человека повернувшегося от своего ночлега и уходящего в даль. Клипер взял ход...

Таблица 19

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	0	0	- 0,5	- 8	- 0,1	- 1,6
4	8	1	8	0	0	0	0
5	4	1	4	0	0	0	0
6	10	1	10	0	0	0	0
7	4	1	4	0	0	0	0
8	4	0	0	- 0,5	- 2	- 0,5	- 2
9	8	1	8	0	0	0	0
10	10	1	10	0	0	0	0
11	8	1	8	0	0	0	0
12	8	1	8	0	0	0	0
Сумма	100		74		- 13		- 6,6

№	Художественные	
	Оценка сохранения	Оценка изменений

маркёра	Вес маркёра	Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	6	0	0	-0,5	-3	-0,5	-3
3	10	1	10	0	0	0	0
4	8	0	0	-0,5	-4	-0,5	-4
5	6	0	0	-0,5	-3	-0,5	-3
6	8	0	0	-0,5	-4	-0,5	-4
7	6	0	0	-0,5	-3	-0,5	-3
8	8	1	8	-0,1	-0,8	-0,1	-0,8
9	6	1	6	-0,1	-0,6	-0,1	-0,6
10	12	0	0	-0,5	-6	-0,5	-6
11	8	1	8	0	0	0	0
12	16	1	16	0	0	0	0
Сумма	100		54		-24,4		-24,4

По сохранности маркёров текст имеет средние показатели, близкие к РТ № 82. Однако имеющиеся изменения носят совсем другой характер. Они оценены отрицательными числами и совсем не имеют компенсации положительными показателями изменений маркёров.

Фрагментный анализ даёт показатель креативности ниже среднего. Работа ближе к копиальному типу. Особенно это видно во втором и шестом фрагментах, имеющих низкие показатели объёма деривационной области. По таблице 3 видно, что на фоне средних показателей по указанным двум фрагментам 16,7 и 25 соответствующие показатели РТ 8 и 16 выглядят значительно заниженными. Из оснований фрагментного анализа понятно, что маленький объём деривационной области свидетельствует о сохранении наблюдаемых элементов деривации ИТ. Поэтому можно заключить, что РТ № 19 ближе к копиальному типу текстопроизводства.

Замена настоящего времени в первом абзаце на прошедшее иллюстрирует, на наш взгляд, модальность пересказчика, дистанцирующегося от передаваемой информации.

Переход от прошедшего времени к настоящему в последнем предложении первого абзаца и копиальное его воспроизведение, а также механический пропуск глагола, описывающего действия лейтенанта с пачкой своих писем, свидетельствуют о мнемоническом характере деятельности автора РТ № 29.

Внутренняя форма ИТ в виде смысловых лакун и авторских импликаций в эпизоде со шлюпкой осталась за пределами РТ. Сохранение метафоры «корабль-человек» – принадлежит внешней форме. Преобладание глаголов, свёрнуто описание корабля, уменьшено количество пространственных связей. Заголовок доминантный текстовый. Диктумно-имплицитный тип преобразований.

РТ № 5

На берегу стояла бочка накрытая брисентом. Если корабль проплывал мимо этого берега он подбирал корреспонденцию находившуюся в этой бочке. Один корабль кокрас проплывал мимо берега. Матросы спустили шлюпку забрали содержимое бочки и оставили своё. (Зачёркнуто: Он поднял). Корабль поднял паруса и уплыл.

Таблица 20

№ маркёра	Логические						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	1	6	0	0	0	0
2	14	1	14	0	0	0	0
3	16	0	0	- 1	- 16	- 0,5	- 8
4	8	0	0	- 1	- 8	- 0,5	- 4
5	4	0	0	- 1	- 4	- 1	- 4
6	10	0	0	- 1	- 10	- 1	- 10
7	4	0	0	- 1	- 4	- 1	- 4
8	4	0	0	- 1	- 4	- 1	- 4
9	8	1	8	- 0,2	- 1,6	1	8
10	10	1	10	- 0,3	- 3	1	10
11	8	0,5	4	- 0,3	- 2,4	0,5	4
12	8	1	8	0,2	1,6	0,5	4
Сумма	100		50		- 51,4		- 8

№ маркёра	Художественные						
	Вес маркёра	Оценка сохранения		Оценка изменений			
		Оценка присутствия	Значимость присутствия	Внешний план		Внутренний план	
				Оценка	Значимость	Оценка	Значимость
1	6	0	0	- 0,5	- 3	- 1	- 6
2	6	0	0	- 0,5	- 3	- 0,5	- 3
3	10	0	0	- 1	- 10	- 1	- 10
4	8	0	0	- 0,5	- 4	- 1	- 8
5	6	0	0	- 0,5	- 3	- 1	- 6
6	8	0	0	- 0,5	- 4	- 1	- 8
7	6	0	0	- 0,5	- 3	- 1	- 6
8	8	0	0	- 0,5	- 4	- 1	- 8
9	6	0	0	- 0,5	- 3	- 1	- 6

10	12	0	0	- 0,5	- 6	- 1	- 12
11	8	0	0	- 0,5	- 4	- 1	- 8
12	16	0	0	- 0,5	- 8	- 1	- 16
Сумма	100		0		- 55		- 97

Несмотря на очень краткое изложение оказывается, что половина логических маркёров сохранена. Пропущенные маркёры привели к значительным изменениям на внешнем плене текста (– 51) и гораздо к меньшим на внутреннем плане (– 8). Из художественных маркёров не сохранён ни один маркёр, художественная составляющая текста фактически отсутствует. Фрагментный анализ показывает, соответственно, большой объём деривационной области, за счёт пропуска фрагментов, содержащих художественно-описательные позиции текста. Однако креативное поле не является экстремально низким. Если учесть маленький текстовый объём всего РТ, то 16 элементов деривационного поля занимают существенную часть от общего объёма текста и создают художественное впечатление от мастерского сжатия исходного текста.

Итак, в данном РТ наблюдается ономаσιологический тип свёртывания текста с сильным уменьшением объёма текста и отсутствием абзацного членения. Диктумно-имплицитный тип преобразований. Внешние модификации связаны с усечением всех описательных пропозиций и усилением на этом фоне логических связей (на уровне внутренней и внешней формы текста). Гиперактуализация одного пространственного маркёра: *на берегу, мимо этого берега, мимо берега.*

Имеется также модусно-имплицитный тип преобразований. Внутренние изменения связаны с отсутствием признаков исторического времени и введением модальности наблюдателя-читателя, который пересказывает свою зрительную картинку, возникшую после прочтения текста-оригинала. Признаком пересказа является введение обобщающего понятия «содержимое» (бочки) и сконцентрированное в одном предложении присутствие идеи

«обмена», которая произвела впечатление на «пересказчика» («забрали... и оставили»). Характерна экономия языковых средств.

3.3 Классификация антропотекстов при других способах репродуцирования

В программу нашего исследования в качестве дополнительного материала включены репродуцированные и частично репродуцированные тексты, являющиеся языко-речевыми реакциями детей на различные виды «трансформационных» заданий с исходными текстами-стимулами: озаглавливание, клоуз-тестирование, изложение-схема. Общее в организации всех видов заданий – режим свободного эксперимента, спонтанная вербализация понимания текста и задания к нему после индивидуально-автономного прочтения ИТ, без вопросов и комментариев. В данном разделе описывается движение в русле первичных лингвоперсонологических наблюдений за вариантами текстов в перечисленных видах рече-языковой деятельности, с выходом на типологию антропотекстов и языковой способности человека.

3.3.1. Озаглавливание текста как вариант его сжатия

Озаглавливание является частным случаем деривационного преобразования текста – сжатия. Процедура озаглавливания «чужого» текста, во-первых, актуализирует субъективный опыт читающего, во-вторых, отражает его способность ориентироваться в доминантных и периферийных частях текста, а также показывает арсенал языковых средств, которым пользуется читающий для выражения своего понимания текста.

Операция подбора заголовка к тексту демонстрирует в определённом смысле процедуру перевода чужого текста на язык своего понимания и может использоваться в качестве диагностического инструмента для определения уровня развития языковой способности.

В проведённом эксперименте текст был предъявлен в распечатке

каждому учащемуся. Детям-реципиентам было предложено, после самостоятельного прочтения, записать все возможные варианты заголовка к небольшому рассказу Н. Сладкова и подчеркнуть понравившийся (предпочтительный) вариант. Приведём исходный текст.

Деревья бывают толстые, тонкие, высокие, низкие, прямые, кривые. А в горах можно увидеть дерево... волосатое. Увидишь и глазам не веришь. А подойдёшь, пощупаешь, так и есть, мохнатое! Ствол снизу звериной шерстью оброс!

Стоишь и гладишь мохнатое дерево, как собаку. Мягенькое, пушистое.

Если спрятаться у такого мохнатого дерева, то можно его тайну разгадать. Спустится со скалы дикая коза, подойдёт к дереву и начнёт тереться! Линяет она весной, вот шерсть зимнюю клочьями о кору и счёсывает. Одна коза почешется, вторая потрётся, третья поскребётся, вот дерево шерстью и обрастает. Стоит волосатое дерево всем на удивление.

В работе участвовало 67 учащихся 6 – 10 классов (из разных школ), 22 девочки и 45 мальчиков (гендерный аспект представлен как сопутствующий). Общий список составил 175 заголовков, из них 45 заголовков были выделены учащимися в качестве предпочтительных. При самой первой обработке читательских версий было обнаружено, что 70% всех заголовков связаны с реакцией учащихся на эмоционально–содержательную составляющую текста, 30% – на информационную составляющую. С другой точки зрения, 84% заголовков отражают реакцию на доминанту (ядро) текста и 16% – на его периферию.

Для более детального анализа были выработаны следующие критерии для характеристики типов заголовков (примеры см. в таблице 20):

1) По статусу источника озаглавливания – доминантные (ядерные), недоминантные (периферийные) заголовки. **Доминантные заголовки** возникают в результате адекватного восприятия тема-рематического членения авторского текста. **Недоминантные** заголовки отражают реакцию на

периферию текста или используют немотивированные текстом номинации.

2) По характеру источника озаглавливания – **креативные** и **«цитационные»** заголовки. Другими словами, альтернатива «свой» – «чужой» характеризует использование собственных, самостоятельно придуманных слов и конструкций, или заимствование таковых из авторского текста.

3) По преобладанию рациональности/эмоциональности в тексте заголовка. **Нейтральный** тип заголовков представляет описательные, эмоционально не окрашенные определения фактов, явлений, о которых говорится в тексте. Здесь читательские «усилия» минимальны.

Эмоциональный тип заголовков наполнен эмоционально–оценочной лексикой субъективного характера. Здесь выделяются два подтипа: **эмоционально–объектный** и **эмоционально–смысловой**. Определение «объектный» относится к описанию объекта внимания читающего. Определение «смысловой» применяется в случае использования синонимического ряда к доминантным смысловым лексемам первичного текста.

Рациональный тип заголовков констатирует главный факт (объект) текста и/или его «полезные» логически связанные производные. Рационально–объектный подтип представлен свёрнутыми заголовками, не учитывающими основной смысл текста («Дерево в лесу»). Рационально–смысловой подтип представлен развёрнутыми заголовками, учитывающими основной смысл текста («Польза мохнатого дерева в горах»). Параметр метафоричный / неметафоричный отражает использование метафоры как средства текстопостроения. Исследователями отмечено, что метафора легче и быстрее других фигур речи стимулирует рефлексивные процессы и потому представляет собой эффективное средство понимания текста [Крюкова, 1999].

В результате анализа предпочтительных заголовков и соотнесения их текстов с указанными критериями образовалось 12 типов заголовков с заданными характеристиками. Можно представить их в виде словаря вариантов

заголовков, рассматриваемых как антропотексты.

Варианты и типы заголовков

Характеристика типа заголовков	Варианты текстов заголовков	Количество учащихся, использовавших заголовки	
		Девочки	Мальчики
Доминантный, креативный, эмоциональный, объектный.	<ol style="list-style-type: none"> 1 Удивительное дерево 2 Необычное дерево 3 Необыкновенное дерево 4 Волшебное дерево 5 Странное дерево 6 Загадочное дерево 7 Пушистое дерево 8 Красивое дерево 9 Дерево необычайной красоты 10 Скрытое дерево 11 Чудо-дерево 12 Мохнатое деревце 13 Волосатик и мохнатик 	8(35%)	13(29%)
Доминантный, цитационный, нейтральный, метафоричный (с использованием авторской номинации).	<ol style="list-style-type: none"> 1 Мохнатое дерево 2 Мохнатое дерево в горах 3 Волосатое дерево 	7 (32%)	13(29%)
Доминантный, цитационный, эмоциональный, смысловой, метафоричный (с использованием авторской номинации).	<ol style="list-style-type: none"> 1 Тайна мохнатого дерева 2 Тайна деревьев 	1(4%)	4(9%)
Доминантный, креативный, рациональный, объектный.	<ol style="list-style-type: none"> 1 Загадка пушистого дерева 2 Разгадка тайны мохнатого дерева 3 Дерево-загадка 4 Тайна дерева-собаки 	3(13%)	1(2%)

Характеристика типа заголовков	Варианты текстов заголовков	Количество учащихся, использовавших заголовки	
		Девочки	Мальчики
Недоминантный, креативный, рациональный, смысловой, метафоричный (без использования авторской номинации).	<ol style="list-style-type: none"> 1 Козья чесалка 2 Козья расческа 3 Шерсть в нашей жизни 4 Коза линяет, а дерево обростает 	1(4%)	3(7%)
Недоминантный, креативный, эмоциональный, смысловой.	<ol style="list-style-type: none"> 1 Чудо в горах 2 Чудеса в горах 3 Горное чудо 4 Волосатые чудеса 	0	4(9%)
Недоминантный, креативный, рациональный, объектный.	<ol style="list-style-type: none"> 1 Польза мохнатого дерева в горах 2 Блохастые козы 3 Дерево из Чернобыля 	0	3(7%)
Доминантный, креативный, эмоциональный, смысловой.	<ol style="list-style-type: none"> 1 Таинственное дерево 2 Секрет 3 Секрет волосатого дерева 	2(8%)	1(2%)
Доминантный, цитационный, нейтральный, неметафоричный (с использованием авторской номинации).	<ol style="list-style-type: none"> 1 Дерево всем на удивление 2 Дерево на удивление 3 Всем на удивление 	2(8%)	1(2%)
Доминантный, креативный, нейтральный, неметафоричный, (с использованием авторской номинации).	<ol style="list-style-type: none"> 1 Толстое дерево 2 Разные деревья 	1(4%)	1(2%)
Доминантный, креативный, нейтральный,	<ol style="list-style-type: none"> 1 Сказочное, загадочное дерево 2 Обросшее дерево 	1(4%)	1(2%)

Характеристика типа заголовков	Варианты текстов заголовков	Количество учащихся, использовавших заголовки	
		Девочки	Мальчики
метафоричный, (без использования авторской номинации).			
Недоминантный, креативный, нейтральный, неметафоричный.	1 <i>Горная природа</i> 2 <i>Дерево и животные</i>	0	2(4%)

Группы заголовков, различающиеся по основным критериям «доминантный–недоминантный», «креативный–цитационный», имеют следующую частотность использования: «доминантный» – 32, из них 24 «креативный» и 8 «цитационный»; «недоминантный» – 13, все с характеристикой «креативный». Основные подтипы, обеспечивающие частотность заголовков доминантного типа: описательный, метафоричный («цитационный») и эмоционально–объектный («креативный»). Первый подтип полностью мотивирован первичным текстом, второй – отражает читательскую реакцию (интерпретацию) на текст-стимул.

Выделяются 2 группы заголовков недоминантного типа: рационально–смысловой и рационально–объектный. Большая их часть находится по отношению к первичному тексту в позиции разрушающего преобразования.

Отметим далее способы оперирования языковыми средствами, к которым прибегают ученики при создании текстов заголовков. Около 57% учащихся в выделенном списке заголовков брали для озаглавливания слова из текста, варьируя их в разных сочетаниях и преобразуя в другие части речи или подбирая к ним синонимы (*обрастает – обросшее, разгадать – разгадка, тайна – секрет*). Основное разнообразие заголовков было порождено восприятием учащимися семантической доминанты текста, связанной с

необычностью, загадочностью описываемой автором ситуации. Таким образом, возникло около 20 разных определений дерева, не использованных автором текста, а являющихся читательской версией.

Выделен синтаксический параметр исследуемых текстов, так как при построении заголовков появляются индивидуальные синтаксические конструкции. В общем списке вариантов имеются заголовки в виде вопросов («*Бывают ли мохнатые деревья?*»); заголовки с придаточными предложениями («*Дерево, которое любят животные*») и сравнительными оборотами («*Мягенькое, пушистое как собачка*»); заголовки, подчёркивающие процессуальность и сказочность ситуации и начинающиеся со слова «как» («*Как становилось дерево волосатым*»). Однако перечисленные синтаксически маркированные варианты заголовков не вошли в перечень предпочтительных, «официально» предъявляемых заголовков. Можно предположить, что в данном случае «сработал» эффект ожидаемого адресата (взрослого человека, не воспринимающего языковые «вольности» и предпочитающего близкие к тексту языковые реакции детей-реципиентов).

Используя полученные результаты систематизации и типологизации текстов заголовков, сделаем некоторые наблюдения в аспекте типологии языковых личностей детей. В частности, по возрастному типу и ментально–психологическому типу. Возрастной критерий отражён в тексте заголовков в виде субъективного смыслового опыта. Почти все учащиеся 9–10 классов внесли в заголовки мотив дружбы, помощи, социальных явлений и отношений («*Дерево–помощник*», «*Друг зверей*», «*Дерево–санитар*», «*Дерево из Чернобыля*»), обобщённый образ природы, с использованием абстрактных слов и необычных словосочетаний («*Нечто странное в горах*», «*Разнообразие окружающей среды*», «*Горная парикмахерская*»). Такое речевое поведение естественно для данного возраста, оно отражает жизненные ценности подростков.

Ментально–психологический тип личности отражает традиционную

дифференциацию художественного и логического типов, которые часто соотносят с полом ребёнка: художественный тип восприятия характерен больше для девочек, логический – для мальчиков. В таблице 20 это специально выделено, приведены статистические данные. Наш материал не даёт достаточных оснований для отождествления художественного и логического типа с половой дифференциацией, однако можно отметить некоторые закономерности. Например, девочки почти в 2 раза чаще, чем мальчики использовали тип заголовка «доминантный, креативный». А мальчики почти в семь раз чаще использовали заголовки типа «недоминантный, креативный». Скорее всего, это проявление поведенческих реакций со стороны мальчиков, демонстрирующих свою интерпретационную свободу и оригинальность. В качестве дальнейшей перспективы исследования существует возможность изучения на данном материале гендерной линии лингвоперсонологической типологии производных текстов.

Художественный тип характеризуется использованием доминантных заголовков типа «креативный, эмоционально–объектный, нейтральный, метафорический (без использования авторской номинации)» и недоминантных заголовков типа «креативный, эмоциональный, рациональный смысловой».

Логический тип характеризуется использованием доминантных заголовков типа «цитационный, описательный, метафорический (с использованием авторской номинации)»; «креативный, нейтральный, неметафорический (с использованием авторской номинации)»; «креативный, рационально–объектный», а также недоминантных заголовков типа «креативный, рационально–объектный, нейтральный, неметафорический».

Представленная типология заголовков и её использование в опыте типологизации языковой личности школьников имеют не только лингвистический смысл, но и прикладную (лингводидактическую) ценность.

3.3.2 Варианты частично репродуцированных текстов при клоуз-тестировании

Клоуз–тестирование (от английского close – закрывать) – вид языковой деятельности, связанный с восстановлением пропущенной части текста. Процесс восстановления порождает деривационные изменения текста. Полученные варианты текстов называем частично репродуцированными.

Клоуз–тестирование в значительной степени направлено на чувственно–интуитивный уровень восприятия языка и базируется на способности к стилизации, подражанию, «предвосхищению» развития текста. Установление языковых параметров анализа вариантов полученных частично репродуцированных текстов и подбор соответствующих способов интерпретации составляют лингвистическую задачу с выходом на метод описания воссозданного текста в качестве антропотекста. Отдельные наблюдения характера воссоздания текста были предприняты в работах П.О.Афанасьева [1930], Н.Д.Голева, Н.В.Сайковой [2001], Чернущенко [2003] и др. Однако технология наблюдений и методика описания их результатов созданы не были. В данном исследовании делается попытка более системного и детального анализа вариантов восстановления текста.

В экспериментальном задании для клоуз–теста с пропущенными деепричастными оборотами (в задании это специально указывалось) использовался текст изучаемого в 7 классе произведения Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Текст теста имеет следующий вид (в скобках – пропущенные части фрагментов текста):

1) Прекрасная полячка так испугалась, (увидевши перед собой незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова).

2) Он представлял смешную фигуру, (открывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи).

3) Вот о чём думал Андрий, (повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего).

4) Под тонкими их корнями шныряли куропатки, (вытянув свои шеи).

5) В небе неподвижно стояли ястребы, (распластав свои крылья и

неподвижно устремив глаза свои в траву).

Для клоуз-теста с пропущенными причастными оборотами был взят отрывок из романа А.Н.Толстого «Князь Серебряный».

В глубокой и тёмной тюрьме, мокрые стены которой были (покрыты) плесенью, сидел князь Никита Романович, (скованный) по рукам и ногам, и ожидал смерти. Не знал он, наверное, сколько прошло дней с тех пор, как его схватили, ибо свет ниоткуда не проникал в подземелье; но время от времени доходил до слуха его отдалённый благовест, и, соображаясь с этим глухим и слабым звоном, он рассчитал, что сидит в тюрьме более трёх дней. (Брошенный) ему хлеб был уже давно съеден, (оставленный) ковш с водой давно (выпит), и голод и жажда начинали его мучить, как непривычный шум привлёк его внимание...

Предварительное знание исходного текста и прочитывание довольно большого фрагмента произведения (частью которого является текст-тест) прямо перед выполнением теста – принципиально важные позиции в использованной при проведении теста авторской технологии Н. Д. Голева по развитию эстетического языкового чувства детей. Однако в данном исследовании нас интересует не лингводидактический, а лингвоперсонологический потенциал языкового материала.

Поле вариантов полученных в результате эксперимента текстов выглядит так:

Таблица 22

Авторские варианты деепричастных оборотов	Варианты заполнения позиций клоуз-теста
1. Прекрасная полячка так испугалась, <u>увидевши перед собой незнакомого человека</u> , что не могла произнести ни одного слова...	1 <i>увидевши Андрия;</i> 2 <i>увидя незнакомого человека;</i> 3 <i>увидев глаза этого человека;</i> 4 <i>услышав тихие шаги за дверью своей комнаты;</i> 5 <i>что не могла промолвить/сказать ни слова;</i> 6 <i>когда хлопнулся в грязь Остап;</i>
2. Он представлял смешную	1 <i>открывши рот и смотря потупив голову;</i>

Авторские варианты деепричастных оборотов	Варианты заполнения позиций клоуз-теста
<p>фигуру, <u>открывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи.</u></p>	<p>2 <i>открыв рот;</i> 3 <i>себя трусоватым и с хилыми ногами;</i> 4 <i>рассматривая каждую черту;</i> 5 <i>открыв рот и смотря на полячку;</i> 6 <i>раскрыв рот и глядя в её ослепительные очи;</i> 7 <i>открыв рот и наклонив казацкую голову;</i> 8 <i>открыв рот и наклонив голову;</i> 9 <i>пробегая по саду;</i> 10 <i>когда полячка нарядив его в разные украшения;</i> 11 <i>повесив голову и потупив глаза в землю;</i> 12 <i>нарядившись в его драгоценностях;</i></p>
<p>3. Вот о чём думал Андрий, <u>повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.</u></p>	<p>1 <i>склонив голову, сидя в седле коня;</i> 2 <i>склонив голову и тупо смотря на гриву коня;</i> 3 <i>склонив голову над гривой коня;</i> 4 <i>увидев перед собой (ту) полячку;</i> 5 <i>проснувшись рано утром;</i> 6 <i>очнувшись от сна;</i> 7 <i>ехал на сечь;</i> 8 <i>ехал вместе с отцом и братьями на сечь;</i> 9 <i>его мысли заполнив душу и сердце любовью к полячке;</i> 10 <i>потупив голову в гриву коня;</i> 11 <i>повесив голову и потупив глаза в гриву коня;</i> 12 <i>повесив голову и потупивши взгляд в гриву коня;</i> 13 <i>уткнувшись носом в гриву коня;</i> 14 <i>проезжая по стени;</i></p>
<p>4. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, <u>вытянув свои шеи.</u></p>	<p>1 <i>расправивши крылья;</i> 2 <i>расправив свои широкие крылья;</i> 3 <i>искавшие еду;</i> 4 <i>крича тревожно и спасаясь от ястребов;</i> 5 <i>спасаясь от ястребов;</i> 6 <i>скрываясь от ястребов;</i> 7 <i>увидевши ястребов в небе;</i> 8 <i>ища еду и тревожно крича;</i> 9 <i>клюя тонкие корни;</i></p>
<p>5. В небе неподвижно стояли ястребы, <u>распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву.</u></p>	<p>1 <i>выглядывая добычу;</i> 2 <i>выглядывая добычу, чтобы полакомиться;</i> 3 <i>выслеживая в поле добычу;</i> 4 <i>высматривая жертву;</i></p>

Авторские варианты деепричастных оборотов	Варианты заполнения позиций клоуз-теста
	5 <i>смотревшие вниз;</i> 6 <i>глядя на землю;</i> 7 <i>наблюдая за куропатками;</i> 8 <i>наблюдая за шныряющими куропатками;</i> 9 <i>наблюдая за казаками;</i> 10 <i>разглядывая с вышины добычу;</i> 11 <i>распластав свои крылья и неподвижно смотрели на траву;</i> 12 <i>распластав крылья в воздухе;</i>
Авторские варианты причастных оборотов	
1. (стены были) покрыты	<i>покрытые, заросшие</i>
2. скованный (по рукам и ногам)	<i>Скованный (7 работ), связанный</i>
3. отдалённый (благовест)	<i>звонящий, приглушённый, вечерний, церковный, радостный, звонкий, долгожданный, колокольный, звеневший, гроыхающий, громкий звон, неуспокаивающийся</i>
4. брошенный (ему хлеб)	<i>надоевший, принесённый, принёсший, подавали ему, брошенный (1 работа)</i>
5. (хлеб был уже давно) съеден	<i>засохший, испорченный, затверделый, съеденный</i>
6. оставленный (ковш с водою)	<i>поданный, выпитый, принесённый, лежавший, данный, огромный, стоявший, наполненный, заржавевший, железный, алюминиевый, нетронутый</i>
7. (ковш с водою давно) выпит	<i>опустел, выпитый, наполнен, пустой, стоял, осушен, пролит, лежавший</i>

Теперь можно сделать сжатое параметрическое описание полученных вариантов замен в проведённом клоуз–тесте, отражающее языковое поведение художественного и логического языковых типов.

Таблица 23

Художественный	Примеры	Логический	Примеры
Выход за текст	3–13, 4–3	Следование тексту	2–5, 3–3
Потребность мотивировать через образ	2–3, 3–9	Потребность устанавливать причинно–следственные	1–5, 5–7

		отношения	
Стилистически– маркированная лексика	3–6, 4–6	Стилистически– нейтральная лексика	3–5, 3–6
Креативность на содержательном уровне	4–3, 4–4, 4–8	Креативность на формальном уровне	2–1, 3–2, 4–8
Логические несоответствия, текстовая «эkleктика»	1–6, 4–9	Стремление к логической завершённости, сохранению формальных элементов	3–11, 5–12
Художественность метафоричная. Высокий уровень абстракции	3–9, 5–4	Художественность описательная. Средний уровень абстракции	4–1, 5–8, 5–10

На основании анализа текстовых вариантов представилось возможным выделить по отношению к творческим характеристикам языкопользования условно три типа производных (частично репродуцированных) текстов (из 26 работ): 1) креативный тип (9 работ), 2) формально–копирующий тип (10 работ), 3) эстетически–незрелый тип (некреативный, условно копирующий) (7 работ). Для последнего типа характерно наличие «пустых» мест в данном клоуз–тесте, не заполненных подходящими причастиями.

Накладывая традиционную дифференциацию художественного и логического типов мышления, отражающую разные принципы обработки, хранения и воспроизведения информации, мы получаем следующую матрицу, описывающую 6 типов антропотекстов:

Таблица 24

	Тип мышления	Художественный	Логический
Способ репродукции			
Креативный			
Формально-копирующий			
Эстетически-незрелый			

Что касается творческих характеристик языкопользования (способов

репродукции), то здесь следует опереться на языковые типы, выделенные в начале 20 века П.О.Афанасьевым [1930] – см. таблицу 15 ниже. В дополнение к ним при анализе выполненных семиклассниками клоуз–тестов было сделано 2 важных наблюдения лингвоперсонологического характера:

1) Все тексты в плане языкопользования делятся на 2 подгруппы: а) реагирующие на эстетические элементы формы и содержания, б) реагирующие на формальные элементы формы и содержания.

2) Отбор языкового материала ведётся либо с опорой на «готовое» внешнее знание и сопровождается ослабленной способностью наблюдать, либо с опорой на собственное восприятие, «внутреннее» знание и сопровождается хорошо проявленной способностью наблюдать.

Итак, сведём указанные позиции в общую характерологическую таблицу «языкопользователя».

Характеристика языкового материала Название языкового типа по Афанасьеву	по типу «опоры»		по типу реакции			
	на внеш нее знани е	на собстве нное воспри ятие	на эстетические элементы		на формальные элементы	
			содержан ия	формы	содержа ния	формы
1. Описательный, пассивно воспринимаю– щий объект * формально- копиальный, логический	+				+	+
2. Наблюдающий охватывающий связывающий через рассуждения * креативный логический		+		+	+	
3. Эмоциональн. сочувствующий * креативный художественный		+	+	+		
4. Формальный * эстетически незрелый логический	+			+	+	
5. * формально копиальный художественный		+	+			+
6.* эстетически незрелый художественный	+		+			+

Звёздочкой (*) отмечены языковые типы, выделенные в данном исследовании по указанным выше критериям.

Безусловно, «чистые» языковые типы мало реальны, тем более в школьный период развития личности, период осознанного становления языковой способности человека. Исследование показало, что клоуз–тестирование (при правильно организованной процедуре его проведения) является достаточно эффективным диагностическим инструментом для определения языковых особенностей человека. Параметры анализа клоуз–тестов в качестве «производных» текстов и критерии их оценки с точки зрения типа языковой личности школьника могут иметь дополнения и уточнения на материале других языковых тестов-текстов, а также в других возрастных группах.

3.4 Выводы по третьей главе

Анализ результатов дополнительно проведённых экспериментов позволяет сделать утверждение о том, что существующее взаимодействие внутриязыковых (внутритекстовых) и лингвоперсонологических факторов вариативности проявляется во всех видах репродуцирования текстов. Потенциальная (онтологическая) языковая и смысловая вариативность языковых единиц и фрагментов текста становится объективной базой для развёртывания лингвоперсонологической составляющей вариативности текста, которая, в свою очередь, обладает собственным набором описательных характеристик и параметров.

Так, в результате анализа вариантов заголовков к одному тексту на материале эксперимента по озаглавливанию, были выделены типы заголовков, соединяющие системно-текстовые и антропо-текстовые характеристики: 1) по статусу источника озаглавливания – доминантные (ядерные), недоминантные (периферийные); 2) по характеру источника озаглавливания – креативные, цитационные; 3) по преобладанию рациональности / эмоциональности в тексте заголовка – нейтральный, эмоциональный, рациональный. Типы заголовков отражают типы восприятия текста, и, следовательно, могут характеризовать языковую способность автора.

Сравнительный текстодедуктивный анализ, проведённый на разных видах РТ, позволил последовательно выделить ведущие типы языковой деятельности по отношению к исходному тексту в процессе его репродукции: копиальный / креативный, художественный / логический. Эти типы являются также базовыми характеристиками РТ, которые могут быть использованы при реконструкции портрета языковой личности. Данный фрагмент исследования является ещё одной, дополнительной иллюстрацией третьего положения, выносимого на защиту: репродукционная модель текста зависит от типа языковой деятельности репродуцирующего и определяется, в частности, актуализацией его внимания к определённым составляющим текста, а также – доминирующим способом языковой репродукции. В совокупности с результатами эксперимента по клоуз-тестированию и другими видами работы с текстом это является достаточным обоснованием положения о зависимости репродукционной модели текста от типа языковой деятельности репродуцирующего.

Комплексное решение основных задач диссертационного исследования продемонстрировано при анализе, составлении «дедуктивных портретов» десяти репродуцированных текстов. Опыт применения методик маркёрного и фрагментного анализа РТ наглядно-статистически показал возможность объективного выделения типовых вариантов языковой способности и дальнейшего движения к лингвоперсонологической типологии антропотекстов. Таким образом, конкретно-исследовательское обоснование и подтверждение получило шестое положение, выносимое на защиту.

Перспектива развития «проблемы портретирования языковой личности по тексту» в ключе нашего исследования репродуктивно-вариативных моделей текстов связана с продолжением серии направленных экспериментов по преобразованию разностилевых текстов. Накопление массива индивидуально-типологических вариантов РТ позволяет создавать фундаментальную конкретно-исследовательскую базу лингвоперсонологических параметров

описания антропотекстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование включает две составляющие: 1) теоретическую, направленную на осмысление факта деривационной вариативности в аспекте лингвоперсонологического функционирования языка и 2) конкретно-исследовательскую, воплощающую теоретические и методические аспекты разработки темы.

Феномен вариативности, наблюдаемый в живой динамике порождения русских репродуцированных текстов, позволил актуализировать проблему теоретического понятия «антропотекст». Наблюдение вариантов, возникающих при изложении, при озаглаивании одного текста разными людьми, а также вариантов заполнения клоуз-тестов показало, что текст предстаёт как антропотекст в разных видах репродукционных отношений человека с исходным текстом. И, представляясь таковым, текст репрезентирует поливариативное пространство, содержащее в себе одновременно и причину, и следствие своей вариативности.

Исследование показало, что репродуцирование текста человеком является лингвистически содержательным и практико-ориентированным «языковым полигоном» для изучения двух основных составляющих (по Н.Д.Голеву) языковой способности человека: языковой памяти и деривационной способности к сворачиванию и разворачиванию речевых произведений. Лингвистические параметры различных типов репродуцированных текстов позволяют реконструировать индивидуальные и типологические особенности носителя и пользователя языка. Следует отметить, однако, что наше исследование является лишь начальным фрагментом лингвоперсонологического направления изучения текстов в русле обозначенного профессором Н.Д.Голевым лингвоперсонологического аспекта функционирования русского языка.

Сравнительный анализ репродуцированных текстов по намеченным в работе локальным и интегральным текстовым показателям явился достаточно

наглядным способом лингвистической идентификации вариативного разнообразия текстов. Однако постоянно ощущалась объективная трудность, связанная с недостаточностью терминологического аппарата, позволяющего однозначно описывать текстологические различия (например, в случае разного заполнения авторами репродуцированных текстов языкового импликационала исходного текста). Поэтому, в нашем случае, само описание становится «языком», представляющим новую парадигму лингвистического наблюдения текста. По указанным причинам данная работа представляет собой вариант начального этапа на пути к теоретическому осмыслению понятия «антропотекст».

В теоретической части исследования сделаны следующие шаги:

- проведено уточнение актуальных для данной работы аспектов понятий «фрагмент текста», «текстовый маркёр», введены новые понятия: «элемент деривации», «деривационная область фрагмента», «креативное деривационное поле фрагмента»;

- разработаны алгоритмы двух методов изучения деривационной вариативности репродуцированных текстов: метод маркёров и метод фрагментов. Каждый из подходов позволяет получать численные, количественные характеристики репродуцированных текстов; методика маркёров и методика фрагментов позволяют исследовать проблему деривационной вариативности текстов соответственно со структурно-функциональной и структурно-семантической точек зрения, взаимно дополняя друг друга.

- введено понятие «потенциал вариативности текста», определяемое через возможность этого текста быть исходным в процессе репродуцирования. Разработан подход к квалиметрическому анализу потенциала вариативности;

- описаны типы деривационных преобразований, их причины и стимулы. Определены подходы к типологизации текстов;

- намечены подходы к описанию параметров языковой способности,

проявляемой в процессе репродуцирования текстов.

Все теоретические положения проиллюстрированы на экспериментальных материалах, а метод фрагментов применён ко всему массиву текстов. Теоретические результаты связаны с получением нового знания о русском языке, прежде всего – с освещением механизма деривационной вариативности текстов в двух взаимообуславливающих аспектах (системно- функциональном и лингвоперсонологическом).

В рамках экспериментальной части работы проведён эксперимент по репродуцированию фрагмента художественного текста в режиме спонтанной письменной вербализации (изложения). Масштабы эксперимента (получено более 220 репродуцированных текстов) позволили при обработке результатов использовать статистические методы. Кроме того, проведены дополнительные эксперименты по озаглавливанию текстов, клоуз-тестированию и некоторым другим видам работы с текстом.

Изучение текстов, полученных в результате эксперимента и на протяжении всей работы рассматриваемых как антропотексты, позволило:

- установить наличие двух типов факторов, влияющих на репродукционную модель текста: внутритекстовых и лингвоперсонологических;
- получить, вначале эмпирическое, представление о причинах и стимулах вариативности, о возможных подходах к её описанию;
- обобщить эмпирические наблюдения и создать теоретический аппарат для изучения деривационной вариативности репродуцированных текстов;
- проиллюстрировать новые теоретические понятия и методы на конкретном языковом материале.

Перспективы исследования связаны с развитием парадигмы описания текста как антропотекста и, прежде всего, – с теоретической разработкой понятия “антропотекст”. Намеченный подход к тексту нуждается в достаточно масштабной реализации, с привлечением дополнительных аспектов

текстодериватологического анализа, накоплением и описанием разновидностей элементов текстовой деривации, с расширением типов репродуцированных текстов и вариантов направленного эксперимента. Это позволит получить устойчивые значения основных деривационных показателей (объём деривационной области, объём креативного поля деривационной области) для текстов разного типа, и тогда числовое значение показателей для любого очередного текста сразу будет нести в себе определённую информацию. В данной работе эти показатели деривации текстов пока узко информативны, они используются лишь для сравнения потенциала вариативности отдельных фрагментов исходного текста, а также для сравнения вариативности репродуцированных текстов. Требуется расширения и намеченная в работе линия изучения системно- и антропотекстовых причин, стимулирующих деривационные преобразования текста.

Обозначенные в диссертации лишь контурно лингводидактические возможности исследования также составляют перспективу развития разрабатываемого лингвоперсонологического подхода к процессу вторичного текстопроизводства, в аспекте его диагностического и обучающего потенциала.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания . – 1995. – № 1. – С. 37-67.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – XV, 895 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. проф. В.Ф.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Афанасьев П.О. Краткая методика родного языка. – М.-Л., 1930.

5. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.– 534 с.
6. Бакланова Л.И. Образ автора публицистического произведения в зеркале имплицитного содержания текста (на материале «На фоне портрета мира» В.Войновича) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 381-382.
7. Баранов А.Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 1997. – С. 4-12.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979. – 424 с.
9. Бахтин М.М. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе // Русская словесность. – 1994. – №2. – С. 47-56. .
10. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. проф. В.Ф. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 227-244.
11. Белянин В.П. Психологические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
12. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
13. Бех Н.Н., Савилова И.В., Сайкова Н.В. Школьные изложения и тип языковой личности // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть I: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: Материалы конференции / Под ред. Н.Д.Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 82-88.

14. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. – Барнаул: БГПУ, 2004. – С. 10-31.
15. Блохина Н.Г. Взаимосвязь русского языка и художественной литературы // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 583-584.
16. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: Дисс.... док. филол. наук. Л., 1984. – 310 с.
17. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста: Учебное пособие.– Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – 70 с.
18. Богин Г.И. Начальные уровни развития языковой личности школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки: Пособие для методиста и учителя. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1999. – 62 с.
19. Богуславская В.В. Особенности многофакторного анализа текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 383.
20. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. – 212 с.
21. Болотнова Н.С. Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 286-287.
22. Борботько В.Г. Внутренняя организация текста в плане восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. – М.: Наука, 1976. – С. 83-87.
23. Бринёв К.И. О взаимоотношении структурно-семантического и функционального аспектов исследования языка (к описанию свойств

внутренней формы слова) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Материалы всероссийской конференции, посвящённой 120-летию Томского университета (27-29 марта 1998 г.). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. – С. 108-109.

24. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.

25. Бутакова О.Л. Языковая способность – речевая компетенция – языковое сознание индивида // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 13-14.

26. Васильева А.Е. Восприятие и продуцирование текстов юмористического характера как способ речевого развития учащихся пятых классов. Автореф. диссерт... к. ф. н. – СПб., 1994.

27. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 404с.

28. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста. – М.: Высшая школа, 1989. – 134 с.

29. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

30. Волокитина Л.Н., Киркинская Т.И. К типологии языковой личности школьника // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч.1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева.– Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 89-94.

31. Волошко И.В., Чернущенко И. А. Два подхода к анализу одного текста при подготовке к изложению // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах:

Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 31-38.

32. Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28. – 296 с.

33. Воронова Н.Г. Использование деятельностного подхода при интерпретации художественного текста // Текст: варианты интерпретации: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Бийск: НИЦ БПГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 68-70.

34. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1964. – 414 с.

35. Гавенко А.С. Вторичный текст как факт художественной коммуникации // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 227- 239.

36. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 366 с.

37. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

38. Гамалей Н.С. К проблеме непонимания // Текст: варианты интерпретации: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Бийск: НИЦ БПГУ, 2001. – С. 78-80.

39. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

40. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 252 с.

41. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. – С. 83-85.

42. Голев Н.Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи (детерминационный аспект) // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация:

Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – С. 19-28.

43. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетики слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998а. – С. 13-33.

44. Голев Н.Д. Лексико-деривационное пространство русского текста: структура, семантика, прагматика // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998б. – С. 24-33.

45. Голев Н.Д. О содержании школьного курса «Русский язык» и тестовом способе его представления на экзаменах // Известия АлтГУ. – Сер. История, педагогика, философия, филология. – № 3(8). – 1998в. – С. 96-101.

46. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимодействия с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1998г. – С. 9-20.

47. Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка // Филология: XXI век (теория и методика преподавания): Материалы Всероссийской конференции / Под ред. Н.Б.Лебедевой, Е.А.Косых. – Барнаул: БГПУ, 2004а. – С. 4-9.

48. Голев Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004б. – С. 15-16.

49. Голев Н.Д. Тексты рассказов В. М. Шукшина как воплощение энергии конфликта (опыт типологии антропотекстов и языковых личностей) // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2004в (в печати).

50. Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2001. – С.20-27.

51. Голев Н.Д., Чернышова Т.В. Публицистика как антропотекст, или «отражённый» читатель в тексте (на материале алтайской и центральной прессы) // Вестник Алтайского научного центра Сибирской Академии наук высшей школы. – № 5 – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 22-29.

52. Голев Н.Д., Киркинская Т.И., Бринёв К.И. Опыт лингвоперсонологического описания производных текстов (к типологии антропотекстов) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 58-63.

53. Гольдман А.В. Нереальность как семантическая составляющая текста // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: Материалы междунар. научн.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 57–63.

54. Горелов И.Н. Авербальные следы в тексте // Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – С. 123-145.

55. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских ассоциаций // Пол и его маркировка в речевой деятельности. – Кривой Рог, 1996. – С.65-103.

56. Губарева Т.Ю. Психолингвистический анализ понимания письменного текста. – АКД. – М., 1997. – 24 с.

57. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию – М.: «Прогресс», 1984. – 400 с.

58. Дейкина А.Д., Новожилова Ф.А. Тексты-миниатюры на уроках русского языка: пособие для учителя.– М.: Наука, 1998. – 144 с.

59. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 190 с.
60. Демьянков В.Э. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58-67.
61. Добраев Л.П. Анализ и понимание текста. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 72 с.
62. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента). Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 247 с.
63. Доронина Н.И. Системные свойства вторичного текста-деривата (на материале изложений) // Вторая международная конференция «Язык и культура»: Тезисы докладов. – М., 2003. – С. 189-190.
64. Доронина Н.И. Текст как функциональная система // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 томах. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С. 220-223.
65. Доснон О. Развитие креативности: креативность и обучение // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. – М.: Изд-во ин-та психологии РАН, 1997. – С. 65-81.
66. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
67. Дымарский М.Я. О лингвистическом статусе сложного синтаксического целого // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. – Л., 1991. – С. 70-86.
68. Дымарский М.Я. Грамматика текста и норма текстовости // АРТ: Альманах исследований по искусству. – Вып.1. – Саратов: Изд-во СГПИ им. К.А. Федина, 1993. – С. 32-42.

69. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX веков). – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1999. – 284 с.
70. Ерчак Н.Т. Особенности понимания художественного текста взрослыми и детьми // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 82-87.
71. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
72. Заика В.И. Об особенностях изложения описательного типа // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 73-81.
73. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – 382 с.
74. Земская Ю.Н. О признаках современного художественного текста дискурсивного типа // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции. Т.1. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2002. – С. 215-221.
75. Золотова Г.А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. Т. 1. – СПб., 2003. – С. 101-109.
76. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: Наука, 1996. – С. 284-296.
77. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. – Л.: ЛГПИ, 1989. – 82 с.
78. Кабардов М.К. О диагностике языковых способностей // Психологические и психофизиологические исследования речи /Под ред. Т.Н.Ушаковой. – М.: Наука, 1985. – С.176-202.

79. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
80. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3-8.
81. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: Наука, 1992. – 168 с.
82. Карташёва Л.А. Определение индивидуального стиля обучаемого по содержательно-когнитивным компонентам деятельности // Когнитивное обучение: Современное состояние и перспективы. – М.: Изд-во ин-та психологии РАН, 1997. – С. 267-277.
83. Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – 152 с.
84. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999.
85. Киркинская Т.И. Озаглавливание текста как приём типологизации языковой личности школьника // Вестник Алтайской науки. – Вып.1. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – С. 171-176.
86. Киркинская Т.И. О влиянии языковой нормы на индивидуальное развитие языковой личности // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть I: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 94-101.
87. Киркинская Т.И. Деривационный компонент языковой способности (к типологии антропотекстов) // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции. Т.1. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2002. – С. 264-271.
88. Киркинская Т.И. Язык, языковое чувство и языковая личность (к проблеме типологизации индивидуального развития языковых способностей

детей // Актуальные проблемы развития речи и лингвистического образования детей: Сб. науч. статей. – Орёл: Изд-во Орлов.гос.ун-та, 2002. – С. 65-67.

89. Киркинская Т.И. Категория креативности в изучении и развитии языковой способности человека // Текст: структура и функционирование: Сб.ст. Вып.7 / Под ред. С.М. Козловой, Н.В. Халиной. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – С. 4-9.

90. Киркинская Т.И. Определение уровня интериоризации языковой личности школьника (в процессе восприятия, понимания и воспроизведения текста) // Коммуникативная педагогика: от «школы знания» к «школе понимания»: Материалы научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2004. – С. 206-212.

91. Киркинская Т.И. Изучение вариативности текстов с помощью маркёров // Филология: XXI век (теория и методика преподавания): Материалы Всероссийской конференции / Под ред. Н.Б.Лебедевой, Е.А.Косых. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 44-49.

92. Киркинская Т.И. Фрагментный анализ как способ изучения деривационной вариативности текста // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной науч.-практич. конференции. В 2 томах. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М.Шукшина, 2004. Т.1. – С. 159-166.

93. Комиссарова Л.М. Лингвосоциологическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, Б. Пастернака): Дис.... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 188 с.

94. Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). – М.: Наука, 1980. – 124 с.

95. Красиков Ю.В. Алгоритмы порождения речи. – Орджоникидзе: Ир, 1990. – 239 с.

96. Клычникова З.И. Психологические особенности восприятия и понимания письменной речи (Психология чтения). – Автореф. диссерт... докт. психол. наук. – М., 1975.
97. Крюкова Н.Ф. Средства метафоризации и понимание текста. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1999. – 128 с.
98. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Российская академия наук. Ин-т русского языка имени В.В.Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 79-100.
99. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н.Мурзина). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 45-51.
100. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
101. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. – 262 с.
102. Лейтес Н.С. Возрастная одарённость и индивидуальные различия. – Москва–Воронеж: Изд-во ин-та практич. психологии, 1997. – 448 с.
103. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: УРСС, 1999. – 211 с.
104. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 46-47.
105. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 52. – 1993. – Вып 1. – С. 3-9.
106. Лобок А.М. Диалог с Л.С. Выготским по поводу письменной речи // Вопросы психологии. – 1996. – № 6. – С. 41-52.
107. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1982. – 944 с.

108. Лотман Ю.М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры текста // Вопросы языкознания. – 1963. – № 3.
109. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л., 1972. – 270 с.
110. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Ю.М.Лотман. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 768 с.
111. Лукашевич Е.В. Диагностика состояния семантического уровня языковой способности современного школьника // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч.1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 27-36.
112. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа.– М.: Гнозис, 1999. – 168 с.
113. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 496 с.
114. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: к 60-летию Ю.Н.Караулова. – М.: Наука, 1995. – С. 260-276.
115. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. – С. 81-104.
116. Максимова Н.В. Функционирование чужой речи в письмах-откликах (на архивном материале отдела писем «Учительской газеты» за 1987-1991гг.). – АКД. – СПб., 1995. – 19 с.
117. Максимова Н.В. Игры в слова и проблема развития языковой способности ребёнка. // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы Всероссийской

научно-практической конференции. Часть 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 37-45.

118. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.

119. Мещеряков В.Н. Жанры школьных сочинений: теория и практика: Учебное пособие для студентов и учителей-словесников. – М.: Флинта, 2001. – 255 с.

120. Москальчук Г.Г. К вопросу о форме текста // Текст: варианты интерпретации: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Бийск: НИЦ БПГУ, 2001. – Вып 6. – С. 190-193.

121. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.

122. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – 170 с.

123. Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982.

124. Мурзин Л.Н. О динамической природе языка // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. – Л., 1983. – С. 61-68.

125. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – 56 с.

126. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 160-169.

127. Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 238-248.

128. Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С 79-91.

129. Немченко В.Н. Вариативность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990.
130. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. – М.: Изд-во Московского гос. лингвистического ун-та., 1996. – С. 112-116.
131. Нерознак В.П. Теория словесности: старые и новые парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. проф. В.Ф.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 5-8.
132. Нерознак В.П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: Тезисы первой межд.конф. – М., 1999. – С. 70-71.
133. Никишаева В.П. Опыт лингво-стилистического анализа художественного текста. – Бийск: Изд-во Бийск. гос. пед. ун-та, 1998. – 160 с.
134. Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 507.
135. Новиков А.И. Семантика текста и её формализация.– М.: Наука, 1983. – 216 с.
136. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: РАН, Ин-т языкознания, 2002. – С. 155-180.
137. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
138. Новиков Л.А. Феномен эстетического в языке. // Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 17-36.
139. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: УРСС, 2003. – 301 с.
140. Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука, 1989. – 175 с.

141. Пастушенков Г.А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1995. – 212 с.
142. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // Русский язык в школе. – 2000. – № 4. – С. 4-11.
143. Пищальникова В.А. Ментальные основания языковой способности // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2001. – С.123-135.
144. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста: Психолингвистический аспект. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 132с.
145. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт.гос.ун-та, 1992. – 74 с.
146. Потебня А.А. Мысль и язык.– Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
147. Практикум по общей экспериментальной и прикладной лингвистике / Под ред. А.А.Крылова и С.А.Маничева. – СПб., 2000. (*Методы исследования мышления и речи – С. 136-205. Психолого-педагогическая диагностика: развитие интеллекта, навыки чтения и речеизложения. – С. 342-407*).
148. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416-434.
149. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Российская академия наук. Ин-т русского языка имени В.В.Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 568 с.
150. Рухленко Н.М. Восстановление деформированного текста // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 2001. – № 7.
151. Сайкова Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): Дис. ... канд.филол.наук. – Барнаул, 2002. – 162 с.

152. Сахарный Л.В. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) // Теоретические аспекты деривации. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1982.

153. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо– и социолингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

154. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28. Антропоцентрические исследования.

155. Севрук А.И., Юнина Е.А. Современная языковая личность: параметры и измерения // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Гродно: Изд-во ГрГУ, 2000. – С. 370-376.

156. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. – 212 с.

157. Снитко Т.Н. Языковая личность как методологическая проблема // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 36-37.

158. Солганик Г.Я. О текстовой модальности как семантической основе текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М., 1984.

159. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Высшая школа, 1991. – 182 с.

160. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2.

161. Сорокин Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 61-74.

162. Сорокин Ю.А. Речевые маркёры этнических и институциональных портретов и автопортретов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 43-53.
163. Сухих С.А. Черты языковой личности // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: сб. науч. трудов. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1993. – С. 85-90.
164. Таранец Н.А., Тхорик В.И. Речеэстетическая система художественного текста как объект лингвистической интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 609-610.
165. Текст как объект лингвистического и психолого-педагогического исследования: тез. докл. науч.-теорет. конф. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982. – 98 с.
166. Тимофеев К.А. Вариативность в словообразовании (вариативность корневых морфем) // Вариативные отношения в лексике. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 3-13.
167. Ткачук О.Я. Определение уровня интериоризации языковой личности школьника через покомпонентный анализ вторичного текста // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 159-170.
168. Трипольская Т.А. Экспликация психологических типов личности в эмоциональной и оценочной интерпретации действительности // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 119-126.
169. Трубникова Ю.В. Деривационное функционирование лексических единиц текста (на материале современного русского языка). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1997. – 20 с.

170. Тугушев Р.Х. Системная персонология: качественный и количественный анализ. – Саратов: Изд-во УНЦ “Колледж”, 1998. – 272 с.
171. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С 105-114.
172. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 2002. – 80 с.
173. Тюпа В.И., Фуксон Л.Ю., Дарвин М.Н. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. Вып.1. Кемеровский ун-т, Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 1997. – 168 с.
174. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. – М.: Учпедгиз, 1961. – 171 с.
175. Фоменко Ю.В. Человек, слово и контекст // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. – Новосибирск, 2001. – С. 164-168.
176. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 2003. – 236 с.
177. Чернышова Т.В. Понимание текста: внеязыковые (психофизиологические) и собственно языковые (коммуникативные) факторы // Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С.108-117.
178. Чернышова Т.В. Языковая личность: метаморфозы интерпретации // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть I: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 129-137.
179. Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. – С. 23-24.

180. Чувакин А.А. Об условиях функционирования текста // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей. Вып.5 / Под ред. А.А.Чувакина. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 6-14.
181. Чувакин А.А. К проблеме сущности текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 421-422.
182. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 5-28.
183. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность //Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей к 60-летию Ю.Н.Караулова. М.: Наука, 1995. – С. 213–223.
184. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ун-та «Перемена», 1998. – 148 с.
185. Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и в словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 7-15.
186. Шелепова Л.И. О языковой обусловленности лексических замен в Прологе // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 107-113.
187. Шкуропацкая М.Г. Словесные ассоциации как средство описания семантического расстояния между словами // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 томах. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С. 189-196.

188. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1998.

189. Язык и личность: сб. науч. ст. / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Наука, 1989. – 216 с.

190. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. – Волгоград: Издательство Волгогр. пед. ун-та "Перемена", 1997. – 144 с.

Приложение

АНАЛИЗ РЕПРОДУЦИРОВАННЫХ ВАРИАНТОВ ФРАГМЕНТА №6 ИСХОДНОГО ТЕКСТА

1. Текст фрагмента №6.

...В это время | к берегу | причалила | шлюпка | с шестью гребцами, | и младший лейтенант клипера, | выскочив на песок, | подошёл к бочке. | Откинув | брезент, | он вынул из неё | несколько пакетов | и бросил, | в свою очередь, | пачку писем. | Потом | все | уехали | и скоро | превратились в | маленькое, | чёрное | пятно, | машущее | крошечными | вёслами....

Вертикальной чертой отделены элементы деривации фрагмента (26 элементов).

2. Карта вариативных замен.

Исходный текст	Репродуцированные тексты
<i>В это время</i>	<i>Вот; тем временем; к этому времени; в то же время; вдруг; затем; неожиданно; тут; и тут; вскоре; и вот.</i>
<i>к берегу</i>	<i>От корабля; к острову; к клиперу; к бочке; к ним.</i>
<i>причалила</i>	<i>Подплыла; отплыла; приплыла; подплыли; показалась; подплывала; плыла; приближалась; приблизилась; подошла; направлялась; они подгрести.</i>
<i>шлюпка</i>	<i>Лодка; вёсельная лодка; маленькая лодка; брашпиль.</i>

<i>с шестью гребцами,</i>	<i>С пятью гребцами; шесть человек; пара матросов; с двенадцатью человеками; шестиместная шлюпка; с лучшими гребцами; с матросами-гребцами; с гребильщиками.</i>
<i>и младший лейтенант клипера,</i>	<i>Лейтенант; главный лейтенант клипера; младший сержант; капитан; помощник шкипера; помощник боцмана; человек; один из них.</i>
<i>выскочив на песок,</i>	<i>Выскочил из лодки; спрыгнул на берег; спрыгивает на берег, вышел на песок, выпрыгнул, спрыгнул со шлюпки; кашляя, выскочил на песок.</i>
<i>подошёл к бочке.</i>	<i>Подбежал; подходил; они подошли.</i>
<i>Откинув</i>	<i>Подняв; разорвал; поднял; отбросил; снял; открыл; отодвинул; откидывал; сдёрнул; откинул; приоткрыл.</i>
<i>брезент,</i>	<i>Крышку; брезентовую накидку.</i>
<i>он вынул из неё</i>	<i>Забрал; взял; вытащил оттуда; доставал оттуда; достал из неё; вынимает; вытянул оттуда; выкидывает из неё; они забрали; люди забрали.</i>
<i>несколько пакетов</i>	<i>Письма; часть почты; почту; почту из бочки; несколько мешков; два мешка и почту; мешки с письмами; какие-то письма.</i>
<i>и бросил,</i>	<i>Сунул; опустил; кинул; опустили; бросает; сбросив; вывалил; забросил; положил туда; тоже положил.</i>
<i>в свою очередь,</i>	<i>Между тем; взамен; тем временем; одновременно; в ответ.</i>
<i>пачку писем.</i>	<i>Мешок с посылками и письмами; несколько писем; письма; свои письма; все письма; пачку с корреспонденцией; связку конвертов; свёрток; несколько собственных мешков с письмами.</i>
<i>Потом</i>	<i>Затем; а потом; позже; после этого; и вот скоро.</i>

<i>все</i>	<i>Они; он; шлюпка.</i>
<i>уехали</i>	<i>Поплыли; и уплывает; уплыли; поплыли обратно; отплыли; отчалили; разъехались; вернулась (шлюпка) на корабль; пришвартовалась к кораблю; отплыли на корабль; отплыла от берега; отдалялась; стал поворачивать.</i>
<i>и скоро</i>	<i>Вскоре; пока.</i>
<i>превратились в</i>	<i>Превращалась; пока не превратилась; становясь: превратившись; стала похожа; скрылись.</i>
<i>маленькое,</i>	Нет вариантов.
<i>чёрное</i>	<i>Тёмное.</i>
<i>пятно,</i>	<i>Пятна; пятнышко; точка; точки; как пятно.</i>
<i>машущее</i>	<i>Махали; махающей; махавшую; мелькает (вёслами); гребущее.</i>
<i>крошечными</i>	<i>Маленькими; мельчайшими; тонкими; крохотными.</i>
<i>вёслами.</i>	Нет вариантов.

3. Распределение РТ по объёму деривационной области (ДО) фрагмента №6.

Объём ДО	10 – 13	14 – 17	18 – 21	22 – 25	26 – 29	30 – 33	34 – 37
Количество РТ	4	11	18	28	31	20	8
Номера РТ	25, 31, 36, 103						1, 41, 50, 52, 64, 67, 109, 110

4. Распределение РТ по объёму креативного поля ДО фрагмента №6.

Объём креативного	0 – 3,5	4 – 7,5	8 – 11,5	12 – 15,5	16 – 19,5	20 – 23,5	24 – 27,5
-------------------	---------	---------	----------	-----------	-----------	-----------	-----------

поля							
Количество РТ	14	53	37	11	4	0	1
Номера РТ	25, 35, 68, 103, ...						64

5. Карты ДО репродуцированных вариантов фрагмента №6 с экстремальными значениями параметров.

РТ №52

... Вдруг к этой бочке подплыла шлюпка.

В ней были люди. Они забрали письма, сели в шлюпку и поплыли. Они уплывали всё дальше и дальше, сначала было видно, как гребут вёслами, а затем была видна только одна чёрная точка...

Исходный текст	РТ № 52
1 В это время	1) вдруг
2 к берегу	2) к этой бочке
3 причалила подплыла	3) в ней
4 шлюпка	4) были люди
5 с шестью гребцами,	5) сели в шлюпку
6 и младший лейтенант клипера,	6) они уплывали
7 выскочив на песок,	7) всё дальше и дальше
8 подошёл к бочке.	8) сначала
9 Откинув	9) было видно
10 брезент,	10) как гребут
11 он вынул из неё они забрали	11) а затем
12 несколько пакетов письма	12) была видна
13 и бросил,	13) только одна

14 *в свою очередь,*

15 *пачку писем.*

16 *Потом*

17 *все*

18 уехали и поплыли

19 *и скоро*

20 *превратились в*

21 *маленькое,*

22 *чёрное*

23 пятно, Точка

24 *машущее*

25 *крошечными*

26 ~~*вёслами.*~~

14) позиция наблюдателя

Примечание. Введённый в правое поле ДО условно-импликационный элемент деривации «позиция наблюдателя» отражает актуализацию автором РТ субъективной модальности текста.

Общий объём ДО: 18 невосстановленных элементов левого поля ДО + 14 элементов правого поля ДО + 5 парных элементов = 37 элементов деривации.

Объём креативного поля: 14 (правое поле) + 2,5 (вклад парных элементов ДО) = 16,5 элементов деривации.

РТ № 64

...Вот я вижу как уже к бочке подъехал корабль и мужчина нёс в руках почтовый свёрток, потом он положил его в бочку и сел обратно на корабль. Вдалеке появился ещё один корабль и из него на воды была выброшена шлюпка с шестью гребцами. Они подплыли к берегу и тоже положили мешок с посылками и письмами в почту. Потом уже их было видно далеко, они были как чёрные пятна...

Исходный текст

РТ № 64

- 1 *В это время*
- 2 ~~к берегу~~
- 3 *причалила* *подплыли*
- 4 ~~шлюпка~~
- 5 ~~с шестью гребцами,~~
- 6 *и младший лейтенант клипера,*
- 7 *выскочив на песок,*
- 8 *подошёл к бочке.*
- 9 *Откинув*
- 10 *брезент,*
- 11 *он вынул из неё*
- 12 *несколько пакетов*
- 13 *и бросил,*
- 14 *в свою очередь,*
- 15 *пачку писем.* *мешок* *с*
посылками *и*
письмами
- 16 ~~Потом~~
- 17 *все*
- 18 *уехали*
- 19 *и скоро*
- 20 *превратились в*
- 21 *маленькое,*
- 22 ~~чёрное~~
- 23 *пятно,* *пятна*
- 24 *машущее*
- 25 *крошечными*
- 1) *Вот*
- 2) *я вижу как*
- 3) *уже*
- 4) *к бочке*
- 5) *подъехал корабль*
- 6) *и мужчина*
- 7) *нёс в руках*
- 8) *почтовый свёрток*
- 9) *положил его в бочку*
- 10) *и сел*
- 11) *обратно на корабль*
- 12) *Вдалеке*
- 13) *появился*
- 14) *ещё один корабль*
- 15) *и из него*
- 16) *на воды*
- 17) *была выброшена*
- 18) *и тоже положили*
- 19) *в почту*
- 20) *уже было видно*
- 21) *далеко*
- 22) *они были*
- 23) *субъективная
модальность*
- 24) *позиция наблюдателя*
- 25) *цикличность действия*

26 вёслами.

Примечание. Условно-импликационный элемент деривации «субъективная модальность» введён вследствие появления в РТ «я-позиции», выраженной личным местоимением. В исходном тексте этот элемент отсутствует. Цикличность действия – приём, использованный автором РТ при описании сюжета с обменом почты.

Общий объём ДО: 8 невосстановленных элементов левого поля ДО + 25 элементов правого поля ДО + 3 парных элемента = 36 элементов деривации.

Объём креативного поля: 25 элементов (правое поле) + 1,5 (вклад парных элементов ДО) = 26,5 элементов деривации.

РТ № 103

...В это время к берегу причалила шлюпка с шестью людьми. Лейтенант подошёл к бочке, вынул из неё несколько пакетов и бросил пачку писем. Потом все уехали...

Исходный текст

РТ № 103

~~1 В это время~~

~~2 к берегу~~

~~3 причалила~~

~~4 шлюпка~~

~~5 с шестью гребцами, людьми~~

~~6 и младший лейтенант~~

~~клипера,~~

~~7 выскочив на песок,~~

~~8 подошёл к бочке.~~

~~9 Откинув~~

~~10 брезент,~~

~~11 он вынул из неё~~

~~12 несколько пакетов~~

- ~~13 и бросил,~~
 14 в свою очередь,
~~15 пачку писем.~~
 16 Потом
 17 Все
 18 уехали
 19 и скоро
 20 превратились в
 21 маленькое,
 22 чёрное
 23 пятно,
 24 машущее
 25 крошечными
 26 вёслами.

Общий объём ДО: 12 невосстановленных элементов деривации левого поля ДО + 0 элементов правого поля ДО + 1 парный элемент = 13 элементов деривации.

Объём креативного поля: 0 элементов правого поля ДО + 0,5 (вклад парного элемента ДО) = 0,5 элемента деривации.

РТ № 25

...В это время к берегу причалила шлюпка с шестью гребцами, из неё вылез капитан. Откинув брезент он вытащил несколько пакетов и бросил пачку писем.

Потом шлюпка уплыла и скоро превратилась в маленькое пятнышко...

- Исходный текст
- ~~1—В это время~~
~~2—к берегу~~
~~3—причалила~~

РТ № 25

- 1) из неё вылез капитан

4 ~~шлюпка~~

5 ~~с шестью гребцами,~~

6 и младший лейтенант капитан

клипера,

7 выскочив на песок,

8 подошёл к бочке.

9 ~~Откинув~~

10 ~~брезент,~~

11 он вынул из неё он вытащил

12 ~~несколько пакетов~~

13 ~~и бросил,~~

14 в свою очередь,

15 пачку писем.

16 ~~Потом~~

17 все шлюпка

18 уехали уплыла

19 ~~и скоро~~

20 ~~превратились в~~

21 ~~маленькое,~~

22 ~~чёрное~~

23 пятно, пятнышко

24 машущее

25 крошечными

26 вёслами.

Общий объём ДО: 6 невосстановленных элементов деривации левого поля ДО + 1 элемент правого поля ДО + 5 парных элементов ДО = 12 элементов деривации.

Объём креативного поля: 1 элемент правого поля ДО + 2,5 (вклад парных элементов ДО) = 3,5 элемента деривации.

